

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

ежемесячный научный журнал

ОБЩАЯ ЗАДАЧА

ОБЪ

УСТОЙЧИВОСТИ ДВИЖЕНИЯ.

ОБ ОДНОМ ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ УРАВНЕНИИ И О ЛИНЕЙНЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЯХ ВТОРОГО ПОРЯДКА С ПЕРИОДИЧЕСКИМИ КОЭФФИЦИЕНТАМИ

Comptes rendus de l'Academie des sciences, Paris, 1899, t. CXXVIII, p. 1073-1076.

В моей предыдущей заметке (Comptes Rendus, 1899, 10 августа) я привела некоторые предложения о корнях уравнения

$$W_k - a_k = \frac{p_1}{q_1 - a_1} \cdot \frac{a_2}{W_2 - a_2} (\bar{y}, -\beta) (\bar{x}, -\alpha) (\bar{y}, A^2 - \beta^2) (\bar{x}, -\alpha) + \dots$$

где $p(x)$ — заданная непрерывная периодическая функция периода ω , x и α — произвольный параметр, которыми независимы величины в уравнении (1).

Эти предложения относятся к тем случаям, когда функции $p(x)$ и α не меняют знака. Теперь я хочу сообщить некоторые предложения, относящиеся к более общему случаю, когда функции $p(x)$ и α могут менять знак.

Пусть ω — период функции $p(x)$, а α и β — два каких-либо чисел и $\Phi(x, y, z)$ — решение уравнения (2), обращающееся в нуль при $x = \alpha$, но не равное нулю тождественно. Рассматривая

ГИДРОСТАТИКА И ГИДРОДИНАМИКА $\Phi(b, a, \gamma) = \dots$

и вводя в него вместо α неизвестное α , мы приходим к уравнению

$$\sum_{k=1}^n \frac{W_k}{W_k - a_k} \Delta \rho_k = 0$$

где $\Delta \rho_k$ — разности значений ρ_k в точках α и β . Если ρ_k — функции α , то это уравнение имеет бесчисленное множество решений, и все эти решения являются функциями α . В противном случае существует бесчисленное множество отрицательных и бесчисленное множество положительных значений α , удовлетворяющих этому уравнению, обозначим через

$$\frac{\partial^2 W_{n+2}}{\partial x^2} = 0, \quad \frac{\partial W_{n+2}}{\partial y^2} = 0, \quad \frac{\partial^2 W_{n+2}}{\partial z^2} = 0,$$

$$(n+1) \left(x \frac{\partial U_n}{\partial x} + A \frac{\partial U_n}{\partial A} \right) = 0,$$

$$(n+1) \left(y \frac{\partial U_n}{\partial y} + B \frac{\partial U_n}{\partial B} \right) = 0,$$

$$(n+1) \left(z \frac{\partial U_n}{\partial z} + C \frac{\partial U_n}{\partial C} \right) = 0,$$

Поэтому

$$K = \sum_{k=1}^n \frac{a_k}{W_k - a_k} \Delta \rho_k = \dots$$

доказывая правоту предположения для которого можно взять $\alpha = \dots$

Положив $\alpha = \dots$

$$U_n = \int \dots$$

предполагая усл...

$$K = \left[\dots \right]$$

есть расстояние пяти...

высших масс жидк...

лежат выше пророй...

вырывается К моль...

схлупывается. Мы...

Но

$$A \frac{\partial U_n}{\partial A} = U_n + \int \xi \frac{\partial r^{n-1} d\xi}{\partial z} dz = x U_n$$

$$U_n^0 = \frac{2}{n-2} \int \int \int \dots$$

$$p = \frac{\sin^2 \theta \cos^2 \phi}{\beta^2} + \frac{\sin^2 \theta \sin^2 \phi}{\beta^2} + \frac{\cos^2 \theta}{\alpha^2}$$

$(\forall \varepsilon > 0)(\forall t_0 \in I)(\exists \delta(t_0, \varepsilon) > 0)(\forall x_0 \in B_{\delta(t_0, \varepsilon)})(\forall t \geq t_0, t \in J^+) \Rightarrow (\|x(t, t_0, x_0)\| \geq \varepsilon)$

$(\exists \varepsilon > 0)(\exists t_0 \in I)(\forall \delta > 0)(\exists x_0 \in B_{\delta})(\exists t_* \geq t_0, t_* \in J^+) \Rightarrow (\|x(t_*, t_0, x_0)\| \geq \varepsilon)$

15
2015
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 15 (95) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Матусевич Марина Степановна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенцов Аркадий Эдуардович, *кандидат политических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Титова Елена Ивановна, *кандидат педагогических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, *кандидат химических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ячинова Светлана Николаевна, *кандидат педагогических наук*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Александр Михайлович Ляпунов (1857–1918) — русский математик и механик, академик Петербургской Академии наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

- Антонов М. В.**
Муниципальная политика в сфере физической культуры: организационные и правовые основы 631
- Гончаров А. А.**
Роль биоритмов в тренировочном процессе... 635
- Коршунова О. С.**
Формирование компетенций по физическому воспитанию в вузе с учетом профиограммы будущих специалистов..... 637
- Патрахин А. И.**
Мотивация персонала спортивной организации: теоретические основы 640

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Куцова Э. Л., Еремеева Э. И.**
Christus 's Bergpredigt und das Wohltun..... 643
- Куцова Э. Л., Еремеева Э. И.**
N. A. Berdyaev Über das Wesen des Menschen im Schaffen von L. N. Tolstoi und F. M. Dostojewski .. 645
- Маркова Т. А.**
Символика образа Прозерпины в поэзии и живописи Данте Габриэля Россетти 648
- Могилевская Г. И.**
Информационная война в социальных сетях.. 650

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Лапшина И. Н.**
Судьба Людвиг Ван Бетховена 654

ФИЛОЛОГИЯ

- Авдонина Л. Н., Костина А. Е.**
Номинативное поле концепта «семья» в русской и английской культуре..... 657

- Агаева К. Ш.**
Библейский мотив избранничества в рассказе «Народ избранный» 659
- Балатукова З. И.**
Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения..... 661
- Бейненсон В. А.**
«Маркеры субъективности» в информационных текстах региональной сетевой журналистики. 663
- Воронин Р. А.**
«Арктика» как единица топонимики 666
- Гимаева Э. З.**
Бытование баллады С. Т. Аксакова «Уральский казак» в русском фольклоре Башкирии 670
- Долгополова М. В.**
Смысловое пространство «Добро/зло» в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» 673
- Калназарова К. С.**
Падение редуцированных гласных и последствия этого процесса в истории русского языка 674
- Миналиева М. А., Рачителева Н. А., Кошенкова Н. В.**
Анализ речевых ошибок школьников, связанных с употреблением местоимений 677
- Салиджанов Ю., Юлчиев К. В.**
Трехстишие и сиджо 679
- Хасан-заде Виген, Голами Хосейн**
Парадигма императива в русском языке в сопоставлении с переводом на персидский язык 680
- Эргашева М. Б., Холикова Х. Р.**
Teaching cultural differences and developing cultural awareness 688
- Эргашева М. Б., Холикова Х. Р.**
Изучение иностранного языка: проблемы и перспективы 690

Юсупова Ф. М.

Литературный анализ художественного произведения как один из способов развития мыслительной способности студентов..... 692

ФИЛОСОФИЯ

Абдрахманова М. Ж.

Коллизии становления украинской культуры на рубеже XIX – XX вв. 694

Борисова Ю. В.

Состояние современной науки в современной культуре 696

Катунина Ю. К.

Взгляды на проблему культуры управления обществом и обеспечения безопасности границ государства в Древневосточной философии .. 698

Нагапетян К. Ж.

Концепты фольклора как протофилософские категории 701

Писаревская А. А.

Природа Бога в понимании Августина Блаженного..... 703

Скворцова Е. Н.

Закономерный характер развития феномена счастья 706

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Муниципальная политика в сфере физической культуры: организационные и правовые основы

Антонов Максим Викторович, директор
ГБУДОД ДЮСШ № 2 (г. Санкт-Петербург)

Физическая культура — составная часть культуры, область социальной деятельности, представляющая собой совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых и используемых обществом в целях физического развития человека, укрепления его здоровья и совершенствования его двигательной активности.

В статье 3 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» названы основные принципы государственной политики в сфере физической культуры: непрерывность и преемственность физического воспитания различных возрастных групп граждан на всех этапах их жизнедеятельности; учет интересов всех граждан при разработке и реализации федеральных программ развития физической культуры, признание ответственности граждан за свое здоровье и физическое состояние; признание самостоятельности всех физкультурно-спортивных объединений, отвечающих требованиям данного Федерального закона, равенства их прав на государственную поддержку; создание благоприятных условий финансирования физкультурно-спортивных и спортивно-технических организаций, Олимпийского движения России, образовательных учреждений и научных организаций в сфере физической культуры, а также предприятий спортивной промышленности.

Сегодня проводимая государством политика в сфере физической культуры не позволяет осуществить в полном объеме конституционное право каждого гражданина России на занятия физической культурой и спортом.

Возможности и потенциал массового спорта и спорта высших достижений не используется в полной мере.

Изучив опыт управления государственным образовательным бюджетным учреждением дополнительного образования детей детско-юношеской школы города Санкт-Петербурга, можно выделить 3 больших блока проблем, в которых раскрыть еще ряд вопросов.

1-й блок — экономический, в котором ключевыми словами выступают «Проси больше, всё равно дадут меньше».

Планирование бюджета любого учреждения это сложный процесс, не исключение и спортивная школа. Чтобы всё предусмотреть надо скорее быть «экстрасенсом» или «пророком», которые способны заглянуть в будущее, а не опытным руководителем. Ты составляешь, разрабатываешь, готовишь и согласовываешь достаточно объемную часть документация для выделения бюджетных средств на следующий финансовый год, а в итоге цифры приходят совсем другие. И ты снова составляешь, разрабатываешь, готовишь и согласовываешь достаточно объемную часть документации, которая не рознится с выделенным финансированием. И вот здесь самое интересное! Как сделать так, чтобы никого не обидеть?

Прежде всего — зарплата всем сотрудникам, иначе работать коллектив не захочет, затем налоги, коммунальные услуги, обслуживание и т.д. А вот в конце уже дилемма, какие статьи КОСГУ в твоём бюджете наиболее важны, и начинаешь снимать. Немного со статьи закупка основных материальных ценностей, немного со статьи основные материальные ценности или материальные запасы, со статьи расходов на проезд, питание и проживание спортсменов и тренеров-преподавателей, участвующие в спортивных мероприятиях т.д. И вот он «СИКВИСТИРОВАННЫЙ БЮДЖЕТ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЫ»!

2-й блок — социальный: ключевыми словами этого блока становятся: «Не будет результата, не будет средств».

В сфере физической культуры и спорта наиболее важным является: результативность учащихся и массовость занимающихся.

Когда есть результат и достижения на различных спортивных мероприятиях спортсменов твоей спортивной школы, постоянный контингент занимающихся и творческий подход, тогда к тебе, как говориться поворачиваются лицом и идут на встречу в реализации намеченных планов.

В настоящее время, наши ученые: профессора экономических наук, кандидаты педагогических наук говорят о коммерциализации услуг в спортивно-досуговой сфере,

результатом которой является, например, то, что 80% российских школьников сегодня не знают, чем заняться после уроков, поскольку у их родителей нет средств на оплату кружков и секций. Такая ситуация опасна социально, нравственно, а также сказывается на здоровье подрастающего поколения. Говорят, что сегодня также происходит сокращение сети учреждений спортивно-досуговой сферы, уменьшение количества клубов и организаций, занимающихся любительскими видами спорта на безвозмездной основе.

Я же могу утверждать о ситуации изнутри.

На самом деле, коммерциализация услуг действительно развивается, но говорить о том, что это навязчивая идея, без которой невозможно существовать не приходится.

В любой спортивной школе работают отделения на безвозмездной основе, то есть сотрудники получают за проведение учебно-тренировочных занятий зарплату.

Любой желающий, который пройдет контрольные испытания для зачисления в спортивную школу, не имеющий медицинского отвода и противопоказаний для занятий, подходящий под требования к зачислению свободно может приступить к занятиям тем или иным видом спорта. Это конечно сужает круг возможностей бесплатно попасть в спортивную школу, но тогда и результата не будет. Остальные, желающие заниматься спортом, но не прошедшие контрольные нормативы и требования к зачислению могут записаться в платные группы, если таковые имеются в спортивной школе. Исключения остаются для лиц с ограниченными возможностями (инвалиды), сирот, многодетных семей, беженцев и т.д. Исключения заключаются в отношении оплаты услуг, а именно: возможность частичной оплаты, скидки и безвозмездно.

— отсутствие законодательной базы любительского массового спорта;

Действительно, в настоящее время остаётся факт отсутствия законодательной базы любительского массового спорта или частичного её присутствия. На примере города Санкт-Петербурга мы наблюдаем создание большого количества школьных спортивных клубов. Спортивные клубы открываются в государственных бюджетных образовательных учреждениях ежегодно и в большом количестве, а вот надо ли это количество в действительности остаётся под вопросом. Подумайте сами...

При открытии в общеобразовательной школе очередного спортивного клуба даёт законную возможность администрации этой школы отказать в безвозмездном пользовании спортивными объектами тренерам-преподавателям из районных спортивных школ, аргументируя тем, что времени свободного нет. Тем более что не так давно законным образом ввели третий урок физкультуры. И всё! Двери образовательных школ для дополнительного размещения и проведения учебно-тренировочных занятий спортсменам закрыты.

Пока судить плохо это или хорошо рано. Статистика покажет. Клубы набирают обороты, а результаты надо

будет обсуждать позже. В любом случае, можно говорить о тенденции развития массового спорта, да только не стоит забывать о спорте высших достижений, благодаря которому наши спортсмены побеждают на Олимпиадах, в чемпионатах Мира, Европы и т.д.

— недостаточная привлекательность для населения предлагаемых форм досуга;

На самом деле, и с этой проблемой можно бороться. Только начинать надо с самого начала, как только появилась информация об открытии того или иного, в основном олимпийского вида, отделения, уже в этот момент руководителю необходимо проанализировать необходимость такого открытия. А необходимость может исходить из потребности населения к занятиям тем видом спорта, который планируют открывать. Кажется, что сложно, но такой анализ нужен и тогда не попадёшь в ситуацию, когда открывают новое спортивное отделение по зимним видам спорта в том районе, где нет возможности им заниматься, и в том городе, где снега бывает мало или совсем нет.

Для решения указанной проблемой руководителю учреждения необходимо быть не просто педагогом, а ещё и разбираться в маркетинге. Надо исследовать рынок услуг, привлекательность и потребность и уже, исходя из результатов исследования принимать, решение об открытии новой, желательной востребованной услуги.

— необходимость улучшения инфраструктуры городских дворов, с целью вовлечения в спортивную деятельность слоев населения с невысоким достатком;

В настоящее время существует долгосрочная целевая программа Санкт-Петербурга «Программа развития физической культуры и спорта в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы», в которой предусмотрено финансирование на ремонт и оснащение внутривортовых площадок в различных районах города Санкт-Петербурга. Также статья расходов по благоустройству территорий районов предусмотрена в бюджете муниципальных образований города.

Широко развивается направление работы инструкторов районных центров физической культуры и спорта с пожилыми людьми. Очень большую популярность в этом направлении отдано такому виду спорта, как скандинавская ходьба.

Остаётся конечно проблема финансирования затрат, связанных с ремонтом и оснащением уличных спортивных площадок, но говорить о том, что в этом направлении государственная власть не уделяет внимание не приходится.

— текучесть недостаточность кадров в учреждениях спортивно-досуговой сферы;

В этом вопросе снова ключевая роль лежит на плечах руководителя учреждения. Ведь именно он отвечает за внутреннюю обстановку в коллективе. Только он может сдерживать и локализовать очаги социального напряжения. И если руководителю коллектив доверяет, то текучести кадров практически не бывает, ну разве что по выслуге лет. В таком коллективе единственным раздражителем внутреннего спокойствия могут быть только

непонятные, нелогичные и не обоснованные бюрократические решения «вышестоящего административного аппарата».

– увеличение среднего возраста преподавателей спортивно-досуговой сферы;

Иначе пока никак! Администрация учреждения во главе с руководителем не имеет потенциальных финансовых ресурсов и возможностей для значительной поддержки молодых кадров. Собственного административного ресурса не всегда хватает для развития молодого специалиста, хотя и здесь есть положительные моменты. Одно из последних новшеств это внедрение «дорожных карт» или так называемый «план мероприятий» по совершенствованию системы оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях. Хотя и не все ещё ориентируются в понятии «дорожная карта», это уже работает и заработная плата тренеров-преподавателей стремиться к среднему значению. Так вот что же такое «дорожная карта»?

Дорожная карта — это наглядное представление пошагового сценария развития определенного объекта — отдельного продукта, класса продуктов, некоторой технологии, группы смежных технологий, бизнеса, компании, объединяющей несколько бизнес-единиц, целой отрасли, индустрии и даже плана достижения политических, социальных и т.т. целей, например, урегулирования международных конфликтов и борьбы с особо опасными заболеваниями.

Иногда дорожное картирование используется как синоним бизнес-планирования либо Форсайта. Тогда как Форсайт представляет собой методику долгосрочного прогнозирования научно технологического и социального развития, основанной на опросе экспертов. Пока сложно судить работает это или нет. Надо ждать, анализировать и разбираться.

Ещё для поддержки молодых специалистов существуют «финансовые и материальные стимуляторы», которые выражаются в возможности учреждения доплачивать молодым сотрудникам стимулирующие надбавки за проезд, единовременная социальная помощь. На самом деле, многое зависит и от самого тренера-преподавателя. Если есть желание работать и добиваться результата, то и руководитель учреждения всегда сможет отметить инициативного работника.

К сожалению, высококвалифицированных кадров в городе Санкт-Петербурге осталось не так уж и много, поэтому руководители учреждений не преследуют целей избавляться от пенсионеров. Иначе, некому будет передавать накопленные знания и опыт.

3-й блок «политический»

– ненадлежащее состояние спортивных залов и бассейнов в школьных зданиях, учреждениях дополнительного образования;

Здесь можно поспорить. В глубинках да, в Санкт-Петербурге скорее уже нет.

Анализируя расходы, выделенные на капитальный ремонт учреждений физкультурной направленности раз-

личных районов Санкт-Петербурга до 2014 года включительно, можно сказать, что не всё так плохо как кажется. Есть, конечно, свои нюансы, как во всех других районах, но, в общем, учреждения отремонтированы и в них приятно не только заниматься спортом, а ещё и просто наблюдать спортсменов внутри помещений или быть зрителем на соревнованиях. И всё это может происходить и дальше и быстрее, если Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» всё таки будет работать. И не будет этой ненужной «указки» сверху как должно быть!

– отсутствие целенаправленной системной пропаганды физической культуры, здорового образа жизни и информирования о возможностях ведения здорового образа жизни в средствах массовой информации;

Здесь не поспоришь.

В настоящее время очень сложно конкурировать с коммерческими структурами в области рекламирования и информирования услуг вашего государственного бюджетного учреждения. Добиться безвозмездной рекламы практически не возможно. Приходится делать это своими силами.

– отсутствие единства действий различных министерств и ведомств, общественных организаций, финансово-промышленных объединений, компаний, коммерческих структур, ученых и специалистов в вопросах формирования здорового образа жизни детей и молодежи;

Какое может единство, если главное — это пропаганда здорового образа жизни, путём предоставления информации через средства массовой информации. Вот где главный источник единства целей, с помощью которого можно переворот совершить, если правильно им управлять.

– отсутствие системы финансовой и материальной государственной поддержки некоммерческих организаций, занимающихся развитием спортивно-досугового направления;

Почему отсутствие? Есть присутствие, только оно недостаточное. А чтобы было достаточное надо прекратить секвестирование бюджета, тем более что умные люди утверждают, что в этом нет необходимости, так как «финансовая подушка» и резервы бюджета РФ достаточно велики.

Инициатив от органов исполнительной власти и, правда, практически нет! Остаётся только самим быть исключительно инициативными и как не странно за свой счёт. Причем инициатива во многом часто исходит от руководителя учреждения, в котором работают те самые тренеры-преподаватели, педагоги дополнительного образования, учителя физической культуры и тренеры по месту жительства. Если своих коллег не убеждать, что это надо, прежде всего им, а администрация учреждения, в котором они работают, делает всё возможное, чтобы инициативы по повышению квалификации, переподготовке или просто дополнительному обучению не нарушали финан-

совой стабильности сотрудников, то и высококвалифицированных кадров будет становиться всё больше.

— недостаточная работа по закреплению законодательно эффективных экономических мер, утверждающих в обществе культ здорового тела, здорового духа, здоровых традиций и здоровой жизни.

Скорее всего, пока наши власти будут строить спортивные объекты, а потом передавать их в управление людям, далеким от спорта и физической культуры, не владеющих вопросами менеджмента и хозяйственной деятельности, то так и будет продолжаться рост коррупции (ведь всё на этом построено) и развал спорта высших достижений. И даже не важно инвестиционный это проект, коммерческий или государственный. Для многих давно уже не секрет, как некоторые руководители назначаются на должность, вернее по какому признаку, хотя поверьте не всегда.

Одной из главных задач в деле развития массового спорта и организации здорового досуга населения, особенно детей, инвалидов, пенсионеров в современной России должно стать обеспечение территориальной и ценовой доступности учреждений спортивно-досуговой сферы. Особая роль в развитии физической культуры должна принадлежать муниципальным органам власти, как наиболее близкому к населению управленческому уровню. Именно, на муниципальном уровне, что, кстати, указано в ФЗ № 131 [6], должна разрабатываться и реализовываться первичная политика в данной сфере.

Таким образом, необходима разработка и реализация муниципальной политики в сфере физической куль-

туры, под которой понимается деятельность властей направленной на создание условий для осуществления активного сохранения здоровья и отдыха населения путем занятий физической культурой и спортом на местном уровне. В управленческом аспекте муниципальная политика в сфере физической культуры — это комплекс мероприятий, осуществляемых органами местного самоуправления, направленных на создание правовых, экономических и организационно-управленческих условий обеспечивающих удовлетворение потребностей различных категорий и групп населения в физкультурно-спортивной деятельности, с учетом традиций, обычаев и экономического положения.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ, обеспечение условий для развития на территории муниципального района физической культуры и массового спорта, организация проведения официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий муниципального района относится к вопросам местного значения муниципального поселения (ст. 14), муниципального района (ст. 15) и городского округа (ст. 16). Данное положение также закреплено в ст. 9 Федерального закона «О физической культуре и спорте в РФ», в целях решения вопросов местного значения по обеспечению условий для развития на территориях муниципальных образований физической культуры и массового спорта, организации проведения официальных физкультурных мероприятий, физкультурно-оздоровительных мероприятий и спортивных мероприятий муниципальных образований.

Литература:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г.
2. Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов».
3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
4. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ.
5. Резолюция общественных слушаний на тему: «Проблемы развития массового спорта и организации здорового досуга детей и молодежи и пути их решения».
6. Федеральный Закон № 131 от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
7. Горшков, В. Е. Какузин В. А., Починкин А. В. Управление физической культурой и спортом в современных условиях: учебное пособие. — Малаховка: МОГИФК, 2003.
8. Дитятковский, М. Ю. К вопросу о понятии осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 2. — с. 29–31.
9. Галкин, В. В. Экономика физической культуры. — Воронеж: Изд-во Московской Академии экономики и права, 2000.
10. Зотов, В. Б. Система муниципального управления. — СПб.: Питер, 2008. — с. 248.
11. Соколов, А. С. О муниципальной спортивной политике [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.infosport.ru>.

Роль биоритмов в тренировочном процессе

Гончаров Александр Александрович, учитель физической культуры
МБОУ «Гимназия № 5» (г. Белгород)

Биологический ритм — это механизм, позволяющий организму приспособиться к условиям жизни. Только при исправности этого механизма возможно построение разумного, целесообразного режима нагрузок и отдыха в тренировочных занятиях.

Учет биологических ритмов необходим для рационального режима питания, умственной и физической деятельности, применения фармакологических средств восстановления сил организма спортсмена.

Только имея представление о проявлениях суточного, многодневного, годового и многолетнего ритмов жизнедеятельности человека можно рационально планировать подготовку спортсмена на всех этапах тренировочного процесса.

Не менее важно учитывать собственные биологические ритмы организма человека и их закономерности в тренировочном процессе.

Оптимальная целесообразность биологических ритмов связана не только с их самостоятельностью, но и со способностью определенной их подстройки под влияние внешних ритмов, в том числе и ритмичностью физической нагрузки.

Наиболее эффективны тренировки, проводимые в период с 10 до 12 часов и с 15 до 16 часов. Однако соревнования нередко назначают в неблагоприятные часы. Однако и в этом случае тренироваться надо в благоприятные часы суток и только за 1–2 недели до соревнований можно перенести тренировки на время предстоящих выступлений. Надо заметить, что цель тренировок — достижение наивысшей работоспособности и наибольшей эффект от специализированной большой нагрузки будет только в том случае, если она предложена в часы оптимального ее восприятия организмом (с 10 до 12 и с 15 до 18 часов).

Человек — сложноорганизованная колебательная система, которая под влиянием внешних частотных воздействий (физическая нагрузка в спорте) может давать резонансные ответы. Биологический резонанс представляет собой резкое нарастание амплитуды колебаний в биосистеме при предлагаемом извне принудительном колебании с частотой, постепенно приближающейся к той, которую имеет сама система. Наиболее восприимчивы те частоты, которые существуют в самом организме.

Биологические часы человека нуждаются в том, чтобы их настраивали на естественные внутренние ритмы и подстраивали их под соответствующие ритмы внешней среды одним из которых является физическая нагрузка и выстроена она должна ритмически повторяющимися тренировочными воздействиями.

В настоящее время многие компоненты, из которых складывается тренировочный процесс, достигли своего пре-

дела. Практически уже нельзя увеличивать часы тренировок, пройденные километры и т.п. Возникла необходимость поиска резервов роста спортивных достижений за счет качественного улучшения тренировочного процесса. Одним из таких резервов является использование закономерностей биологических ритмов в функциональной деятельности спортсменов.

На современном уровне развития спорта один из наиболее важных факторов управления тренировочным процессом — прогнозирование спортивных достижений, а также функционального состояния организма спортсмена. Фундаментом для научного подхода к использованию средств педагогом должны быть закономерности биологического развития человека.

Понимание и правильная интерпретация различных физиологических процессов, происходящих в живом организме, а также целенаправленное управление ими невозможно без знания природы биологических ритмов.

Ритмичность — основное свойство живого организма. Колебания состояния организма суть проявления биологических ритмов.

В биологии понятие ритма является фундаментальным. Все живые существа имеют внутренний ритм. Также ритмично идут процессы на всей планете Земля и вообще в космосе. Ритмы согласованы между собой.

В синхронизации ритмов природа достигла удивительного совершенства. Согласно наиболее распространенной гипотезе, живой организм является независимой колебательной системой. Это позволяет организму успешно приспособиться к циклическим изменениям окружающей среды. Выживали лишь те организмы, которые могли настроить свой ритмический аппарат в такт внешних колебаний.

Ритмические колебания, наблюдаемые в живых организмах, результат непрерывного воздействия космических и геофизических факторов проникающего характера. Колебание функций является одним из основных условий их надежности.

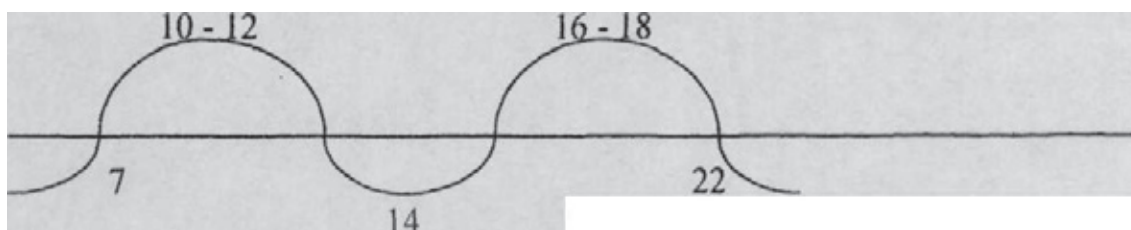
Человек — «система, насквозь пронизанная ритмами» [1, с. 21]. Основной дирижер этой системы — суточный ритм. Диапазон суточных колебаний физиологических функций весьма значителен. Для здорового человека характерны оптимальные величины амплитуды любых функций организма. Значительное увеличение или уменьшение пределов колебаний происходит в биологически менее надежных состояниях.

Любое заболевание является результатом нарушения суточного ритма той или иной функции организма.

Суточный ритм физиологических функций является биологически целесообразным. Благодаря ему человек

может напряженно работать в часы оптимального состояния организма, используя периоды относительно низкого уровня функций для восстановления сил. На все внешние

воздействия организм человека реагирует в зависимости от того, в какой фазе ритма он находится. От фазы ритма зависит и сила, и направленность реакции организма.

На суточной кривой работоспособности отчетливо прослеживается два периода активности с 10–12 час и с 16–18 час, а к 14 час и в вечерние часы работоспособность падает.

Интерес ученых к многодневным биоритмам человека возник давно. В течении 18 лет Н. Я. Пэрна проводил самонаблюдения и установил колебания ряда физиологических функций длительностью 7, 14, 21 и 28–30 дней. В результате многолетней работы он сделал заключение о том, что все процессы жизни являются волнообразными и каждая новая волна, движущаяся по спирали, — это как бы новая ступень достижения [2, с. 115].

В течение многих лет в медицине, физиологии, психологии, спорте проводятся исследования по изучению биоритмов с длительностью периодов в 23 дня (физический цикл), 28 дней (эмоциональный цикл) и 33 дня (интеллектуальный цикл). По данным исследований первая половина периода каждого биоритма считается положительной фазой, вторая — отрицательной, дни перехода из положительной фазы в отрицательную — критическими днями.

Физический цикл (23 дня) определяет энергию человека, его силу, выносливость, координацию. Первая половина цикла характеризуется повышенной активностью. Спортсмен тренируется с охотой и, как правило, заканчивает тренировку с большим желанием потренироваться еще. В этот период цикла спортсмены, обычно, показывают свои лучшие результаты. Именно в этот период, со 2-го по 9-й день тренер может проверить возможности спортсмена. Во второй половине цикла спортсмен постепенно слабеет, его резерв мышечной силы истощается, атлет становится менее энергичным, быстрее устает.

Эмоциональный цикл (28 дней) характеризует нервную систему спортсмена и определяет его настроение. В первые дни этого цикла атлет полон оптимизма, весел, настроен агрессивно, обычно переоценивает свои возможности. Во второй половине цикла раздражителен и склонен к критическому анализу своих способностей. Спортсмены, легко возбудимые по натуре, в этом периоде страдают больше других. Спортсмены с уравновешенным характером более негативны, и у них в этом периоде гораздо меньше неприятностей.

Интеллектуальный цикл (33 дня) определяет творческую способность личности. В первой половине периода

основное внимание надо уделять теоретической стороне подготовки. Во второй половине цикла память ослабляется и спортсмену следует переключиться на закрепление уже пройденного материала. В плане мышечной работы это лучшее время для механической шлифовки уже пройденного движения.

Следует отметить, что ни у кого из специалистов, длительное время занимающихся исследованием многодневных биоритмов, сам факт их существования не вызывает сомнения.

Трудно допустить, что кому-либо не были известны такие, например, эндогенные многодневные ритмы в женском организме, отсчет которых по гипотезе Масалитинова также начинается от момента рождения.

Противники признания околемесячных биоритмов утверждают, что они не могут начинаться точно со дня рождения и затем продолжаться с постоянными периодами всю жизнь. Позволим себе не согласиться с этим. В частности, по следующим причинам. Строго установлена двигательная ритмичность эмбрионов и доказано формирование некоторых ритмов как в момент рождения, так и после него (например, суточный ритм температуры тела складывается к четвертой неделе жизни, а сокращений сердца к шестой). Нет ничего фантастического в том, что «пусковым моментом» некоторых циклов может явиться рождение, когда на важнейшие системы организма ложится нагрузка и он начинает автономное существование. Сопоставление постоянных периодов циклов метаболических процессов и многодневных ритмов жизнедеятельности и позволило ученым предположить, что 28-дневный цикл связан с изменениями энергетического обмена, а 33-дневный — с обменом холестерина.

Правильно спланированный процесс спортивной подготовки с использованием принципа ритмичности позволяет значительно уменьшить отрицательное влияние негативных фаз биоритмов. Чередование занятий различного характера, нагрузок и отдыха в тренировочном цикле вырабатывает стереотип последовательной смены функциональных состояний.

Биоритм представлен следующими параметрами:

Период — время, в течении которого колебательная система совершает один полный цикл изменений.

Частота биоритма — число колебаний в единицу времени.

Амплитуда колебаний — максимальное смещение от положения равновесия (средний уровень параметра биоритма).

Фаза колебаний — положение колебательной системы в данный момент времени.

Колебательная система устойчива по амплитуде и не устойчива по фазе.

Сдвиг фаз в определенном периоде может быть вызван воздействием возмущающего фактора.

Биоритмы могут синхронизироваться лишь с кратными внешними периодическими колебаниями (физическая нагрузка).

Колебания, которые совершаются под влиянием внешней периодически действующей силы называются вынужденными. Вынужденные колебания всегда происходят с той частотой, с которой изменяется внешняя сила.

Сложение колебаний дает результирующее колебание, форма которого существенно зависит от соотношения периодов и фаз слагаемых колебаний. Когда частоты слагаемых колебаний мало различаются, то некоторые промежутки времени колебания оказываются почти совпадающими по фазе и усиливают друг друга, в другие промежутки времени колебания оказываются противоположными по фазе и тогда взаимно ослабят друг друга.

В теории физического воспитания разработаны и прошли проверку на практике принцип волнообразного планирования нагрузки, принцип «маятника». Сущность такого подхода — согласование максимальных нагрузок

с фазными колебаниями функционального состояния спортсмена.

Организм спортсмена не может существовать вне связи с окружающей средой. Одним из факторов которой является физическая нагрузка. И выстроена она должна быть ритмически повторяющимися в определенном чередовании тренировочными воздействиями.

Академик В.В. Парин считал, что познание алгоритмов временной организации развития и самообновления организма в целом, его органов и систем необходимо для построения оптимального режима деятельности, для решения проблем адаптации и прогнозирования функционального состояния человека в процессе адаптации к большим тренировочным нагрузкам [3, с. 20].

Результаты соревнований не могут быть в решающей мере обусловлены биоритмами. Высокое место, рекорд — это, прежде всего, плоды правильно построенной системы тренировок.

Применительно к спортивной практике проблема биоритмологии состоит прежде всего в том, чтобы разработать оптимальные формы построения тренировок, которые позволили бы подвести спортсмена к высшей готовности в нужный день и час при любых фазах биологических ритмов, уже известных и предполагаемых.

Большой личный опыт практической работы указывает на возможность «навязывания» искусственного ритма функционирования организма с помощью различных вариаций средств физической подготовки и соблюдением закономерностей колебательной системы, коей является организм человека.

Литература:

1. Алякринский, Б. С. Общение и его проблемы / Б. С. Алякринский. — М., 2001.
2. Пэрна, Н. Я. Ритм, жизнь и творчество. М. — Д.: Петроград, 1925 — с. 143.
3. Парин, В. В. Сердце и физический труд / Избранные труды. Т. 1. кровообращение в норме и патологии. — М.: Наука, 1974. — с. 19–29

Формирование компетенций по физическому воспитанию в вузе с учетом профиограммы будущих специалистов

Коршунова Ольга Сергеевна, старший преподаватель
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассмотрены возможности оценки приобретенных компетенций по дисциплине физическая культура в высших учебных заведениях не профильного типа. А так же необходимость формирования компетенций с учетом профиограммы будущих специалистов.

Ключевые слова: профиограмма, учебный процесс, критерии оценки, эффективность образования, компетенции, физкультурный тезаурус

Выпускники вузов, как продукт системы высшего образования имеют свою стоимость у работодателя.

В последнее время уровень подготовки специалистов оставляют желать лучшего по оценки представителей

различных сфер бизнеса. Федеральные Государственные Образовательные Стандарты (ФГОС) нового поколения предполагают устранение этой проблемы. Приобретенные студентами компетенции могут не дать ожидаемого результата, если они будут не достаточно высокого уровня. Важно разработать механизмы оценки полученных знаний и компетенций до требуемого уровня. Для прослеживания динамики качества полученных знаний необходима оценка их качества на «входе» при поступлении в вуз, и на «выходе» по его окончанию.

Основные компетенции по физическому воспитанию, которые должны освоить студенты по дисциплине физическое воспитание ОК-8 звучит она так: «Применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для сохранения своего здоровья, нравственного и физического самосовершенствования» (ОК-8) Получение первых знаний и практических навыков по данной компетенции происходит еще в период обучения в общеобразовательных учебных заведениях. Формирование вышеуказанных навыков и знаний было принято и в советской школе среднего и высшего звена, но на современном этапе была принята новая формулировка знаниево-информационной системы, появились новые термины — «компетенции», «физкультурный тезаурус» и т.п., которые активно стали использовать в образовательном пространстве. Преимущество в этом, несомненно, есть — более очерчены приобретенные компоненты профессиональных и общекультурных навыков, но по большому счету содержание полученных знаний заложенных в компетенции качественно отличается не значительно. Другим важным аспектом современного высшего образования стало качество полученных знаний. Причем решающую роль у будущего работодателя имеет не количество полученных знаний и даже не качество их, а возможность применить их для решения конкретных ситуаций и проблем возникающих в реальной профессиональной деятельности. Тенденция руководства современных бизнес компаний различного уровня иметь в своем составе не только высокопрофессиональных специалистов, но и физически привлекательных, здоровых, мотивированных на активный и здоровый образ жизни молодых людей. Задача для подготовки именно таких качеств будущих выпускников, возложена на кафедры физического воспитания и спорта вузов страны. Стержнем в структуре физической культуры студенчества является мотивационный компонент, возникающие на основе потребностей. Мотивы определяют направленность личности, стимулируют и мобилизуют её на проявление активности. Потребность в физической культуре — главная побудительная, направляющая и регулирующая сила поведения личности. Имеющая широкий спектр: потребность в движениях и физических нагрузках, в общении эмоциональной разрядке, самоутверждении, укреплении позиции своего «Я» в познании, улучшении качества знаний и умений [1].

Каким же образом можно оценить уровень компетенций по физическому образованию? Кафедра ФВиС

Новосибирского Государственного Университета Экономики и Управления (НГУЭУ) в 2014—15 учебном году получила внутренний грант на научно-исследовательскую работу в этом направлении. Тема проекта: «Развитие психолого-педагогических технологий в системе физического воспитания и саморазвития студентов экономического вуза». Основной целью этого исследования ставится задача разработки совокупности средств и методов индивидуального и группового воздействия, направленного на повышение уровня знаний и формирование практических навыков по рациональному двигательному режиму, профилактике заболеваний и повышению качества жизни. По результатам полученного исследования помимо других задач, планируется разработать методику оценки полученных компетенций по физическому воспитанию.

Учитывая значимые качества выпускников для будущих работодателей можно сформировать необходимый перечень положительных и отрицательных индикаторов по любой из компетенций. Оценить способность применять полученные знания с учетом профессиограммы будущих специалистов. Рассмотрим возможный вариант оценки практических навыков и теоретических знаний по компетенции: ОК-8. Стоит уточнить, что оценка практических способностей распространяются на студентов, не освобожденных от активных занятий по физическому воспитанию, то есть студенты основной и подготовительной медицинских групп. Студенты, освобожденные от практических занятий, оцениваются по теоретическому разделу оценки компетенций, который должен быть значительно расширен. Это только примерный вариант оценки, в зависимости от результатов, проводимой в НГУЭУ научно-исследовательской работы, он может быть скорректирован.

В вузе лучше всего оставить пятибалльную шкалу оценивания, как раз по этим причинам: она всем «интуитивно понятна» и в дальнейшем сопоставима с результатами оценки другими способами (тест, экзамен и т.п.) Шкала оценок может выглядеть так:

0 баллов — компетенция не проявилась в процессе оценки.

1 балл — низкий уровень развития компетенции.

2 балла — уровень развития компетенции ниже среднего.

3 балла — средний достаточный уровень развития компетенции.

4 балла — уровень развития компетенции выше среднего.

5 баллов — компетенция ярко выражена, проявляется активно. [2]

Важный акцент, на что должны обращать преподаватели физического воспитания при формировании компетенций — это профессиограмма будущих выпускников. Наши студенты должны знать и понимать, каким профессиональным заболеваниям они могут быть подвержены, уметь применять физические упражнения для профилактики этих заболеваний. Для получения таких знаний, должен быть разработан соответствующий план УМР.

ОК-8: «Применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для сохранения своего здоровья, нравственного и физического самосовершенствования»	
Положительные индикаторы	Отрицательные индикаторы
Практические навыки	
1. Четко выполняет упражнения на различные мышечные группы.	1. Плохо скоординированные, скованные движения.
2. Хорошо развиты физические качества: гибкость, сила, и т. д.	2. Слабые показатели развития физических качеств.
3. Повышенная выносливость при выполнении физической нагрузки.	3. Быстрая утомляемость, одышка, безразличие
4. По результатам сдачи контрольных нормативов по общей физической подготовке имеет положительные оценки	4. Имеет не удовлетворительные оценки по сдаче контрольных нормативов и тестов.
5. Посещает дополнительно спортивные секции, фитнес и т. п.	5. Не мотивирован на дополнительную физическую нагрузку.
Теоретические знания и способность их применения.	
1. Легко устно составляет примерные комплексы упражнений для профилактики распространенных проф.заболеваний (варикоз, плоскостопие, шейный остеохондроз и т. п.)	1. Плохо ориентируется в профилактической физической нагрузке с учетом будущей профессиональной программы.
2. Хорошо знает основные системы организма человека (сердечнососудистую, дыхательную, выделительную и т. д.)	2. Плохо информирован о функциональных и физиологических особенностях строения человеческого организма.
3. Хорошо пользуется спортивной терминологией	3. С трудом использует и подбирает спортивные термины.
4. Следит за спортивными событиями. Знает выдающихся спортсменов.	4. Категорически не интересуется спортом и физической культурой.

Учебно-методические рекомендации, пособия, учебники должны быть написаны в соответствии с программой, по которой идет обучение. Теоретический раздел программы, курс лекций, на всех годах обучения должны проводить доценты кафедры, имеющие ученую степень или занимающиеся научной работой. Тематика лекций должна не

только соответствовать программе, но и постоянно обновляться, быть актуальной, востребованной. [3]

Принятие активных образовательных технологий, применение инноваций в физическом воспитании, будет способствовать подготовке квалифицированного специалиста, конкурентоспособного на рынке труда.

Литература:

1. Шилько, В.Г. Физическое воспитание студентов с использованием лично-ориентированного содержания технологий избранных видов спорта: учебное пособие / В.Г. Шилько. — Томск, 2005. — 176 с.
2. Зеленко, Н.Г. «Применение методик оценки компетенции до начала обучения и после для определения результативности работы преподавателя». Материалы международной научно-методической конференции: «Актуальные проблемы организации образовательной деятельности учреждений системы общего и профессионального образования». Братск 2014 г.С. 23–29.
3. Коршунова О.С. Реструктуризация физического воспитания в вузах.
4. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2013. № 24. с. 125–128.

Мотивация персонала спортивной организации: теоретические основы

Патрахин Артемий Игоревич, студент
Нижевартовский государственный университет

В статье предпринята попытка обзора теоретических основ мотивации персонала спортивной организации. Автором рассмотрены классификации мотивов отечественных и зарубежных исследователей с учетом уровня спортивной карьеры, а также этапы построения эффективной системы мотивации.

Ключевые слова: мотив, система мотивации, потребности, персонал спортивной организации, уровень спортивной карьеры, этапы системы мотивации.

Проблема мотивации является одной из базовых в управлении персоналом спортивной организации¹, она достаточно сложна как в теоретико-методическом, так и в прикладном плане. Стоит отметить, что в современном менеджменте существует более 300 определений мотивации и около 40 теорий, объясняющих механизм трудовой мотивации. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что механизмы мотивации персонала изучены в полном объеме. Многообразие литературы по проблемам мотивации персонала сопровождается и достаточно большим количеством точек зрения на сущность и причины появления данного феномена. При этом стоит отметить, что общим недостатком существующих позиций является отсутствие системного подхода к рассмотрению процесса мотивации. Именно это служит поводом продолжающегося поиска принципов организации систем мотивации, которые смогли бы отразить особенности условий деятельности в организациях различного профиля.

Исследование общих проблем мотивации и стимулирования персонала нашли отражение в трудах многих отечественных ученых: И. В. Андреева, О. С. Анисимова, О. С. Виханского, Г. У. Зайцева, Е. П. Ильина, Н. А. Калигина, Н. С. Пряхникова, Б. А. Райзберга, А. М. Сергеева, Т. О. Соломанидиной и др.

При этом научные работы, посвященные мотивации персонала спортивных организаций, относительно немногочисленны, среди них можно отметить труды Е. П. Ильина, Е. Г. Знаменской, Р. А. Пилояна, М. В. Китаевой, С. В. Ильинского, Н. Б. Стамбуловой и др. Таким образом, можно констатировать, что в современном спортивном менеджменте не представляется возможным дать исчерпывающее теоретическое раскрытие проблемы мотивации персонала спортивной организации, так как она находится в стадии интенсивной разработки. Данный факт обусловил выбор темы представленной статьи, а также ее структуру и содержание.

Долгосрочные цели и планы, управленческие решения, организация и координация процессов не принесут долж-

ного эффекта без обеспечения мотивации персонала. Как гласит один из постулатов управления, «единственный способ заставить человека сделать что-либо — это сделать так, чтобы он сам этого захотел [2]».

Мотивация играет серьезную роль в системе управления организацией и является одной из ведущих функций спортивного менеджмента. Отметим, что мотивация может восполнять несовершенства других функций спортивного менеджмента. Однако при этом слабую мотивацию персонала практически невозможно чем-либо компенсировать и уравновесить за счет других функций. Именно по данной причине менеджер (тренер) должен уметь мотивировать исполнителей (спортсменов) на достижение целей спортивной организации.

Российский исследователь Р. А. Пилоян определяет мотивацию спортивной деятельности как особое состояние личности спортсмена, служащее основой для постановки и воплощения целей, направленных на достижение максимально возможного спортивного результата [5, с. 75]. Мотивация воздействует на характер всех процессов спортивной деятельности: реакцию на нагрузку, восстановление, усвоение новых знаний, волю к победе и др. Наиболее важной особенностью спортивной мотивации является ее прямое влияние на соревновательный результат.

Многими авторами в России и за рубежом предпринимались попытки упорядочить мотивы занятий спортом, систематизировать их на основе различных критериев.

Например, российский ученый В. И. Тропников, исследуя мотивы занятия спортом, выделил следующие:

- общение;
- материальные блага;
- развитие характера и психических качеств;
- физическое совершенство;
- улучшение самочувствия и здоровья;
- эстетическое удовольствие и острые ощущения;
- приобретение полезных для жизни умений и знаний;
- потребность в одобрении;
- повышение престижа;

¹ Персонал спортивной организации — это совокупность всех человеческих ресурсов организации, в рамках данной статьи речь идет о спортсменах, как составляющей персонала спортивной организации.

- желание славы;
- познание [7, с. 83].

Представитель зарубежной школы, американский психолог Б. Дж. Кретти сузил перечень ведущих мотивов, побуждающих заниматься спортом:

- стремление к стрессу и его преодолению;
- стремление к совершенству;
- повышение социального статуса;
- потребность быть членом спортивной команды, частью коллектива;
- получение материальных поощрений [3, с. 67].

При всем различии в определении перечня мотивов, практически все исследователи сходятся во мнении, что на разных этапах спортивной карьеры доминируют определенные мотивы. В настоящее время принято выделять 4 этапа спортивной карьеры:

- 1) начальный этап;
- 2) этап специализации;
- 3) этап спортивного профессионализма;
- 4) этап завершения активных выступлений.

Как правило, на начальном этапе преобладают следующие мотивы: удовлетворение от занятий спортом; желание быть здоровым и физически развитым; стремление к общению, а также к самосовершенствованию и развитию волевых качеств. Этап специализации характеризуется стабильным познавательным интересом к виду спорта, желанием получить высокие результаты. На этапе спортивного профессионализма основными мотивационными факторами у спортсменов становятся, прежде всего, желание развивать и поддерживать свои достижения, а также формировать персональный имидж и репутацию в спортивной сфере. Немаловажно для спортсмена на данном этапе создать условия, способствующие прославлению своей страны, развитию данного вида спорта, а также обеспечению своего материального благополучия. По мнению современных исследователей, этап завершения активных выступлений связан с понижением спортивных результатов, насыщением спортивной деятельностью, «эмоциональным выгоранием» спортсменов [7].

Знание мотивов спортсменов играет важную роль в построении системы их мотивации, особенно сегодня, когда проблема недостаточной психологической мотивации зачастую является главной причиной низких результатов выступлений на соревнованиях различного уровня.

Также немаловажны результаты научного исследования С. В. Ильинского, подтвердившие гипотезу, что для разных видов спорта характерны свои доминирующие мотивы [1, с. 80]. Мотивы спортивных достижений формируются при условии, что в организации имеется необходимый перечень благ, соответствующих потребностям спортивного персонала, а трудовая деятельность позволяет получить данные блага с меньшими моральными и материальными издержками, чем другие виды деятельности.

Отметим, что для эффективного действия системы мотивации важную роль играет и соблюдение ряда после-

довательных этапов ее построения, при этом в рамках каждого этапа должны использоваться соответствующие инструменты и методы.

Традиционно выделяют следующие этапы создания эффективной системы мотивации персонала спортивной организации:

I этап. Оценка мотивов и ведущих потребностей персонала организации.

Оценка актуальных мотивов и потребностей персонала спортивной организации в настоящее время осуществляется далеко не всегда, это связано, прежде всего, с затратностью временных и материальных ресурсов, а также с тем, что потребности — явление динамичное, подвергающееся изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов. К методам определения ведущих потребностей и мотивов можно отнести: беседу, наблюдение, анкетирование, опрос, метод экспертных оценок.

II этап. Разработка индивидуальной системы мотивации по результатам оценки мотивов и потребностей персонала. На данном этапе важно сформировать систему мотивации, которая в полной мере будет соответствовать актуальным потребностям конкретного индивида, а не носить массовый безадресный характер.

III этап. Внедрение системы мотивации персонала в условиях конкретной спортивной организации. Грамотно организованный процесс внедрения системы мотивации играет большую роль. Система мотивации должна соответствовать ряду требований: в основе опираться на достижения современной науки, быть доступной и понятной для спортивного персонала, а также носить индивидуальный характер.

IV этап. Оценка эффективности внедренной системы мотивации персонала. В рамках данного этапа стоит учитывать динамику следующих показателей: удовлетворенность спортивного персонала, показатели их профессиональных достижений, изменение положения спортивной организации. Результаты оценки эффективности действующей системы мотивации служат основой для дальнейших корректирующих действий.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы мотивации персонала спортивной организации являются актуальными для современного менеджмента. В настоящее время идет процесс формирования методологии данного явления, предприняты попытки систематизации и классификации подходов к определению мотивов персонала спортивной организации (спортсменов). В ходе эмпирических исследований российскими учеными выявлена специфика формирования мотивов у спортсменов, занимающихся разными видами спорта. Несомненно, что эффективная мотивация персонала спортивной организации в большинстве своем зависит от верно определенного мотива индивида, а также от соблюдения рекомендуемых этапов при построении системы мотивации с учетом этапов профессиональной карьеры.

Литература:

1. Ильинский, С. В. Особенности мотивации спортсменов в различных видах спорта // Вестник Самарской государственной академии. Серия «Психология». 2013, № 1 (13). — с. 75–84.
2. Книги для всех. Функция мотивирования [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://lib4all.ru/base/V3582/V3582Part27-143.php> (дата обращения: 29.06.2015).
3. Кретти, Б. Дж. Психология в современном спорте. — М., 1986.
4. Кузовкин, В. В. Психотехнический подход к активизации личностного роста в подготовке офицеров запаса: дисс... канд. психол. наук. — М., 2002.
5. Пилюян, Р. А. Мотивация спортивной деятельности. — М., 1984.
6. Психология спорта // Проблема мотивов и мотивации спортивной деятельности [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.deltaplannerizm.ru/read/psiholec/lec5.php> (дата обращения 12.07.2015).
7. Тропников, В. И. Структура и динамика мотивов спортивной деятельности: Авторефер. дис. канд. психол. наук. — Л., 1989.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Christus´ s Bergpredigt und das Wohltun

Куцова Эльвира Леонидовна, кандидат философских наук, доцент;

Еремеева Элеонора Ивановна, аспирант

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского Государственного технического университета в г. Шахты
(Ростовская область)

Die Erörterung vom Wohltun ist im Rahmen der christlichen kulturellen Tradition heute von großer Bedeutung, während solche negativen Eigenschaften des Menschen wie Gier, Eigennutz, Hochmut und endlose Sucht nach dem materiellen Wohlstand besonders stark verbreitet sind. Die Opferliebe, Mitleid, soziale Gerechtigkeit und Barmherzigkeit sollen heute als Vorrangthemen auftreten. In diesem Zusammenhang wurde das Thema unseres Artikels nicht zufällig ausgewählt, und nämlich das Anwenden zum Phänomen des Wohltuns im Sinne der Bergpredigt vom Jesus Christus (Mt 5: 1–7.: 29; Lukas 6, 12–41).

Es sind schon viele Wohltätigkeitsdefinitionen in der wissenschaftlichen Nachschlageliteratur vorgestellt.

So laut F. Brockhaus und I. Efron im enzyklopädischen Wörterbuch, “ wird das Wohltun durch materielle Hilfe an die Bedürftigen, Behandlung der armen Kranken, Erziehung der Waisen und Straßenkinder, Pflege der Altersschwachen, Körperbehinderten und Arbeitsunfähigen ausgeprägt“ [6, c.112]. Im erklärenden Wörterbuch der russischen Sprache wird die Wohltätigkeit als Leistung der materiellen Unterstützung an die armen Leute durch die Privatpersonen aus ihrer Barmherzigkeit gekennzeichnet“ [8, c.44].

Der moderne russische Forscher A. J. Nekrassov bestimmt die Wohltätigkeit als

„ allgemeinmenschliche Bewegung, die die Gesamtheit der humanitären Handlungen der einzelnen Menschen, Organisationen, Gemeinde u. s. w. umfasst.

Die Grundlage der Wohltätigkeit macht das Bestreben nicht nur die Nächstenliebe sondern auch die Liebe zum fremden Menschen auszudrücken, die unentgeltliche materielle sowie finanzielle Unterstützung an die Bedürftigen und sozial nicht geschützten Bürger zu leisten. Im modernen Sinne bedeutet das Wohltun die Hilfeleistung den Menschen und Organisationen, die Teilnahme an der Verbesserung der Lebensbedingungen für die Kranken, Armen und vom Leben gestoßenen Leuten“ [1, c.44].

B. A. Abrossimova schreibt: „ Die Wohltätigkeit heißt die selbstlose Liebe zur Menschheit, die durch die Bildung der gesellschaftlichen Institute oder Darbringung für die orga-

nisierte und systematische Hilfeleistung an die Bedürftigen und Leidenden gewöhnlich charakterisiert wird“ [7, c.15].

Eines der wichtigsten Kriterien für die Wohltätigkeitsforschung tritt hier die philosophische Begründung der Barmherzigkeit und des Wohltuns aus der religiösen, moralischen und ethischen Hinsicht ein.

Das wird dadurch gekennzeichnet, dass die Wohltätigkeit eine lange geschichtliche und kulturelle Tradition hat. Traditionell war es immer den Kranken, Alten, Leidenden und den Invaliden zu helfen. Und das ist ein unabdingbares Kennzeichen der moralischen Kultur und Sozialnormen einer Zivilisation.

Die Wohltätigkeit als das Streben nach der Hilfeleistung stellt die zielorientierte Äußerung der Menschenliebe vor. Sie ist ein Teil der ethisch-moralischen Normen aller religiösen Systeme.

Als geistlich-praktisches Wert spielt die Wohltätigkeit die dominierende Rolle im Christentum und ist wirkliche Äußerung der Barmherzigkeit.

In der wissenschaftlichen Literatur wird die Wohltätigkeit bestimmt wie folgt als:

– «die Hilfsbereitschaft aus Mitleid an diejenigen, die es benötigen» [8, c.56];

– mitleidvolle Liebe, herzliches Mitgefühl im Leben der Kraftlosen und Armen (Kranken, Verletzten, Alten u. a.) [6, c.311];

– Mitleid, Mitgefühl, echte Liebe, Bereitschaft das Gute zu tun, Erbarmen, Gutherzigkeit [5, c327];

– Hilfs — und Verzeigungsbereitschaft aus Mitleid und Menschenliebe [8, c.284].

Die Wohltätigkeit nimmt ihren Anfang vom Geist des Evangeliums und der Liebe. Die Vollkommenheit der Wohltätigkeit ist im Gott vollendet, Der dem Menschen das Gottessegnen und die Gnadenfülle gibt, wodurch Er Seine Liebe schenkt und den Weg zur Seelenrettung öffnet, die Möglichkeit gibt die Gebote zu erfüllen und das Gute zu tun.

Im christlichen Sinne bildet das Wohltun eine der Haupttugenden, „ die durch die körperlichen sowie geistlichen Taten der Gnade verwirklicht wird“ [4, c.473]. Die ersten

Vorstellungen über Barmherzigkeit gibt uns die Bergpredigt von Jesus Christi, die Er vor dem Volk auf einem Hochland sagte, laut dem Zeugnis von Matthäus-Evangelist. Der Evangelist Lukas erweist, dass Jesus Christus die Bergpredigt auf einem Flachland hatte.

Im Matthäus-Evangelium (Kap. 5–7) ist die Bergpredigt ausführlich und im Lukas-Evangelium (Kap. 6: 17–49) kurz dargelegt. Sie beinhaltet 9 Gebote der Seligpreisungen und andere moralisch — ethische Grundsätze. Die Bergpredigt verkündigt das Ideal einer moralischen Persönlichkeit. In einem der Gebote der Seligpreisungen werden die Barmherzigen lobgesungen: «Selig sind die Barmherzigen; denn sie werden Barmherzigkeit erlangen» (Matthäus 5: 7.) Die Seligpreisungen werden nur an die Leute erteilt, die den anderen Menschen ihre Barmherzigkeit geben. Das ist das lebenswichtigste Gebot. Hier sagt der Erlöser über die Barmherzigkeit. Echte Barmherzigkeit bedeutet die Bereitschaft die Interessen der Anderen höher seiner eigenen zu stellen. Diejenigen Menschen, die fähig sind die Anderen aufrichtig zu lieben, ihnen die Barmherzigkeit zu schenken, werden vom Gott selbst verzeiht werden. Die Barmherzigkeit macht den Weg zum Gottes Segen auf, weil es die Voraussetzung für die Aufnahme der Gottes Gnade gibt. Die Barmherzigkeit spiegelt die Hauptidee des Christentums wider und zwar: Gott ist Liebe. Die Gottesinkarnation tritt als wahre Barmherzigkeit auf.

Als Aufruf zu den Taten der Barmherzigkeit gelten die Jesus Christus's Worte über die Nächstenliebe. Mit dieser Idee ist die Lehre von selbstloser Liebe eng verbunden, als einer Norm der Menschenverhältnisse.

Die Grundlage für solche Verhältnisse basiert auf einer Goldenen Regel, dass der Mensch sich mit anderen Menschen genauso benehmen soll, wie er es wolle, dass sie sich zu ihm gegenüber verhalten hätten.

«Alles nun, was ihr wollt, daß euch die Leute thun, so thut auch ihr ihnen; denn dies ist das Gesetz und die Propheten». (Matthäus 7: 12); «und wie ihr wollt, daß euch die Leute behandeln sollen, so behandelt auch ihr sie gleicherweise!» (Lukas 6.31).

In der Bergpredigt wird es über die Feindesliebe gesagt. Nur diejenigen, die seine Feinde lieben, können als Söhne des Vaters in den Himmeln geheißten werden. (Matthäus 5: 44–45). «Vielmehr liebt eure Feinde und tut Gutes und leiht, ohne etwas dafür zu erhoffen; so wird euer Lohn groß sein, und ihr werdet Söhne des Höchsten sein, denn er ist gütig gegen die Undankbaren und Bösen. Darum seid barmherzig, wie auch euer Vater barmherzig ist». (Lukas 6:36)

Die Liebe und Barmherzigkeit stehen zur Aggression und dem Bösen immer im Gegensatz. Jesus Christus hebt das neue Prinzip der allesverzeihenden, barmherzigen Liebe zum Nächsten hervor, und das ermöglicht dem Menschen dem Gott gleich zu werden. In der Bergpredigt fordert Christus Seine Schüler auf: «Und richtet nicht, so werdet ihr nicht gerichtet; verurteilt nicht, so werdet ihr nicht verurteilt; sprecht los, so werdet ihr losgesprochen werden! Gebt, so wird euch gegeben werden; ein gutes, vollgedrücktes und gerütteltes

und überfließendes Maß wird man in euren Schoß schütten. Denn mit demselben Maß, mit dem ihr [anderen] zumeßt, wird euch wieder zugemessen werden.» (Lukas 6.37–38).

Die Christen müssen als Almosenvermittler auftreten, ihre Bestimmung ist das Leben mit Liebe und Frieden, darin besteht eigentlich eine richtige Seligpreisung.

Die christliche Liebe bedeutet die Fähigkeit des Menschen sein Leben für die Anderen zu opfern. Ein solches Liebesverständnis ist mit Gott verbunden, Der sich zum Opfer brachte, um die ganze Menschheit von der Sündenmacht und dem ewigen Tod zu erlösen. Die Barmherzigkeit als Bereitschaft zur Hilfeleistung allen Bedürftigen ist die Folge einer solchen Opferliebe.

Im Gottesgebet („Vater unser“) sagt Jesus Christus über die Schuldenvergebung: «Und vergib uns unsere Schulden, wie auch wir vergeben haben unsern Schuldern». (Matthäus 6: 12).

Große Aufmerksamkeit wird in der Bergpredigt dem Almosen als der materiellen Unterstützung geschenkt. Jesus Christus lehrt ganz streng, wie das Almosen gegeben werden soll: «Gib aber jedem, der dich bittet; und von dem, der dir das Deine nimmt, fordere es nicht zurück.» (Lukas 6:30). Hier bestimmt Jesus Christi, wie richtig die Wohltaten erfolgt werden müssen. «Hütet euch, eure Gerechtigkeit zu üben vor den Menschen, um von ihnen gesehen zu werden. Wo anders, so habt ihr keinen Lohn bei eurem Vater in den Himmeln. (Matthäus 6:1). Die Wohltätigkeit soll immer geheim sein: «Wenn du also Almosen gibst, so laß nicht vor dir her trompeten, wie die Heuchler tun, in den Synagogen und auf den Gassen, damit sie von den Menschen gepriesen werden; wahrlich, ich sage euch, sie haben ihren Lohn dahin.» (Matthäus 6: 2).

Christus warnte, dass das Almosen vor den Menschen nicht gezeigt werden soll, kein Lob und Lohn erwartet werden muss. „Wenn aber du Almosen gibst, so möge deine linke Hand nicht wissen, was deine rechte tut, auf dass dein Almosen im Verborgenen bleibe, so wird dein Vater, der im Verborgenen sieht, dir vergelten“ (Matthäus 6: 3–4).

Laut der Bestimmungen der Bergpredigt soll die aufrichtige Wohltätigkeit nach keinen weltlichen Ruhm, Lob, keine Belohnung suchen.

Der Mensch, der das Gute tut, soll nur aus einem Grund handeln, und zwar aus Liebe zu Gott und Nächsten. Er soll von jeder Art der Selbstbewunderung wegen der Wohltaten befreit werden. Dementsprechend soll das Almosen nicht nur für die Anderen, sondern auch für den Wohltäter selbst geheim bleiben, um sich selbst nicht zu erhöhen.

Das Wesen der christlichen Wohltätigkeitsdefinition aus der Bergpredigt kann durch folgende Bestimmungen geäußert werden:

- das Wohlthat ist mit der Erlösung der Sünden verbunden, weil das Almosen durch einen Armen selbst dem Gott geleistet wird. Somit ist das Almosen als moralische Pflicht jedes Christen zu halten;
- die Wohltätigkeit ist das Mittel der religiösen Selbsterziehung. Eine große Rolle dabei spielt die Laune, mit der

das Almosen gegeben wird. Das Wohlthat vom echten geöffneten Geisteszustand und Liebe gilt als ein starkes Reinigungsmittel für die Menschenseele;

– wirklich christliche Wohlthätigkeit ist nicht nur auf die persönliche Erlösung, sondern auf die öffentliche Umwandlung gerichtet [2, c.446].

Die Hauptidee der christlichen Wohlthätigkeit ist in der Bergpredigt von Jesus Christus ausgedrückt, und zwar im

Gebot: «Selig die Barmherzigen; denn sie werden Erbarmen finden». (Matthäus 5:7)

Die Barmherzigkeit ist die Folge des christlichen Liebesverständnisses und Hilfebereitschaft den Bedürftigen.

Die Barmherzigkeit äußert die fundamentale Idee des Christentums: Gott ist Liebe. Sie bleibt einer der geistlich-praktischen Grundwerte, und das Almosen und die Gnade finden einen Sakralcharakter wieder.

References:

1. Abrossimova B. A. Wohltätige Organisationen in Russland / B. A. Abrossimova // Staat und Recht. — 2002. — № 1.
2. Berdjajew N. Die Philosophie des freien Geistes. M., 1994. — 230 s.
3. Bibel. Heilige Schrift. Altes und Neues Testament Übersetzung ins Russische mit Beilagen. M., 2009. — 432 s.
4. Bibelenzyklopedie. M., 2000. — 654 s.
5. Dall W. I. Erklärendes Wörterbuch der großrussischen Sprache: in 4 B. M., 2000. — 374 s.
6. F. Brockhaus und I. Efron Das illustrierte enzyklopedische Wörterbuch. M., EXMO, 2008. 112 s.
7. Nekrassov A. J. Die Wohlthätigkeit // Sozialenzyklopedie. — M., 2000. — 443 s.
8. Ozhegov S. I., Schwedowa N. J. Erklärendes Wörterbuch der russischen Sprache. M., 1992. — 385 s.
9. F. Brockhaus und I. Efron Das enzyklopedische Wörterbuch: in 82 B. und 4 zus. B. M., 1990. — 689 s.

N. A. Berdyaev Über das Wesen des Menschen im Schaffen von L. N. Tolstoi und F. M. Dostojewski

Куцова Эльвира Леонидовна, кандидат философских наук, доцент;

Еремеева Элеонора Ивановна, аспирант

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского Государственного технического университета в г. Шахты
(Ростовская область)

Das vergrößerte Interesse an das Problem des menschlichen Wesens ist heute durch die Aktualisierung der moralischen Fragen, Wiederherstellung der geistigen allgemeins menschlichen Werte hervorgerufen. Die Entwicklungstendenz der modernen Gesellschaft stellt eine klare Vorstellung davon dar, dass die Rolle des geistig-moralischen Lebens des Menschen immer größer wird. Das Wesen des Menschen war in allen Jahrhunderten vom Ursprung bis heutigen Tagen von großer Bedeutung. Der Drang der russischen Leute nach der kulturellen Identitätsänderung, sowie ihre Westorientierung, lassen heute über die Verbindung der Zeiten nachdenken. Die Periode Ende des XX. bis zum Beginn des XXI. Jahrhunderte gibt eine Atmosphäre der Jahrhundertwende vom XIX. bis XX. wieder. Nach wie vor, bleibt das Problem der Aufrechterhaltung und Entwicklung der russischen Menschennatur als eine wichtige und immer noch ungelöste Frage.

Im heutigen Russland zeigt sich das wachsende Interesse an den Werken der Denker der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts., an das Ideenverständnis von N. A. Berdjajew, F. M. Dostojewski, L. N. Tolstoi.

Um russische Menschennatur sowie ihre Einheit und Widersprüche tiefer zu verstehen, ist die Analyse der philosophischen Ansichten von F. M. Dostojewski und L. N. Tol-

stoi in den Werken von N. A. Berdjajew kennenzulernen. In seinem Werk «Über die Vorbestimmung des Menschen» zeigt N. A. Berdjajew die Lösung eines der wichtigen Probleme, und zwar, die Analyse der menschlichen Natur als seines sozialen und biologischen Ursprungs. Nach N. Poltoratsky ist die «Nikolai Berdjajew's Philosophie eine überwiegend anthropologische Philosophie» [5, c.7]. N. A. Berdjajew schreibt: „Der Mensch ist ein Kreuzungspunkt von allen seinen Daseinsbereichen. Der Mensch ist für sich selbst ein riesiges Rätsel, weil er von der Vorhandensein einer höheren Welt zeugt“ [1, c.57]. Die Menschennatur zu forschen ist es immer außerordentlich kompliziert, aber gleichzeitig auch ziemlich interessant.

Im Kapitel III seines Werkes «Über die Vorbestimmung des Menschen» analysiert der Autor verschiedene Einstellungen bezüglich der Anthropogenese und der echten Natur der Menschheit.

Der Denker kritisiert die materialistische Begründung der menschlichen Natur, gleichzeitig aber erkennt er keine christliche Gesinnung an, so zum Beispiel: «Der heilige Thomas von Aquin (Foma Aquinat) hatte ein starkes Naturalismuselement. Der Mensch sei kein geistiges Wesen. Gemäß der klassischen protestantischen

Anthropologie hatte der Sündenfall die menschliche Natur völlig gefälscht und zerstört, den Menschen verdüstert, seine Freiheit beraubt und sein ganzes Leben in die Abhängigkeit vom Segen gestellt“ [1, c.58]. Der Meinung von Berdjajew nach ist der Mensch keine sündige und gefallene Kreatur. Er gibt auch die Einstellungen der Soziologen nicht zu und ist überzeugt, dass nur die Wissenschaftler vom Bereich der Künste eine wirklich echte menschliche Natur am besten verstehen. «Die philosophische und wissenschaftliche Lehre vom Menschen ist nicht ausreichend. Die Anthropologie sollte uns durch die großen Künstler, Mystiker und einsame wenig bekannte Denker beigebracht werden. Shakespeare, Dostojewski, L. Tolstoi, Stendhal, Proust geben viel mehr Wissen für das Verständnis der menschlichen Natur als akademische Philosophen und Wissenschaftler — Psychologen und Soziologen» — behauptet Berdyaew, somit drückt er die Idee davon aus, dass die menschliche Seele in ihre Einzelteile nicht zerlegt werden kann [1, c.60].

Der Mensch gehört zum komplizierten zusammengesetzten und widersprüchlichen Lebewesen. Und um es zu verstehen, ist die Verbindung zwischen dem Menschen sowie der Menschheit mit dem Überwesen, dem Schöpfer anzuerkennen. «Man soll das Problem des Menschen nur auf Grund seiner Verhältnisse mit der Natur ganz nicht lösen. Das Verstehen des Menschen entsteht nur durch seine Beziehungen zu Gott. Man kann den Menschen nicht durch die unteren Wesen, sondern nur vom Bestand betrachten, der sich über dem Menschen befindet» [1, c. 62]. Auf solche Weise versucht Berdyaew, die menschliche Beziehung zum obersten Ursprung zu begreifen.

Ein tiefgründiger Zusammenhang des philosophischen Erbes von Berdyaew mit der nationalen philosophischen Tradition kann am Beispiel seiner geistigen Nähe zu den Ansichten von F.M. Dostojewski nachvollzogen werden. Viele Forscher wie A. F. Lossew, P. P. Geidenko, I. I. Jewlampiew haben darauf gepasst, dass die Philosophie von Berdyaew mit den Einstellungen von F.M. Dostojewski eng verbunden ist. Alle Werke von F.M. Dostojewski werden durch gefühlsbetonte Dialektik der Wechselbeziehungen zwischen Gott-menschlichem und Menschlich-Göttlichem charakterisiert. Die Menschlichkeit kann von dem Übermenschlichen und Göttlichen nicht separat behauptet werden. Diese schöpferische Idee wurde durch die russischen Philosophen des «silbernen Zeitalters» weiter entwickelt, darunter auch durch N.A. Berdjajew. In seinem Werk «Die Weltanschauung von F.M. Dostojewski» hatte der Autor die Ideen des russischen Denkers analysiert. N.A. Berdjajew betonte, dass F.M. Dostojewski seinem Gefühl, Lebens —, sowie Menschenverständnis nach ein Mystiker war. So schrieb er: «F. Dostojewski ist ein typischer Russe, ein außerordentlich russisches Genie, der Russe, der unter anderen unseren großen Schriftstellern am größten, und gleichzeitig seiner Bedeutung sowie seinen Themen nach allgemeinmenschlich war“ [2, c. 9–10]. Der N.A. Berdjajew's Meinung nach hatte F.M. Dostojewski viel Aufmerksamkeit dem Problem der menschlichen Freiheit gewidmet, dieses Thema ist in

mehreren seiner Werke sehr aktuell. Dabei versucht er durch seine Helden die Herkunft und Existenz der Freiheit zu erklären. Er hatte zwei Freiheiten, und zwar: die erste — ursprüngliche, und die letzte — endgültige Freiheit. Zwischen diesen beiden Freiheiten liegt der Lebensweg des Menschen, der an Leiden voll ist, der so genannte Spaltungsweg.

Im Werk «Die Weltanschauung von F.M. Dostojewski» erörtert N.A. Berdjajew das Thema der Freiheit und des menschlichen Wesens vom Standpunkt von Dostojewski, die Fragen des Verhältnisses Gottes zur Freiheit des Menschen und hält dieses Thema als das wichtigste im Schaffen von Dostojewski.

Er akzeptierte die Einstellung von Dostojewski, dass Christus dem Menschen die Freiheit gegeben hatte, und der Mensch sollte Christus frei annehmen. Laut Berdjajew sei F.M. Dostojewski ein großer Anthropologe wegen seiner Hauptidee, dass zwei polare Welten in einem Menschen entgegenwirken.

Er betonte, dass F.M. Dostojewski am besten verstanden hatte, dass der Mensch nicht nur nach Befreiung von Leiden sucht, aber er ist immer auf der Suche nach Leiden und ist außerdem immer bereit, sich selbst sowie die anderen zu quälen. F.M. Dostojewski wies selbst darauf hin, dass der Mensch von seinem stolzen Wahn nur manchmal fähig ist, an Gott zu glauben.

Diese Auffassung findet N.A. Berdjajew als paradox und erklärt ihren sozialen Sinn darin, dass der Mensch sich vor der Welt, Gesellschaft, den Leuten sowie auch Gott als einziger Quelle seiner Unabhängigkeit und Freiheit nicht verneigen will.

Die Geistlichkeit macht den inneren Kern, innere Kraft des Menschen und ist immer mit Gott verbunden. Das ist Widerstandskraft vor der Macht der Welt und Gesellschaft. In seinen Werken hatte F.M. Dostojewski oftmals betont, dass das innere Leben des russischen Menschen viel komplizierter und reicher im Vergleich mit dem westlichen Leben war.

Seinen Ansichten nach hat der Mensch eine sehr reiche innere Natur und große menschliche Möglichkeiten nur in Russland. Durch diese Behauptungen lassen die N.A. Berdjajew's Ideen vom Dostojewski's Schaffen abhängig sein, weil er über die Doppelnatur des russischen Charakters auch schreibt. Der Denker sagte: «Dostojewski ist genau so wie das ganze Russland, mit all seiner Dunkelheit und Licht Dostojewski ist der christlichste Schriftsteller, weil der Mensch, die Menschenliebe und Offenbarung der Menschenseele im Mittelpunkt seines Schaffens stehen» [3, c. 175].

N.A. Berdjajew sind die Ideen von F.M. Dostojewski über das Wesen des Menschen, seine Dualität, den Kampf der seelischen Gegensätze sehr nah, die zum Grunde der Widersprüchlichkeit des Menschen dienen.

Der Autor behauptet, dass der Mensch im Mittelpunkt der Werke von Dostojewski steht, und um ihn herum die Leidenschaft sich immer bildet, wodurch alles gedreht und gewirbelt wird. Es wurde als Drall der leidenschaftlichen, flammenden menschlichen Natur genannt, wodurch ihre

Unendlichkeit und Grenzenlosigkeit gezeigt wird. Der Überlegung von N. A. Berdjajew nach brachte F. M. Dostojewski das Thema Gottes in Zusammenhang mit dem Wesen des Menschen.

Die Schicksäle von Raskolnikow und Iwan Karamazow in den Werken von F. M. Dostojewski stellen eine qualvolle Frage über den Menschen und seine Grenzen dar.

Besonders wichtig ist es für N. A. Berdjajew, dass der Mensch bei F. M. Dostojewski im unermesslichen Weltall kein Platz findet, dabei er nicht nur nicht stirbt und verschwindet, sondern im Gegenteil neugeboren ist.

Besonders gekennzeichnet wird das stetige Interesse des Schriftstellers an das ewige Wesen der menschlichen Natur, an ihre Dynamik und innere Bewegung. N. A. Berdjajew glaubt, dass F. M. Dostojewski ein Spiel der menschlichen Leidenschaften durch die Erscheinungen des geistigen Zustands wiedergibt.

Außerdem behauptet N. A. Berdjajew, dass es dem Denker gelang, den tragischen Widerspruch sowie die tragische Bewegung des Menschen zu zeigen, wie er ins göttliche Dasein gesunken wird, ohne dabei zu verschwinden. Die Anschauungsbesonderheiten von F. M. Dostojewski über das menschliche Wesen lassen N. A. Berdjajew sagen, dass dieses Wesen gerade in der inneren Natur des Menschen, seiner Liebe und Offenbarungen seiner Seele liegt.

Das Thema des menschlichen Wesens wurde auch in den Werken von L. N. Tolstoi entdeckt. Aber trotzdem ist N. A. Berdjajew der Meinung, dass dieses Thema durch beide Schriftsteller — Denker ganz unterschiedlich beschrieben worden ist.

Der Philosoph hatte in seinen Schriften selbst bekannt: «F. M. Dostojewski war mir immer näher als L. N. Tolstoi. Aber mit Tolstoi sind meine Jugend sogar die Knabenjahre eng verbunden, wenn meine ersten Anliegen gegen Böse und Unwahrheit des Lebens, sowie gleichzeitig für Wahrheitsverwirklichung im persönlichen und gesellschaftlichen Leben aufstanden» [4, c. 256].

Den Hauptunterschied im Verständnis des menschlichen Wesens von L. N. Tolstoy sah N. A. Berdyaew darin, dass die menschliche Gestalt in den Werken von L. Tolstoy im Areal der organischen Naturkraft versunken ist.

N. A. Berdyaew betont, dass die Vielheit in Tolstoi's Werken nur haushaltsförmig ist und nur in den Erscheinungen der organischen Lebensweise geäußert wird. Seiner Überzeugung nach war L. Tolstoy der Monist als Künstler und Denker [4, c. 261]. Als höchste Errungenschaft in dieser Hinsicht tritt die Charakterlosigkeit und Unpersönlichkeit von Platon Karatajew auf. Dabei meint N. A. Berdyaev, dass der Mensch von Tolstoi's Werken sich in sein Inneres nicht vertieft, sondern nur als Erscheinung der Daseinsperipherie kommt.

Das führt zur Überzeugung des Denkers, dass L. Tolstoy sich nicht für den Menschen, sondern nur für Gott interessiert.

Während F. M. Dostojewski das Thema des Menschen mit dem Thema Gottes verbindet, so ist L. N. Tolstoi ein Theologe mehr als F. M. Dostojewski.

Laut N. A. Berdyaew war L. N. Tolstoi selbst von vielen Leidenschaften voll, er hatte mehr das Leibeseelische als Geistliche. In diesem Zusammenhang strebt er nach einer abstrakten Spiritualität, sucht nach dem Sinn des Lebens und Gott, ohne das Leben außer Sinn anzunehmen. Deshalb wäre es zweckmäßig sich an spätes Schaffen von L. N. Tolstoi anzuwenden.

Durch ein besonderes Verstehen des menschlichen Wesens, des Menschenlebens und seines Glaubens kam L. N. Tolstoi zur Verzweiflung an Richtigkeit seiner Äußerungen, was zu seiner tiefen seelischen Krise in 70–80er Jahren führte. Das war der geistliche Wendepunkt des Schriftstellers, der ihn auf neue Weltanschauungs- und Lebenspositionen stellte.

«Gleichsam als ob ich lebte-lebte, ging-ging und kam zu einem Abgrund, und sah ich da klar, dass es im Vorne Nichts außer dem Untergang gibt, ob mein Leben so einen Sinn habe, der durch meinen bevorstehenden Tod unvermeidlich vernichtet würde?» — schrieb er in seiner „Beichte“ [6, c.105].

Laut der N. A. Berdyaew's Ansichten über das Wesen des Menschen in den Werken von L. N. Tolstoi solle der Mensch sich der spontanen Wahrheit und Göttlichkeit des ungewollenen Lebensvorgangs passiv geben lassen. N. A. Berdyaew findet die Romane von L. N. Tolstoi als die vollständigsten von allen solchen, die irgendwann geschrieben worden waren. Sie machen einen Eindruck, als ob sie durch das Leben des Weltalls eröffnet seien und die Seele der Welt sie selbst geschrieben habe.

Das Hauptthema, das in den Werken von L. N. Tolstoi mit dem Verstehen des menschlichen Wesens verbunden ist, ist seine heiße Suche nach Gott, Wahrheit und Lebenssinn. Der Denker findet die Wahrheit und den Lebenssinn unter den einfachen Arbeitsleuten und Bauern.

Das orthodoxe Glauben steht in seinem Verständnis im Widerspruch zur Vernunft. L. N. Tolstoi will das nur auf der Vernunft gegründete Glauben annehmen.

Er weigert alles, was er als unvernünftig im Glauben findet. N. A. Berdyaev stellt fest, dass das Wesen des Menschen in Verständnis von L. N. Tolstoi als ein Doppelleben betrachtet wird, einerseits, als oberflächliches und bedingtes Bewusstsein, andererseits, als tiefer Naturvorgang des Lebens.

Die Kunst von L. N. Tolstoi steht an der Seite der Naturkraft und der Lebenswahrheit gegen lügenhafte und kraftlose Bestrebungen des zivilisatorischen Bewusstseins. Daher werden alle große Leute und Helden, laut N. A. Berdyaev, in den Werken des Schriftstellers mit Verachtung dargestellt. Im Werk „Krieg und Frieden“ unterstützt L. N. Tolstoi diejenige Lebensvorgänge des Menschen, die er als göttliche findet.

Immer wieder trat er gegen künstliche und zwanghafte Lebensorganisation des Menschen der Vernunft und Ziviliationsnormen nach auf. Dabei glaubt der Denker nach Behauptung von N. A. Berdyaev an menschliche Persönlichkeit sowie seine Ursprungsfreiheit nicht.

Sein persönliches Dasein bedeutet für ihn das illusorische und eingeschränkte Leben. Das echte richtige Dasein ist das

unpersönliche Dasein. Ein glückseliges Leben wird durch den Verzicht auf die Persönlichkeit gekauft.

References:

1. Berdjajew N. A. «Über die Vorbestimmung des Menschen» — М.: Republik, 1993. — 383 s.
2. Berdjajew N. Russische Idee. — М.: Exmo; SPb.: Midgard, 2005. — 528 s.
3. Berdjajew N. A. Philosophie des Schaffens, der Kunst und Kultur. — М.: Kunst, UG Liga, 1994. — 541 s.
4. N. A. Berdjajew L. Tolstoi // Tolstoi L. N.: PRO ET CONTRA: Die Persönlichkeit und das Schaffen durch Einschätzung der russischen Denker und Forscher: Anthologie. — SPb.: Verlag des Russischen christlichen Instituts, 2000. — 243 s.
5. Poltoratsky N. P. Gefangener Prophet// Berdjajew N. A.: pro et contra. Anthologie. B. 1. — SPb.: Verlag des Russischen christlichen humanitären Instituts 1994. — 236 s.
6. Tolstoi L. N. Beichte // Tolstoi L. N. Gesammelte Werke. in 90 B. B. 23. — М.: schöngeistige Literatur, 1957. — 203 s.

Символика образа Прозерпины в поэзии и живописи Данте Габриэля Россетти

Маркова Татьяна Алексеевна, магистрант
Тюменский государственный университет, Ишимский филиал

Братство прерафаэлитов — уникальное явление в культурной жизни викторианской Англии. Прерафаэлитизм — первое течение, возникшее в Англии и достигшее мировой славы, а впоследствии оказавшее влияние на формирование модерна и символизма на рубеже XIX—XX веков.

Молодых членов Братства называли мятежниками, бунтарями и последними романтиками XIX века. Братство, основанное в 1848 году, было призвано восстать против господствующего художественного течения — академизма, с его традиционализмом, условностью и сухостью изображения, и провозгласить искусство новое — свободное от сложившихся канонов изображения, чувственное и эмоциональное, наполненное тайными символами и знаками, погружающее в мир древних мифов и средневековых легенд. Именно в средневековье и раннем возрождении прерафаэлиты видели свой идеал, они стремились к духовности, чистоте и наивности, свойственным искусству тех далёких эпох.

Эстетические идеи прерафаэлитов можно отнести к разновидности гуманитарной утопии. Главная их идея заключалась в признании красоты высшей и обязательной ценностью искусства [7]. Формулу Кита «Красота есть истина, а истина есть красота» можно считать аксиомой прерафаэлитов [5].

Почва для зарождения символистского идеала была подготовлена, с одной стороны, философско-поэтическими и живописными произведениями английского поэта и художника У. Блейка (1757—1827) и философским романом английского историка и писателя Т. Карлейля (1795—1881) «Sartor Resartus» («Заштопанная портняжка»), опубликованным в 1833—1834 гг. На основе

их идей возник английский символизм в лице прерафаэлитов [2].

Большое влияние на формирование и развитие эстетики прерафаэлитизма оказал английский литературный критик Джон Рёскин. Рёскину принадлежит ясное определение художественных целей прерафаэлитизма. «Легко управлять кистью, — говорит он, — и писать травы и растения с достаточной для глаза верностью; этого может добиться всякий после нескольких лет труда. Но изображать среди трав и растений тайны созидания и сочетаний, которыми природа говорит нашему пониманию, передавать нежный изгиб и волнистую тень взрыленной земли, находить во всем, что кажется самым мелким, проявление вечного божественного новосозидания красоты и величия, показывать это не мыслящим и не зрящим — таково назначение художника». В этих словах заключается вся суть искусства прерафаэлитизма; они стремились разрушить рамки условности и одухотворить искусство религиозным и этическим содержанием [7].

Искусство прерафаэлитов наполнено символами, которые с глубокой древности присутствовали в культуре любого народа. Зачастую символ не обладает устойчивым значением и в разных культурах может быть истолкован по-разному. Символ — это множество смыслов и, в то же время, центр всех смыслов. В отличие от знака, символ не поддаётся пониманию, его можно лишь интерпретировать. При этом символ и символизируемое имеют внутреннюю связь на уровне ассоциаций и интуиции.

По определению А. Ф. Лосева символ — это «субстанциальное тождество идеи и вещи». Символы представляют собой итог «определенного способа осознания родом человеческим деятельностей и событий, которые

входят в его опыт в течение эпох». Поэтому символы сохраняются во все времена, у всех народов, являя собой структуры человеческого символического сознания, вобравшего коренные, глобальные элементы общечеловеческого опыта [4].

Искусство прерафаэлитов органично соединяет в себе изобразительное искусство и литературу. Прерафаэлиты не ограничились использованием сюжетов классической поэзии и литературы (творениями Данте Алигьери, Уильяма Шекспира, Уильяма Блейка, Джона Китса и Альфреда Теннисона) для создания большинства своих картин, их связь с искусством слова была куда более тесной. Среди членов Братства было множество незаурядных поэтов, таких как Данте Габриэль Россетти, Джордж Мередит, Уильям Моррис и Алджернон Суинберн. Живопись и поэзия прерафаэлитов представляют собой неразрывную связь. Многие стихи создавались одновременно с картинами.

Один из основателей Братства Прерафаэлитов Данте Габриэль Россетти мечтал осуществить синтез литературы и живописи. Поэзия и визуальный образ в произведениях Россетти тесно переплетаются: он часто писал сонеты в дополнение к собственным картинам, а также охотно иллюстрировал чужие произведения [5].

Для одной из самых известных своих картин — «Прозерпина» — Россетти написал сонет на итальянском языке и поместил его в правом верхнем углу картины. Этот же сонет, но уже на английском, художник дублировал на раме, обрамляющей картину.

Богиня, изображённая на полотне художника, дочь Деметры и Зевса, была похищена Аидом и, вкусив зерно граната, была обречена проводить в его подземном царстве половину года. В древнеримской традиции — Деметре соответствует Церера, Зевсу — Юпитер, Аиду — Плутон, а самой Персефоне — Прозерпина.

Россетти писал о Прозерпине следующее: «Она изображена в мрачном коридоре своего дворца, со смертельным фруктом в руке. Она проходит мимо, и отблеск света падает на стену позади неё из какого-то внезапно открытого проёма, показав на мгновение верхний мир, и она украдкой взглянула на него, погружённая в свои мысли. Рядом с ней стоит курильница — атрибут богини. Ветка плюща на фоне может рассматриваться как символ цепляющегося воспоминания» [8].

В древнегреческой традиции гранат был атрибутом Персефоны, т.к. был связан и с преисподней, и с растительными силами природы, как и сама Персефона. Персефона-Прозерпина будто объединяет в себе два начала: смерть и возрождение. Уход Персефоны из мира живых погружал её мать в глубокую печаль и вся природа горевала об ушедшей. Миф о похищении Персефоны в античном мире символизировал смену времён года. Таким образом, плод граната у греков являлся символом плодородия, процветания и супружества [10].

Во многих культурах вечнозелёный плющ символизирует бессмертие и является атрибутом воскресающих богов, а такая его характерная особенность, как исполь-

зование опоры, олицетворяет женскую потребность в покровительстве.

Изображённые на картине благовония всегда считались важным религиозным символом, поскольку от них поднимается дым, а при помощи огня или дыма, восходящего к небу, божества получали жертвоприношения, подносимые им на земле [10]. Но в контексте данного сюжета курящиеся благовония могут быть интерпретированы с двух позиций. Благовония могут либо указывать на божественную сущность изображённого на картине персонажа, либо символизировать то, что Персефона была будто «принесена в жертву» своим отцом Зевсом, который одобрил её брак с Аидом без её ведома.

Стена позади Прозерпины освещена светом, который проник через проём, на мгновение открыв взору земной мир. Свет традиционно является символом бессмертия и вечности, а также радости и самой жизни [6].

На Прозерпине синие одежды, символизирующие её чистоту, верность, «нематериальность» для мира живых и погружённость в меланхолию. Синий цвет также ассоциируется с бесконечностью, вечностью. Общая цветовая гамма картины создаёт атмосферу холода и несчастья.

Гармонично дополняет визуальный образ написанный самим Россетти сонет, который он строит на противопоставлении цветущей изобильной родины Прозерпины — Энны — и холодного, мрачного, негостеприимного Тартара. Символичны слова «The nights that shall become the days that were». День — символ полноты сил, бурной деятельности и расцвета жизненных сил [10] сменяется ночью — символом физической смерти, временем теней [10]. Так жизнь Прозерпины разделена на два периода: пребывание в царстве живых и пребывание в царстве мёртвых. И всякий раз покидая царство мёртвых, Прозерпина обречена раз за разом возвращаться обратно.

Свое творчество Россетти посвятил воспеванию идеального женского образа. Сначала таким идеалом для Россетти стала Элизабет Сиддал, а затем Джейн Бёрден, которая была женой друга художника Уильяма Морриса и моделью для многих картин Россетти, в том числе и для «Прозерпины». Образ Прозерпины не покидал Россетти с 1871 по 1882 год. За эти одиннадцать лет художником было создано восемь вариантов картины. Самая известная седьмая версия, датированная 1874 годом, была приобретена Фредериком Лейландом и сейчас хранится в Галерее Тейт.

Россетти создаёт притягательный женский образ, который, по мнению В. Бранского, можно определить как образ демонической («роковой») женщины (*la femme fatale*) [2]. Её божественная, бессмертная Прозерпина остро нуждается в защите и опоре. Её пребывание в царстве мёртвых — вынужденная мера, от которой она с радостью бы отказалась ради иной, более привлекательной для неё жизни, которой она была лишена, против своей воли став женой. Прозерпина Россетти — заложница обстоятельств, она в тоске и глубоком раздумье над своей судьбой, которую она не в силах изменить. Созданный

Россетти образ Прозерпины становится для него символом любовного треугольника «Россети — Джейн — Моррис». Джейн, словно Прозерпина, пришедшая на краткий срок из царства мёртвых, где безраздельно властвовал её муж, преображала жизнь Россетти.

Прерафаэлиты в своём искусстве искали новые формы и сюжеты для поэзии и живописи, новые образы и эсте-

тические идеалы, способные противостоять развивающемуся индустриальному обществу Англии. Искусство прерафаэлитов было призвано вернуть к жизни, сохранить и преумножить идеалы нравственной красоты и духовной чистоты, и символ, обладающий способностью проникать в суть вещей и явлений, становился единственным средством познания и отражения реальности.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Образ, метафора и символ в контексте жизни и культуры / Н.Д. Арутюнова // *Res Philologica. Филологические исследования*. М., Л.: Наука, 1990. — с. 71–78.
2. Бранский, В.П. Искусство и философия / В.П. Бранский. М.: 1999. — 704 с.
3. Долженко, С.Г. Диалог культур в романах Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и Джорджа Оруэла «1984» / С.Г. Долженко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2014. № 8–1 (38). с. 66–69.
4. Кулагина, Н.В. Символ и символическое сознание / Н.В. Кулагина // *Культурно-историческая психология*. — 2006. № 1. с. 3–10.
5. Поэтический мир прерафаэлитов. Новые переводы = *The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations* [на русск. и англ. языках] Предисл. Анны Гениной и Григория Кружкова; биогр. справки С. Лихачевой, В. Сергеевой). М.: Центр книги Рудомино, 2013. — 372 с.: илл.
6. Тресиддер, Джек. Словарь символов / Джек Тресиддер. — М.: Фаир-Пресс, 1999. — 448 с.: илл.
7. Шестаков, В.П. Прерафаэлиты: мечты о красоте. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 224 с.
8. Cf., W. E. Fredeman (ed.), *The correspondence of Dante Gabriel Rossetti, 7 Vols.*, Brewer (2002–8).
9. Символы и знаки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://allsymbols.ru/>, свободный (17.03.2015).
10. Энциклопедия Символы и Знаки. Талисманы, сцигалы, амулеты, обереги [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sigils.ru/>, свободный (17.03.2015).

Информационная война в социальных сетях

Могилевская Галина Исаевна, кандидат философских наук, доцент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, (г. Шахты, Ростовская область)

Широкое распространение информационных технологий в обществе постмодерна приводит к существенной трансформации всех социальных практик и институтов. Расширяется спектр возможностей манипулирования сознанием за счет увеличения аудитории в сети интернет. Все в большей мере киберпространство, будучи особой средой существования современного человека, представляет собой сферу активного влияния на самосознание и самоидентификацию личности, что заставляет нас рассматривать потенциальные риски, которые несет в себе интернет-среда.

Нарастающая виртуализация приводит к тому, что мир утрачивает способность восприниматься как непосредственно данная реальность, а опосредованно видится через призму средств массовой информации. Современный человек утрачивает способность к формированию целостного образа мира, ограничиваясь фрагментарными и тенденционными картинками. В результате чего возникает соблазн к построению неких утопических проектов, детерминированных отсутствием границ между миром реальным и виртуальным. Интернет — пространство за-

полнено огромным количеством информации, достоверность которой просто невозможно проверить, что делает всю аудиторию интернета наиболее уязвимой к различного рода манипулированию. Можно сказать, что киберпространство стало настоящим полем информационных войн, которые ведут между собой различные государства, политические и экономические группы, религиозные и этнические сообщества за умы и души людей. Не остались в стороне и социальные сети, прототипы которых появились впервые в середине 90-х годов. Они предоставляли пользователям начальные возможности для общения, подобно eGroups/OneList, ICQ, Evite. Такие сетевые сервисы обычно не рассматриваются в качестве социальных сетей, но они являются фундаментом, на котором в дальнейшем развивались онлайн-услуги для общения и взаимодействия пользователей [1]. Среди исследователей нет единства в определении первого сетевого ресурса, но большинство в качестве такового называют американский прототип «Одноклассников» — портал Classmates.com, запущенный в 1995 году [2]. Наиболее известный блог-хостинг — Живой журнал появился на свет

в 1999 году. Службу открыл 18 марта 1999 года американский программист Брэд Фицпатрик [3]. К концу того же года в ЖЖ уже появились русскоязычные пользователи. Сегодня Россия на втором месте после США по количеству зарегистрированных в ЖЖ пользователей.

Начиная с 1995 года, в Интернете появилось несколько проектов, которые принято называть сегодня социальными сетями, однако настоящую популярность социальные сети обрели почти на десять лет позже. С 2003—2004 годов сеть захлестывает волна новых проектов, которые ознаменовали новую эпоху не только в развитии социальных сервисов, но и всего Интернета. Это период, когда приходит понимание, что точка отсчёта современности сместилась из недр XX века в определённую дату: 11 сентября 2001 года. Приходит осознание, что в мире по-прежнему существуют мощные силы помимо США. Утрачивается чувство безопасности, но усиливается потребность высказаться, найти единомышленников, реализовать себя. Именно в этот период появляются такие известные сегодня на весь мир проекты, как «LinkedIn», «MySpace» и «FaceBook» [4].

В новых сетях использовались новые технологии, однако общение организовывалось в привычной уже форме. Ведь новые сервисы сформировались на основе общепринятых представлений и привычек в обмене информацией, а эти представления и привычки значительно более инерционны, чем технологии [5].

К этому времени популярность первой социальной сети (прототипа «Одноклассников») начинает снижаться, со временем эта тенденция лишь усиливается. Это связано с ограниченностью и исходной кратковременностью предлагаемых ею сервисов. Поиск и общение с бывшими одноклассниками, коллегами и т.д. оказался недостаточным основанием для длительного пребывания в социальной сети [6]. Социальные сети перестали быть только способом возобновления утраченных связей, формой выражения своего мнения или ресурсом для поздравления друзей, они стали оружием ведения информационных войн, ведь будучи средством коммуникации для многих людей, социальные сети предоставляют уникальную возможность воздействия на сознание достаточно широкой аудитории, сосредоточенной на определенном ресурсе. Пользователи сети становятся потенциальным объектом воздействия со стороны различных экономических и политических групп, стремящихся реализовать свои цели. Причем, несмотря на открытость социальных сетей и возможность сталкивать противоположные мнения, именно социальные сети становятся в настоящее время эффективным средством манипуляции сознанием. Этому, прежде всего, способствует их растущая популярность, включенность в нее миллионов людей, бесконтрольность, практическое отсутствие реальной связи между людьми, подменяемой имитацией общения. В настоящее время все государства осознают, что наряду с развлекательным ресурсом, социальные сети несут в себе возможность для политических

манипуляций, и любая группа влияния или государство не обходит своим вниманием потенциальные возможности социальных сетей. Так, США создают «информационные войска» на базе чешского радио «Свобода», где будут бороться с российской пропагандой в соцсетях «Одноклассники», «ВКонтакте», а также русскоязычных сегментах Facebook и Twitter [7], предполагая через социальные сети распространять информацию, в большей мере соответствующую интересам «свободной прессы», чем та, которая содержится в российской медиасфере. Данная программа предполагает, что начиная с октября 2015, будет создан в Праге специальный штаб по заявке американской правительственной организации Совета управляющих по вопросам вещания (Broadcasting Board of Governors; BBG) [8]. В задачи данного штаба входит информационная война с Россией, средствами этой войны станут различные программы, нацеленные на разоблачение информации, дающейся на официальных российских телевизионных каналах. Широко будет распространяться и политическая сатира, а также Footage vs Footage («Съёмка против съёмки»), т.е. создание видеоматериалов, которые будут преподносить информацию, альтернативную российским медиапродуктам. Бюджет данной операции будет составлять 15, 6 млн. долларов.

В информационных войнах в социальных сетях используются те же методы, которые характерны для различных форм манипуляции сознанием. В первую очередь, это замалчивание или скрытие важной информации. Для социальных сетей такое замалчивание чрезвычайно сложно, так как социальные сети всегда открыты для сообщений и комментариев, но здесь возможно действие модераторов сети, которые устраняют данную информацию, не позволяя ее «постить». Не менее действенным является не только замалчивание информации, но и ее «забалтывание», когда информация тонет в пустых и малозначимых сообщениях, когда информация подается таким образом, что ее трудно отличить от недостоверных сообщений.

Не менее значимым способом ведения информационных войн становится смешение понятий, когда одно и то же явление обретает различные определения в зависимости от того, какие интересы преследует то или иное сообщение. Так, война на Украине может называться и антитеррористической операцией, и борьбой против сепаратистов. Терминам демократия и либерализм, могут придаваться и позитивные и негативные коннотации. Присоединение Крыма может быть названо либо аннексией, либо волеизъявлением народа.

Немаловажную роль в информационных войнах играет перенос внимания от важных новостей в область чего-то малозначимого и случайного. Человеку вообще трудно найти путеводную нить в обширной информации, которая содержится в социальных сетях, но если постоянно привлекать его внимание к различным событиям, которые происходят в стране и мире, то легко затуманить внимание и отвлечь от по-настоящему значимой для него информации.

Любопытным методом манипулирования сознанием становится распространение информации, основанной на понятиях, не имеющих конкретного содержания, своего рода архетипах, в которые любой читающий может вкладывать смысл, который ему самому видится. Так, в последнее время получило распространение понятие духовные скрепы, которое означает нечто, осознающееся только на интуитивном уровне, или вообще не несет никакого смысла.

Все так же в ходу и распространение негативной информации, гораздо больше привлекающей внимание, чем позитивная. Сосредоточенность на темных сторонах жизни, пороках, обвинениях создает соответствующую атмосферу, оттесняя хорошие события на периферию информационного поля. К данному методу примыкает и выстраивание суждений, между которыми нет причинно-следственных связей. Так, борьбой с терроризмом может быть оправдано расширение НАТО на восток, создание военных баз на границе с Россией или необходимость увеличения военной мощи страны.

Ну, и конечно, откровенная ложь, которая будучи распространена в социальных сетях, если не вызывает прямого отчуждения, то порождает сомнения, которые не всегда можно проверить. «Информация, что прежде добывалась с таким трудом, становится достоянием всего интернет — сообщества, как лишний раз подтвердил основатель WikiLeaks Джулиан Ассандж, что в «глобальной деревне» нет никаких секретов, зато обилие информации делает невозможным докопаться до истины, так как отличить правду от вымысла становится все более и более затруднительным» [9, с.477].

По сути, социальные сети стали новым инструментом ведения информационных войн, этим инструментом пользуются правительства различных стран, организации политические и экономические, религиозные секты и т.п. Возникает противоречие между обилием информации и возможностью для человека разобраться в ней, а так как социальными сетями в первую очередь пользуется молодежь, то и именно она и становится наиболее уязвимым объектом идеологической манипуляции самых различных структур. Социальные сети, будучи способом обмена и передачи информации, где высказываются мнения по поводу всех тех событий, которые спо-

собны заинтересовать человека, становятся и формой политического воздействия, особенно в тех случаях, когда действия оппозиции затруднены или в стране нет конструктивной оппозиции. Люди в социальных сетях высказывают свое мнение о власти, выражают недовольство или поддержку ее действиям. Именно социальные сети позволяют власти составить представление о протестных настроениях в обществе и ставят перед властью вопрос о ее отношении к данным настроениям. В какой-то степени социальные сети подрывают монополию власти на информацию, что, с одной стороны, позволяет власти избежать ошибок, с другой стороны, делает интернет сообщество уязвимым для различного рода манипуляций. Государственные структуры не в состоянии бороться с информацией, распространяемой в социальных сетях, что во многом связано с особенностями устройства сетей — их ризомностью — отсутствием единого центра управления, когда доминируют слабые связи, а потому отсутствуют и эффективные методы борьбы с ними. Это превращает социальные сети в действенное оружие для борьбы с различными режимами, так как сетевые организации способны объединить протестные массы. Что и доказали деятели «цветных революций» в различных странах, где именно социальные сети стали координатором борьбы с существующими режимами. Огромную роль в раскрутке «цветных революций» играет блогосфера, которая способна нейтрализовать такие действия властей как отсутствие информации в официальных СМИ, неспособность к быстрой реакции официальных источников информации, а также запрет на альтернативные точки зрения.

Таким образом, растущая популярность социальных сетей, включенность в нее миллионов людей, бесконтрольность, практическое отсутствие реальной связи между людьми, превращает социальные сети в могучее оружие дестабилизации обстановки в стране вообще и, в частности, на Юге России. Именно через социальные сети удобно разжигать идеологические, этнические, религиозные конфликты, так как структура социальных сетей предполагает анонимность, закрытость и сложность установления единого центра, в то же время социальные сети способны объединять разрозненные, внешне ничем не связанные организации и протестные группы.

Литература:

1. Горник, Д. Социальные Сети 3.0. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://galleo.ru/articles/sw205> (Дата обращения — 24.07.2015).
2. Туз, Г. В эти сети попадают взрослые и дети / «Ставропольская правда» от 9 октября 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stpravda.ru/20100930/sotsialnye_seti_v_internete__dobro_ili_zlo_48398.html/ (Дата обращения — 20.07.2015).
3. Живой журнал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Живой_журнал#. D0.98.D1.81.D1.82.D0.BE.D1.80.D0.B8.D1.8F (Дата обращения — 16.07.2015).
4. Туз, Г. Указ. соч.
5. История развития социальных сервисов Интернета. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://galleo.ru/articles/sw203> (Дата обращения — 24.07.2015).

6. Спиридонов, М. «Вконтакте» и «Одноклассников» ждет медленная и мучительная смерть? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://galleo.ru/articles/deading> (Дата обращения — 24.07.2015).
7. Американцы введут «информационные войска» в российские социальные сети. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/news/118677/> (Дата обращения: 22.07.2015)
8. Там же
9. Могилевская, Г. И. Киберпространство: свобода игры или игра в свободу // Молодой ученый. — 2012. — № 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Судьба Людвиг Ван Бетховена

Лапшина Ирина Николаевна, учитель музыки
МБОУ (Икрянинская СОШ) (Астраханская область)

Людвиг Ван Бетховен — (1770–1827) — немецкий композитор, дирижёр, пианист, органист, скрипач, педагог. Его творчество затронуло период классицизма и романтизма. Бетховен пронёсся «бурей и натиском» по всем базовым устоям музыки того времени.

Наиболее ёмко Людвиг Ван Бетховена характеризуют его слова, обращённые к одному из венских аристократов: *«Князь! Тем, чем вы являетесь, вы обязаны случайности рождения. Тем, чем являюсь я, я обязан самому себе. Князей существует и будет существовать тысячи. Бетховен же — один».*

Судьба нанесла Бетховену жестокий удар, лишив его слуха, но благодаря сильному характеру, закалённому в тяжёлых испытаниях и неутомимой воли, он сумел выйти победителем из этой неравной схватки.

Будущий великий композитор часто терпел побои от своего жестокого, склонного к алкоголизму отца, который рассматривал Бетховена в качестве потенциального источника дохода для семьи. И только наибольшее влияние на мальчика оказал Кристиан Готлиб Нефе — придворный органист и композитор, давший Бетховену понимание величия и глубины музыки. Возможно, именно в этот период будущий композитор стал осознавать, что музыка — нечто большее, чем просто источник средств к существованию — это настоящий смысл жизни.

Слава пришла к Бетховену вместе с личной трагедией. Вспыльчивый, раздражительный гений, для которого музыка была всем, начал терять слух. Композитору тогда было 28 лет. Всю свою жизнь он продолжал бороться, не желая сдаваться постигшей его горькой судьбе.

Болезнь Бетховена объясняет причину его нелюдимости, замкнутости. Но композитор не сдавался, и вопреки болезни и предсказуемому исходу (полной глухоте) он продолжал работу над своими произведениями.

Глухота для Бетховена, чья слава начала распространяться по всей Европе, стала сокрушительным ударом.

В 1808 году он оказался на грани отчаяния от перспективы полной потери слуха. Самочувствие его не улучшалось, он начал понимать, что глухота неизлечима. Бетховен не отчаивался, и продолжал сочинять музыку.

Последняя «Симфония № 9» стала жемчужиной в творчестве Бетховена, утвердив новую музыкальную концепцию — использование хора и солистов в симфонической палитре. На премьере публика устроила овацию тогда уже совсем глухому композитору.

Девятая симфония является завершающей вершиной симфония завершающей вершиной симфонического творчества Бетховена. Замысел вынашивался композитором более десяти лет.

«Апассионата» — соната для фортепиано № 23. Название сонаты произошло от итальянского *apassionare*, что означает «возбуждать страсть». Сам композитор не давал объяснений по поводу музыкальной темы, однако указывал на «Бурю» Шекспира как на источник вдохновения.

«Апассионата» была закончена в то время, когда композитор находился в рассвете творческих сил, но глухота уже неотвратимо преследовала его.

Во всём мире известна «Симфония № 5». Она посвящена судьбе Земли, судьбе человечества. В годы написания этой симфонии частичная потеря слуха композитора завершилась полной глухотой, но Бетховен преодолевает удары судьбы, он не сломлен. В ответ на вызов судьбы композитор со всей силой своего могучего духа и, по его собственному выражению, берёт *«судьбу за глотку»*. Он не отчаивается и продолжает создавать одно за другим произведения, полные жизненной радости, воли и веры в светлые идеалы. *«Почему я пишу? То, что у меня на сердце, должно найти себе выход. Вот поэтому — то я и пишу»*, — говорил Людвиг Ван Бетховен. Пятая симфония Бетховена была закончена в 1808 году. Сам композитор сказал о ней: *«Так судьба стучится в дверь»*.

Рис. 1. Бетховен за работой дома

Соната для фортепиано № 14 до — диес минор opus 27, № 2, «Лунная». Сочинена тридцатилетним Бетховеном. Композитор посвятил сонату Джульетте Гвиччарди. Джульетте, когда Бетховен с ней познакомился и давал ей уроки музыки, было чуть больше шестнадцати лет. Композитор был влюблён в столь юное со-

здание, но любовь оказалась неразделённой, она вышла замуж за другого. Это был ещё один удар судьбы. Немецкий поэт Л. Рельштаб впоследствии назвал сонату «Лунной».

Богатень № 59, ля минор «К Элизе» — фортепианная миниатюра. Последняя и самая сильная любовь компо-

Рис. 2. Джульетта Гвиччарди

зителя — к Терезе Брунвик, отвечавшей ему взаимностью, — ознаменовалась созданием фортепианной пьесы «К Элизе». Эта женщина была музой Бетховена и невенчанной супругой композитора в последние годы его жизни. Ей посвятил он своё знаменитое послание, зашифровав его чужим именем. Только после смерти композитора стало известно, как звали «Элизу» на самом деле.

Из-за глухоты Бетховен редко выходит из дома, лишается звукового восприятия. Он становится угрюм, замкнут. Именно в эти годы композитор одно за другим создаёт свои самые известные произведения. В эти же годы Бетховен работает над своей единственной оперой». Эта опера относится к жанру опер «ужасов и спасения». Успех к «Фиделио» пришёл лишь в 1814 году, когда опера была поставлена сперва в Вене, потом в Праге, где её дирижировал знаменитый немецкий композитор Вебер и, наконец, в Берлине. Незадолго до смерти композитор передал рукопись «Фиделио» своему другу и секретарю Шиндлеру со словами: *«Это дитя моего духа было произведено на свет в более сильных мучениях, чем другие, и доставило мне величайшие огорчения. Поэтому оно мне дороже всех...»*

Хотя Людвиг Ван Бетховен едва ли мог слышать свою музыку в концертном исполнении, она по — прежнему звучала внутри него и, вопреки терзающему его недугу, из — под пера композитора выходили всё новые и новые гениальные творения. *Лишившись в расцвете лет слуха, драгоценного для любого человека и бесценного для музыканта, он смог преодолеть отчаяние и обрести истинное величие.*

В жизни Бетховена было много испытаний: тяжелое детство, раннее сиротство, годы мучительной борьбы с болезнью, разочарования в любви и предательство близких. Но чистая радость творчества и уверенность в собственном высоком предназначении помогли гениальному композитору выстоять в борьбе с судьбой. С осени 1815 года Бетховен перестает вообще что-либо слышать, и друзья общаются с ним с помощью разговорных те-

традей, которые композитор всегда носит с собой. Стоит ли говорить, насколько неполноценным было это общение! Бетховен замыкается в себе, все больше пьёт, все меньше общается с людьми. Горести и заботы сказались не только на его душе, но и на внешности: уже к 50 годам он выглядел как глубокий старик и вызывал чувство жалости. Но только не в моменты творчества!

Этот одинокий, абсолютно глухой человек подарил миру множество прекрасных мелодий. Потеряв надежду на личное счастье, Бетховен возносится духом к новым вершинам. Глухота оказалась не только трагедией, но и бесценным даром: отрезанный от внешнего мира, композитор развивает в себе невероятный внутренний слух, и из-под его пера выходят все новые и новые шедевры. Только публика не готова их оценить: слишком нова, смела, трудна эта музыка. «Я готов заплатить, чтобы это занудство поскорее кончилось», — громко, на весь зал, воскликнул во время первого исполнения «Героической симфонии» один из «знатоков». Одобрительным смехом поддержала толпа эти слова...

В последние годы жизни сочинения Бетховена критикуют не только дилетанты, но и профессионалы. «Так мог написать только глухой», — поговаривали циники и завистники. К счастью, композитор не слышал шепота и насмешек за спиной...

26 марта 1827 года, Бетховена не стало. Рассказывают, что в тот день над Веной бушевала снежная буря и сверкала молния. Умирающий внезапно выпрямился и в испуге погрозила кулаком небесам, как будто не соглашаясь смириться с неумолимой судьбой. И судьба, наконец, отступила, признав его победителем. Признали и люди: в день похорон за гробом великого гения шло более 20 тысяч человек. Так началось его бессмертие. Судьба взяла его за руку и развернула лицом к залу. Бетховен увидел просветленные лица, сотни рук, которые двигались в едином порыве восторга, и его самого охватило чувство радости, очищающей душу от уныния и темных мыслей. А душа наполнилась божественной музыкой.

Литература:

1. Шедевры классической музыки. «Бетховен. Дух свободы» под редакцией Л. Юсеевой <http://bookre.org/reader?file=1214609&pg=4>
2. «Дыхание музыки» В. Янке http://www.retroportal.ru/vladimir_yanke/kniga_dyhanie_muzyki_183_189.shtml
3. Википедия — Бетховен, Людвиг ван <https://ru.wikipedia.org/wiki>

ФИЛОЛОГИЯ

Номинативное поле концепта «семья» в русской и английской культуре

Авдони́на Лионо́ра Николаевна, кандидат филологических наук, доцент;

Костина Ангелина Евгеньевна, студент

Пензенский государственный университет

Семья — показатель культуры нации, её традиций и уклада жизни. Знания об отношениях в русской и английской семье важны для решения проблем межкультурной коммуникации.

В рамках когнитивистики успешно осваивается лингво-концептологический анализ такого феномена, как семья, одного из ведущих концептов психологии межличностных отношений, относящегося к числу важнейших ориентиров человеческого поведения. Лексическая представленность языковых концептов в разных культурах остается в настоящее время одной из актуальных тем исследования в области сопоставительного языкознания.

Концепт как ментальная единица может быть представлен с помощью средств его языковой объективации в определенный период развития общества, или номинативного поля. Среди языковых средств, участвующих в процессе формирования номинативного поля, выделяют следующие: прямые и производные номинации концепта, фразеосочетания и поговорки, метафорические номинации, совокупность ассоциатов, словарные статьи, публицистические и художественные тексты [1, с. 47–49].

Предметом данного исследования является сопоставительный анализ тематических групп номинативного поля концепта «семья» в русской и английской культуре. Выбор языкового обеспечения этой сферы человеческих взаимоотношений в качестве объекта исследования определяется соотносительностью лингвистических процессов с более общими процессами, происходящими внутри общества и отражающими межличностные отношения.

Материалом исследования послужили поговорки на семейные темы: 100 русских поговорок и пословиц из сборников В.И. Даля «1000 русских поговорок и поговорок» [2], В.П. Жукова В.П. «Словарь русских поговорок» [3], В.М. Мокиенко «Большой словарь русских поговорок» [4] и 50 английских поговорок и поговорок из сборников И.Е. Митиной «Русские поговорки и поговорки и их английские аналоги» [5] и В.С. Модестова «Английские поговорки и их русские эквиваленты» [6].

В результате исследования на основе поговорок были составлены номинативные поля концепта «семья» в русской и английской культуре, выделены соответственно тематические группы.

В номинативном поле концепта «семья» в русской культуре выделяются четыре тематические группы.

В первую самую объемную тематическую группу — «Отношение к старшему поколению» (30 поговорок) — входят поговорки и пословицы, характеризующие как позитивное, так и негативное отношение к представителям старшего поколения в семье — бабушкам и дедушкам, тещам и свекровям. Уважать старших членов семьи, почитать их возраст, прислушиваться к их советам — обязанность, долг и осознанная необходимость младших членов семьи. Приведем примеры: «Муж любит жену богатую, а тещу — тороватую» [3, с. 44], «Журлива что свекровь» [3, с. 44], «Зять говорит с тещей до вечера, а послушать нечего» [2, с. 34], «От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься» [3, с. 44], «Первая зазнобушка — свекор да свекровушка; другая зазнобушка — деверь да золовушка» [3, с. 44], «Свекровь в дом — все вверх дном» [2, с. 4], «У лихой свекрови и сзади глаза» [3, с. 44], «Старик, да лучше семерых молодых» [4, с. 44], «Молодой — на службу, старый — на совет» [3, с. 44], «У кого есть дед, у того и обед» [3, с. 44], «Не красна старость годами, а красна делами» [3, с. 44] и др.

Вторая тематическая группа — «Женщина как хранительница очага» (26 поговорок). Основная роль женщины в семье — материнство. Во многом материнская любовь и привязанность ребенка к матери создает безопасность внутреннего, эмоционального и психологического мира человека на протяжении всей его жизни. Приведем примеры: «Добрая мать добру и учит» [4, с. 44], «При солнышке тепло, при матушке добро» [3, с. 44], «Куда матушка, туда и дитячко» [4, с. 44], «Птица рада весне, а младенец — матери» [4, с. 44], «Слепой щенок и тот к матери ползет» [4, с. 44], «С матерью жить — ни скуки, ни горя ни зная» [3, с. 44], «Маменька родимая — свеча неугасимая» [4 с. 44] и др.

Третья тематическая группа называется «Воспитание детей» (23 паремии). Особая роль в семье отводится воспитанию и обучению детей, а родительский авторитет — мощный фактор воспитания. Приведем примеры: «Родительское благословение на воде не тонет, в огне не горит» [2, с. 18], «Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает» [3, с. 44], «Не оставляя отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит» [3, с. 44], «Мать праведна — ограда каменна» [2, с. 14], «Не учили, когда поперек лавки ложился, а во всю вытянулся, так не научишь» [3, с. 44], «Народила, да не научила» [3, с. 44] и др.

Четвертая тематическая группа «Семейные ценности» (21 паремия) — это взгляды народа на семью, определенные экономическими и нравственными условиями его жизнедеятельности. Приведем примеры: «Семейное согласие всего дороже» [2, с. 14], «Вся семья вместе, так и душа на месте» [3, с. 44], «В хорошей семье хорошие дети растут» [2, с. 14], «Семья — опора счастья» [3, с. 44], «Любовь да совет — так и горя нет» [2, с. 14], «Согласье в семье — достаток в дому» [2, с. 14], «Семья сильна, когда над ней крыша одна» [3, с. 44], «Добрая семья прибавит разума-ума» [2, с. 14], «В своей семье не велик расчет» [2, с. 14], «Вся семья вместе, так и душа на месте» [3, с. 44] и др.

В номинативном поле концепта «семья» в английской культуре выделяются три тематические группы.

Самая объемная тематическая группа — «Воспитание детей» (27 паремий). В английской семье не ограждают ребенка от внешнего мира, в приоритете влияние социальной среды. Ребенок с малых лет чувствует себя самостоятельной, социально ответственной личностью. Большую роль в английской семье играет отец, который считается учителем и наставником для детей. Приведем примеры: «A miserly father makes a prodigal son» — «Отец скупердяй делает сына мотом (расточителем)» [5, с. 123], «Every father remember that one day his son will follow his example instead of his advice» — «Каждый отец должен помнить, что однажды его сын последует его примеру, а не его совету» [5, с. 34], «Like father, like son» — («Каков отец, таков и сынок») — «Каков батька, таковы и детки» или «Каково дерево, таков и клин» или «Яблоко от яблони далеко не падает» [5, с. 34], «Children are poor men's riches» («Дети — богатство бедняков») — «На что и клад, когда дети идут в лад» [5, с. 34], «Parents are patterns» («Родители — это образец») — «От плохого семени не жди хорошего племени» [5, с. 34], «A tree must be bent while young» — («Дерево нужно гнуть, пока оно молодо») — «Учи ребенка, пока мал» [5, с. 34], «Give a child his will and he'll turn ill» — «Дай ребенку волю и он испортится» [5, с. 34], «Little children, little sorrow, big children, big sorrow» — «Маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки» [6, с. 29], «Many a good cow has an evil calf» — («Часто у хорошей коровы — дурной теленок») — «И от доброго отца рождается бешеная овца» [6, с. 29], «Spare the rod and spoil the child» — («Прибережь прут — испортишь дитя») — «У маленького поболит, у большого не будет» [6, с. 29], «The best colt needs breeding» — («И лучшему жеребенку необходимо воспи-

тание») — «К мягкому воску печать, а юному человеку ученье» [6, с. 29] и др.

Вторая тематическая группа — «Женщина как хранительница очага» (12 паремий). Большинство пословиц и поговорок положительно оценивают роль женщины в семье, однако некоторые паремии отмечают негативные черты английских жен. Приведем примеры: «All are good lasses, but whence come bad wives?» («Все девушки хорошие, откуда берутся плохие жены?») — «Все невесты хороши, откуда только злые жены берутся?» [5, с. 123], «A good husband should be deaf and a good wife should be blind» — «Хороший муж должен быть глухим, а хорошая жена слепой» [5, с. 123], «Men make houses, women make homes» («Мужчины делают дома, а женщины — семейный уют») — «Хозяйкою дом стоит» [5, с. 123] и др.

Третья тематическая группа номинативного поля концепта «семья» называется «Семейные ценности» и включает пословицы и поговорки, описывающие основы семейной жизни. В жизни современной Англии семья занимает не первое место: главное в жизни англичан — это материальное благосостояние, однако в пословицах и поговорках отражается нравственное начало. Приведем примеры: «The family is one of nature's masterpieces» — «Семья — один из шедевров природы» [5, с. 34], «You don't choose your family. They are God's gift to you» — «Вы не выбираете семью. Это Ваш подарок от Бога» [5, с. 76], «Having a family is like having a bowling alley installed in your brain» — «Иметь семью, все равно что иметь кегельбан установленный в твоей голове» [5, с. 34], «The love of a family is life's greatest blessing» — «Любовь семьи — величайшее счастье в жизни» [5, с. 76], «Charity begins at home» — «Милосердие (благотворительность) начинается у себя дома» [5, с. 34] и др.

Таким образом, в результате сопоставления тематических групп номинативного поля концепта «семья» в русской и английской культуре можно сделать следующие выводы:

1. В русской и английской семье женщина — хранительница очага, однако в российских семьях женщина — хорошая жена и заботливая мать, а в отношениях супругов больше теплоты и эмоциональности, чем в английских семьях, хотя русская семья, как правило, не сдерживается в проявлениях не только любви, но и гнева.

2. Система воспитания детей в России и Англии различается. В российских семьях ребенок является центром заботы всех членов семьи. Любвеобильные родители не оставляют своего взрослого ребенка в покое, даже когда самостоятельность уже ему крайне необходима, что приводит к затянувшейся инфантильности. В Англии воспитание детей можно назвать спартанским и социально адаптированным.

3. В номинативном поле концепта «семья» в русской культуре выделяется такая тематическая группа, как «Отношение к старшему поколению», что не характерно для английской культуры. Уважительное отношение к старшим характерно для традиционного уклада

русской жизни, а членами семьи являются бабушки и дедушки, свекрови и тещи, двоюродные и троюродные родственники. Русские бабушки и дедушки считают своим долгом помочь своим взрослым детям воспитывать внуков, жертвуя всем своим свободным временем, что совершенно не встречается в английских семьях.

Литература:

1. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. — 250 с. — с. 75–81.
2. Даль, В.И. 1000 русских пословиц и поговорок. — М.: 2010. — 134 с.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Русский язык, 1991. — 573 с.
4. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок. — М.: Олма Медиа Групп, 2007, — 784 с.
5. Митина, И.Е. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. — М.: КАРО, 2002. — 336 с.
6. Модестов, В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские эквиваленты. — М.: Русский язык, 2004. — 469 с.

Итак, в пословицах и поговорках отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с бытом и культурой людей. Сравнение паремий в разных национальных культурах показывает общее и различное в духовной жизни народов, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению.

Библейский мотив избранничества в рассказе «Народ избранный»

Агаева Камила Шовгиевна, магистрант
Башкирский государственный университет

Рассказ «Народ избранный» (1993, сборник «Бедные родственники») — это рассказ о нищих и инвалидах. Сюжет этого рассказа достаточно прост.

Уже с первых строк звучит христианский мотив: действие происходит возле церкви в канун христианского праздника Сергия Радонежского, когда Зина впервые пришла просить милостыню. Как нам известно, Сергий Радонежский почитается Русской православной церковью в лике святых как Преподобный и считается подвижником Русской земли. Также считалось, что Сергий Радонежский своими словами мог «лечить» самые огрубевшие сердца. Преподобный Сергий Радонежский родился в 1319 году в семье благочестивых бояр Кириллы и Марии. С юных лет Сергий желал посвятить всю свою жизнь служению Богу. Однако Кирилл и Мария долго не благословляли сына на монашескую жизнь. И только когда они, незадолго до своей праведной кончины, удалились в монастырь, преподобный Сергий Радонежский со старшим братом Стефаном поселился на лесистом холме, затерянном в глухой чаще.

Будущему Игумену земли Русской было тогда 23 года. Собственными руками братья построили здесь деревянную келью и церковь, которая по их желанию была освящена во имя Живоначальной Троицы. Жизнь в глубоком уединении оказалась не под силу старшему брату преподобного, Стефану, и он вскоре удалился из этих мест. Преподобный Сергий остался в совершенном одиночестве. С еще большим усердием он предался подвигу поста и молитвы. Вскоре исполнилось заветное желание юноши — игумен одного из близлежащих монастырей Митрофан постриг его в монашество.

Ни одного часа времени преподобный Сергий Радонежский не проводил в праздности. Мудро сочетая молитву и труд, псалмопение и чтение божественных книг, он восходил от силы в силу, с каждым днем своей жизни все больше приближаясь ко Христу. Единственным желанием преподобного Сергия Радонежского было спасение собственной души. Он хотел жить и умереть в своем лесном уединении.

Вскоре вокруг преподобного Сергия стали селиться люди, желавшие спастись под его руководством. По настоятельному желанию учеников Сергий Радонежский становится священником и игуменом основанного им монастыря. Смирение, терпение, любовь к Богу и ближним сделали Преподобного великим молитвенником и печальником за землю Русскую еще во время его земной жизни.

В 1380 году, когда правитель Золотой Орды Мамай вел полки на разорение Русской земли, великий князь Дмитрий Иоаннович, готовясь выступить в поход, просил у преподобного Сергия Радонежского благословения и молитвы. «Если враги хотят от нас чести и славы, — сказал ему Преподобный, — дадим им; если хотят злата и серебра — дадим и это; но за имя Христово, за веру православную надо душу свою положить и кровь пролить». Эти слова преподобного Сергия Радонежского являются как бы истолкованием известных евангельских слов: «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

Преподобный Сергий Радонежский скончался 25 сентября (8 октября по новому стилю) 1392 года. Перед кончиной он заповедал братии прежде всего строго хранить чистоту православной веры. Преподобный завещал также

блюсти единомыслие, чистоту душевную и телесную, любовь нелицемерную, удаляться от злых желаний, воздерживаться в пище и питии, иметь усердие к смирению и страннолюбию.

Вот уже шестьсот с лишним лет преподобного Сергия Радонежского называют Игуменом земли Русской. И его предсмертные слова были, безусловно, обращены не только к братии основанного им монастыря. Они обращены к каждому русскому человеку.

Не случайно и упоминание праздника Иоанна Богослова. Он — один из Двенадцати апостолов, автор Евангелия от Иоанна, Книги Откровения и трёх посланий, вошедших в Новый Завет. Его также называли Апостолом любви. Любовь же, по Иоанну Богослову, заключалась в том, чтобы следовать заповедям Божиим. Святой апостол и Евангелист Иоанн Богослов занимает особое место в ряду избранных учеников Христа Спасителя. Нередко в иконографии апостол Иоанн изображается кротким, величественным и духоносным старцем, с чертами девственной нежности, с печатью полного спокойствия на челе и глубоким взором созерцателя неизреченных откровений. Служение Любви — весь жизненный путь апостола Иоанна Богослова.

Символично, что именно в этот день Зине впервые подают милостыню и просят помолиться об упокоении Екaterины. Но Зина теряет деньги, когда её начинают избивать нищие, которые требуют, чтобы она больше не ходила туда, так как там хватает своих. И в этот же день впервые происходит её встреча с Катей Рыжей, которая выступает в роли заступницы Зины. Именно Катя становится «проводником» Зины в мир нищих и убогих. Она не просто вводит Зину в это «общество», она, можно сказать, учит Зину верить в Бога, потому что мама учила Зину верить только в Божию Матерь. Хотя из дальнейших слов Зиночки мы понимаем, что она и вовсе не понимает, во что верит, потому что на вопрос Кати, кому ж она мать, Зина, растерявшись, отвечает: «Дочки своей матерью». Катя от такой неожиданности уронила костыли: «Да ты, Зина, хуже татарина» [4: 98].

В следующий раз Зинаида приходит в церковь и собирает «много денег, почти четыре рубля» на христианский праздник Покрова Пресвятой Богородицы, и это тоже глубоко символично. В этот день православные христиане вспоминают чудо, которое произошло в 910 году. По преданию, Богородица явилась молящимся во Влахернском храме в Константинополе. Божия Матерь распростерла свой омофор над людьми, и это чудо стало знаком заступничества и утешения над людьми.

Следующий символ, изображённый в рассказе, — икона Казанской Божьей Матери, перед которой ставит свечку Зина, как её учила мать. Эта икона считается чудотворной. Обычно именно этой иконой благословляют молодых к венцу, именно её вешают у детских кроваток, чтобы кроткий лик Богородицы с любовью смотрел на юных христиан. Казанская икона — незываемое напоминание о милости Богородицы к русской земле, о за-

ступничестве Её за нашу страну в тяжелейшие для России годы и испытания. В народе её считают заступницей женщин.

О счастье, о смысле жизни в рассматриваемом нами рассказе рассуждают не обыватели и прожигатели жизни, а нищие, просящие милостыню. И именно эти люди, юродивые, названы Улицкой избранными. Избранными Господом, потому что им ведомо, что такое истинное счастье. Они знают, что счастье не в красоте, не в материальных благах, а в том, чтобы быть благодарными Богу за самый великий дар — жизнь — какой бы она ни была. Одна из героинь рассказа — Катя — говорит: «Господь поставил, там и стой!» [4: 106].

Безусловно, не каждый согласится с мнением о счастье «народа избранного». Л. Улицкая имеет в виду христианское представление о счастье, которое отличается от светского и включает следующие особенности:

- 1) «избранным» дана безусловная вера, не отягощённая интеллектуальными и нравственными поисками доказательств бытия Божьего;
- 2) они обладают бесконечным смирением, не требующим от них никакого напряжения воли;
- 3) они не предаются греху гордыни;
- 4) они умеют быть благодарными за каждый прожитый миг;
- 5) они могут довольствоваться малым — тем, что имеют;
- 6) им не свойственны чувства зависти, злости, обиды, стяжательства.

О людях, изображённых в рассказе, в Евангелии говорится: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником (Лк.14:33). Катя характеризует нищих следующим образом: «Настоящий нищий... Божий человек. Господу служит! Он избранный народ, нищий-то» [4: 106]. Но стоит сказать о том, что в рассказе дан не один «тип» нищих, они условно поделены автором на группы: попрошайки и нищие. И об этом в своих рассуждениях говорит Катя: «Ты на попрошаек не смотри, Зина, у них одна забота — денег набрать. А настоящий нищий, Зиночка, Божий человек, Господу служит! Он избранный народ, нищий-то!».

А. Молчанов, рассуждая в своей статье «Настоящая женская проза, или феномен Людмилы Улицкой» об этом рассказе, говорит о том, что нищие, юродивые избранны страдать «за все человечество, и в этом миссия его и счастье» [2: 4]. Эту мысль подтверждают слова той же Кати Рыжей, рассказавшей Зине историю двух монахинь. Она видит их (нищих) предназначение в том, что люди, проходящие мимо таких, как они, начинают сознавать всю прелесть жизни, благодарят Бога за то, что они здоровы, «что ноги мои здоровы и что не я стою здесь с рукой-то».

Традиция изображения юродивых — это традиция христианизированной литературы (Н. Гоголь, Н. Лесков,

Л. Толстой, Ф. Достоевский). Изображая своих героев, Улицкая словно обращается к фразе из Нового Завета: «Сила моя в немощи совершается».

Высшая мудрость, по мнению Улицкой, состоит в том, чтобы научиться верить в лучшее, уметь смириться с не-

избежными обстоятельствами, не завидовать чужому счастьем, а быть счастливым самому, несмотря ни на какие невзгоды. Именно библейский контекст позволяет выделить в этом рассказе два основных мотива — заступничества и избранничества.

Литература:

1. Колядич, Т. М. Людмила Улицкая // Русская проза конца XX века: Учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. заведений / Под ред. Т. М. Колядич. — М.: Академия, 2005. — с. 369–391.
2. Молчанов, А. Настоящая женская проза или Феномен Людмилы Улицкой // Людмила Улицкая. Сквозная линия; Авторский сборник. — М.: Эксмо, 2002. — с. 3–10.
3. Христианство: Словарь. — М.: Республика, 1994.
4. Улицкая, Л. Народ избранный // Бедные, злые, любимые. Повести. Рассказы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, — с. 95–108.

Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения

Балатукова Зарема Иззетовна, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Можно ли утверждать, что художественная литература воспитывает человека?

Литература в целом — это один из способов познать мир, человечество, самого себя. Литература как нельзя лучше передаёт мысли, взгляды автора, его отношение к жизни, реальности. И каждый писатель создаёт свой художественный мир, с которым согласится и примет его тот или иной читатель. Картины жизни, образы рисует и живописец. Посвоему жизнь и характеры людей отражаются в музыке, скульптуре и литературе. Оружие писателя — слово. Художественная литература — это искусство слова.

Соприкосновение с миром искусства доставляет нам радость и бескорыстное наслаждение. Многие поэтому видят в произведениях писателей, композиторов, художников средство приятного времяпрепровождения. Конечно, мы нередко идём в кинотеатр, садимся к телевизору или компьютеру, чтобы отдохнуть, а то и поразвлечься. Да и сами художники, композиторы, программисты, писатели, зная законы искусства, так строят свои произведения, чтобы взбудоражить, поддержать и развить интерес и даже любопытство зрителей, слушателей. Но значение искусства в жизни человека несравненно серьезнее и богаче.

Ни одно искусство не может так наглядно, «объёмно» изобразить человека, как живопись и скульптура. Но и живописец и скульптор «схватывают» лишь один момент жизни, и, рассматривая картину и скульптуру, мы только догадываемся о том, что предшествовало этому моменту, что последует за ним. Ни живописец, ни скульптор не имеют средств, чтобы показать своих героев в движении, в изменении, в развитии. Это может сделать ис-

кусство кино, в котором чудесно сплавлены особенности искусство слова, сценического искусства, живописи, музыки, художественной фотографии и компьютерной графики. Но не забудем, что художественные кинокартины создаются на основе литературных сценариев. Нельзя перевести на «язык» кино лирические произведения. При всём необъятном могуществе киноискусства есть области общественной и внутренней жизни человека, доступные только искусству слова. Писатель может нарисовать один момент, и историю человеческой жизни. И одно событие, и цепь самых сложных событий.

Изменения, связанные с прогрессом науки и техники ведет к изменению у нынешнего поколения прежних идеалов и оценок, и поиску новых критериев. Мы говорим о материальном и духовном, однако отделить одно от другого не так уж просто. Каждый мощный взлёт писательской мысли, повлиявший на воспитание молодого поколения, всегда несет в себе элемент духовности. Более высокие технические и творческие возможности сказываются на образе мышления и жизни молодёжи. Но это совсем не значит, молодёжь должна отвергать высшие духовные и культурные ценности, и не следует ставить их в зависимость от материального богатства.

Существует такое понятие, как культура народа, которая корнями уходит глубоко в национальную почву и историю. Во все времена творцы словесного искусства в своих произведениях правдиво и полно отражают сложность и многообразие жизни человека и общества, ярко и доходчиво выражают свои раздумья о смысле жизни, свои сокровенные чувства.

Морально-нравственная позиция автора ненавязчиво воздействует на читателя, который наслаждаясь словом,

знакомясь с удивительными персонажами, познаёт мир и формирует в себе высокие гражданские чувства.

Понятие «формирование» в педагогике охватывает своим содержанием диапазон внешних (социальных, экономических, воспитательных и др.) и внутренних (самостоятельная деятельность личности, самовоспитание и др.) факторов, находящихся в неразрывной взаимосвязи и обеспечивающих становление и развитие личности. Опираясь на данное положение, что успешное формирование нравственных ценностей обеспечивается совокупностью внешних и внутренних условий, способствующих их формированию. Отсюда следует, что наряду с воспитательной деятельностью педагога необходима самовоспитательная деятельность учащихся по освоению нравственных ценностей будущих специалистов-филологов.

Опираясь на положения личностно-ориентированного подхода, что деятельность учащихся по самовоспитанию обеспечивает постановку их в позицию субъектов процесса формирования нравственных ценностей и способствует проявлению максимальной активности, самостоятельности в освоении ими нравственных ценностей.

Художественные творения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Шолохова — позволяют молодому поколению не только узнавать прошлое, но и переживать вместе с их героями, формировать взгляды, чувства, характер, пробуждают любовь к прекрасному, воспитывают готовность к борьбе за торжество добра и правды. Литература воспитывает чувство прекрасного, обогащает духовный мир человека.

Предметом изображения литературы чаще всего являются люди конкретной исторической эпохи, их мысли, чувства, взаимоотношения друг с другом, их жизненные идеалы, — словом, внутренний и духовный мир человека. Художественная литература, как и наука, обладает огромной познавательной силой. Она способствует распространению среди молодого поколения просвещения и культуры.

О чем бы писатели и поэты ни говорили в своих произведениях, они думают о читателе, о человеке. Поэтому М. Горький очень точно заметил, что литература — это человековедение.

Сила художественной литературы заключается, прежде всего, в ее эстетическом воздействии. Это — то искусство, которое активизирует человеческие духовные силы: ум, интуицию, чувства, эстетические понятия. Эстетическое воспитание — это воспитание в людях способности и потребности видеть, понимать и ценить красоту во всех ее проявлениях и вносить ее в жизнь, способности понимать возвышенное, трагическое, комическое. Сложная и тонкая задача эстетического воспитания молодого поколения решается совместными усилиями семьи, школы, общественности. Молодёжь воспитывается эстетически на огромном историческом опыте писателей. Эстетические эмоции, вызываемые художественным произведением, способствуют восприятию общественных идей не

только умом, но и сердцем, пробуждают активное отношение к жизненным картинам, нарисованным в произведении.

Литература обеспечивает многовековую преемственность культуры, ее нарастающую универсальность. Создавая общезначимые идеи — образы, вырастающие до всечеловеческих символов, оно выражает смысл всего исторического развития. Гамлет, Дон Кихот, Князь Мышкин, Мастер и Маргарита — это уже не просто художественные образы это символы культурно-значимых общечеловеческих ценностей. Читая произведения как «Преступление и наказание», «Война и Мир», «Анна Каренина», «Гранатовый браслет», молодежь меняется, у них меняется отношение к жизни, и становятся лучше. Произведения затрагивают их до глубины сердца и воспитывают.

Художественная литература доступна для всех, но глубина ее понимания зависит от того, умеет ли учащийся ее читать и каков сам учащийся, его вкусы и интересы, морально-мировоззренческие установки.

От личности учащегося зависит, что он выбирает для чтения — так называемое «чтиво» или подлинно художественные произведения. Первого рода книги — чисто развлекательные, они ничего не дают, кроме сиюминутного удовольствия, вторые — глубоко влияют на учащегося, воспитывают его.

Одни учащиеся «глотают» произведения, не «переживая» их, в то время как другие вдумываются в то, что читают. У первых — остается от чтения мало, у вторых — прочитанное глубоко западает в их сознание.

Что же говорят о художественной литературе классики? Замечательный русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что «литература — это... сокращенная вселенная». Н. Г. Чернышевский назвал литературу «учебником жизни», подчеркивая ее познавательную ценность, глубину проникновения в жизнь. М. Горький считал главной заслугой литературы ее общественное значение: «Беспощадно ярко освещая пороки жизни, недостатки людей, она воспитывала жажду лучшего, она учила». По его мнению, «цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбудить в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты».

«Чем же сильна литература?» — спрашивает М. Горький и отвечает: «Насыщая идеи плотью и кровью, она дает им большую наглядность, большую убедительность, чем философия или наука».

По словам А. Н. Островского, литература «оживляет голые... факты и делает их понятными; из исторических имен творит живых людей. Историк-ученый только объясняет историю, указывая причинную связь явлений, а историк-художник пишет, как очевидец, он переносит нас в прошлые века и ставит зрителем событий».

Сила художественной литературы заключается также в том, что она учит видеть прекрасное и безобразное в самой реальной жизни.

Говоря о преподавании литературы сегодня, нельзя сказать о том новом понимании задач и целей образования, которое последовательно пробивает себе дорогу. Совершенствование преподавания литературы предполагает усиление нравственного, эстетического и эмоционального воздействия литературного произведения на учащегося, воспитание самосознательности, развитие воображения и чувства прекрасного. В юности закрепляется эстетическое отношение к искусству в целом и к литературе в частности, качественно новый подход к прочтению литературных произведений.

По характеру своего воздействия художественные произведения приближаются к воздействию действительности, а иногда и превосходят ее. Талантливый писатель дает сгусток впечатлений о действительности. Краски изображения бывают настолько ярки, что становятся осязаемыми, зримы и вызывают такие сильные эмоции, что

читатели или громко смеются, или рыдают над книгой, испытывают гнев или презрение, готовность действовать.

Положительные образы служат примером для заимствования, а отрицательные отвращают человека от ложных шагов и ошибок, способствуя тем самым искоренению пороков личности.

В заключение следует сказать, что чтение художественной литературы должно стать обязательным для каждого человека с детского возраста и до глубокой старости.

Литература доставляет много радости, она просветляет умственный взор, обогащает духовный мир читателя, вольно или невольно оказывает положительное влияние на характер. Воспитание художественной литературой не тяжкий труд, а увлекательный, доставляющий глубокое удовлетворение.

Художественная литература является своеобразной летописью человеческого общества, могучим орудием человеческой культуры, великим средством воспитания молодого поколения.

Литература:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

«Маркеры субъективности» в информационных текстах региональной сетевой журналистики

Бейненсон Василиса Александровна, кандидат филологических наук
Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Субъективность и оценочность априори присуща журналистским текстам. Традиционный категорический императив западной журналистики об отделении фактов от мнений на российской почве остается лишь в качестве напутствия выпускникам факультетов журналистики. Оценочность пронизывает все ярусы журналистских текстов от отбора фактической составляющей до целого спектра специфических изобразительно-выразительных средств. В текстах публицистики с очевидной установкой на воздействие на оценки и ценности читателя, ярко выраженной авторской позицией субъективность является атрибутивной чертой, именно оценок и мнений ждет читатель, скажем, той или иной авторской колонки. Однако к субъективности в информационных текстах существует отношение как к неизбежной, но нежелательной смысловой «примеси» как у читателей, так в среде профессионалов.

В качестве предмета мы рассмотрим информационные тексты новостных интернет-СМИ Нижнего Новгорода:

НТА, «ПроГород» (ПГ), «Нижегородские Новости» (НН), «NewsRoom24» (NR). НТА и «NewsRoom24» зарегистрированы в качестве информационных агентств, «Нижегородские новости» и «ПроГород» — сетевые версии новостных газет. Кроме того, НТА и «Нижегородские новости» — традиционные СМИ с историей, а «ПроГород» и «NewsRoom24» созданы относительно недавно. Таким образом, данные издания по своим типологическим характеристикам относятся к разным категориям СМИ, но объединены спецификой своего контента — городские новости.

Сложность заключена в том, что субъективный компонент даже в составе новостных текстов может быть выражен явно или имплицитно. При этом читателю необходимо приложить немало усилий для распознавания нежелательной субъективности. Чтобы облегчить осуществление данной задачи, имеет смысл обозначить типологию своего рода «маркеров субъективности». Данный перечень, разумеется, не является исчерпывающим, од-

нако предоставляет читателю простые формальные признаки субъективности журналистского текста.

1. Модальность.

В языкознании традиционно различают объективную и субъективную модальность.

1.1. Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности в плане его реальности или ирреальности. Объективная модальность может отражать констатацию фактов и выражаться глаголами в изъявительном наклонении. В новостных текстах таких конструкций подавляющее большинство: «Нижегородский инвестсовет одобрил 30 заявок из 41 представленной» (НТА, 14.04.15); «Равнинный тапир появился в нижегородском зоопарке «Лимпопо» (НТА, 14.04.14); «Пять трюняшек родилось за год» (НН, 01.05.14).

Однако объективная модальность может выражать и субъективное отношение автора к описываемой реальности и принимать следующие формы:

– Значение ирреальности обозначается сослагательным и побудительным наклонениями глаголов: «Деньги давай!» (НН, 11.04.14); «Трезвый бы даже не смог выйти оттуда, просто заблудился бы» (ПГ, 18.07.15).

– В сферу модальности также включаются слова — глаголы, краткие прилагательные и предикативы, которые своими лексическими значениями выражают возможность, желание, необходимость, неизбежность, готовность. Здесь возможные слова-маркеры: *хочу, готов, возможный, необходимый, желательно* и др.: «Хочет приехать на родину в Нижний» (ПГ, 14.04.15); «Все бытовые приборы *желательно* правильно упаковать...» (ПГ, 12.07.15)

– Значения, относящиеся к сфере отрицания, вопроса: «Мужчина не смог преодолеть сильное течение» (NR, 18.07.15), «Зачем нам освоение Арктики?» (ПГ, 28.02.15)

1.2. Субъективная модальность выражает отношение говорящего к высказываемому. Значительную часть в этом случае в новостных текстах занимают конструкции с модальностью сомнения, уверенности / неуверенности. В этом случае оценка выражается с помощью широкого спектра разнообразных маркеров: *конечно, очевидно, несомненно, вероятно, кажется, возможно* и др. Здесь авторская субъективность, пожалуй, проявляется наиболее заметно для читателя: «*Вероятно*, это был не первый подобный случай. *Видимо*, отпрыск достал старушку, что та, краснея, все ж таки заявила в полицию...» (НН, 20.03.15) «Но, несмотря на изменения в календаре, некоторые консервативно настроенные а, *возможно*, просто неосведомленные граждане...» («NR» от 01.04.14).

1. Семантическая оценочность

По мнению А.В. Бондарко, оценочность лишь частично связана с семантикой модальности и предлагает рассматривать ее как особую семантико-прагматическую сферу. [1, с. 92] Л.А. Черняховская подчеркивает личностный характер отношения содержания высказы-

вания к действительности. Она определяет модальность как субъективную оценку говорящим того, о чем он говорит, с точки зрения степени реальности отображаемого в речи события, оценки степени уверенности говорящего в достоверности утверждаемого, оценки им желательности — нежелательности события. [2, с. 70] Подобный подход наблюдается у Н.С. Валгиной, которая понимает модальность как оценку говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к действительности. [3, с. 14] Таким образом, оценочную семантику высказывания можно выделить как отдельный тип субъективности в журналистских текстах. Сюда мы можем отнести слова и конструкции с собственно оценочным содержанием — это многообразные значения, включающие отношение говорящего к смыслу сообщения: согласие / несогласие, принятие / неприятие, положительную / отрицательную оценку; стремление выделить что-либо в сообщении, усилить какую-то часть информации и т.д.: «В Нижнем Новгороде три девушки сняли *потрясающее и забавное* видео об эволюции образов невест» (ПГ, 13.06.15); «*Необыкновенно интересная* выставка под *развеселым* названием «Эх, валенки...» открылась в Музее истории художественных промыслов Нижегородской области» («ПГ», 28.02.15), «*Это по-настоящему существенное достижение*» (НТА, 28.04.15)

2. Синтаксический анализ

Проявление авторской позиции можно наблюдать и на уровне синтаксиса. Например, средством выражения определенной субъективности являются предложения с вводными и вставными конструкциями. Такие конструкции служат для выражения отношения к высказываемой мысли. Самый существенный и важный признак таких конструкций — отношение говорящего к сообщаемому. Исходя из этого, выделяют функционально-семантические группы вводных конструкций:

2.1. Эмоциональной оценки (маркеры: *к счастью, к радости, к сожалению, увы*): «*И к счастью*, это были не последние награды в начале рабочей недели. (НН, 23.03.15); «*К сожалению*, процедуры не всегда производят должный эффект» (NR, 06.07.15.); «Полностью понять смысл состязания мы, *увы*, так и не смогли...» (ПГ, 18.01.15).

2.2. Указание на стремление говорящего привлечь внимание собеседника к сообщаемому. Вызвать у него то или иное отношение к себе, к сообщаемому (маркеры: *согласитесь, видишь ли, вообразите, представьте* и др.): «Только *представьте*, в каких антисанитарных условиях работал этот продовольственный цех» (ПГ, 07.04.15).

2.3. Слова, словосочетания слов, простые и сложные предложения, которые включаются в предложение в качестве элементов, несущих добавочную информацию пояснительного характера. Часто это комментарии и ремарки: «А как же ее не любить? (смеется)» (НН, 19.03.15); «Именно так выглядит опасный для питомцев яд. (От него

могут пострадать не только животные, но и дети!» (ПГ, 16.02.15).

3. Использование прецедентных текстов.

СМИ активно используют прецедентность и создаваемый ею особый тип экспрессии, который «не может не быть востребованным в газетном тексте с его равноправной ориентацией на экспрессию и стандарт». [4, с. 71] С одной стороны, журналисты стремятся привлечь внимание к обозначенной в материале ситуации, образно осмыслить ее уже на уровне заголовка текста. А с другой стороны, воплощенные в заголовках прецедентные конструкции задают определенные сюжеты и ситуации, которые уже хорошо известны читателю.

Большая часть всех заголовков с прецедентными феноменами содержит отсылку к фольклору, пословицам, поговоркам, а также фразеологизмам, которые рассматриваются как «словосочетания, воспроизводимые в виде готовой речевой единицы». [5]

Небольшая часть заголовков содержит прецедентные тексты или фразеологизмы в неизменном виде: «*Оставили с носом*» (ПГ, 05.04.15); «*Бесценный дар, или “яблоко раздора”*» (НН, 07.04.15), «*Мал золотник, да дорог*» (НТА, 08.04.15).

Большинство же заголовков, напротив, являются «квазицитациями», т.е. видоизмененными различными способами прецедентными текстами или фразеологизмами: «*Зам виноват*» (ПГ, 13.03.15). «*На свободу с чувством горечи*». (НН, 03.04.15) «*Если кто-то поет на Евровидении, значит это кому-то нужно!*» (ПГ, 28.05.15)

4. Изобразительно-выразительные средства

Языковая выразительность — это «свойство сказанного или написанного своей словесной формой привлекать особое внимание читателя или слушателя, производить на него сильное впечатление». [6, с. 53] Средства языковой выразительности многообразны. Особое место среди них занимают так называемые изобразительно-выразительные средства (звукопись, метафора, метонимия, гипербола и т.д.) Литературоведение изучает выразительные средства языка художественного произведения на всех уровнях: фонетики, лексики, фразеологии, морфологии, словообразования, синтаксиса. В таких специфических журналистских текстах, как информационные заметки изобразительно-выразительные средства представлены весьма ограниченно, но всегда являются очевидным маркером авторской субъективности.

Долю средств в подобных текстах составляют эпитеты: «*Золотые слезки березки*» (НН, 17.04.15); «*Ледяное сердце*» (НН, 12.05.15); «*Золотой дебют*» (ПГ, 11.01.15)

Сравнение — изобразительный прием, основанный на сопоставлении одного явления или понятия с другим: «*Во время роста рога оленя, будто отполированный янтарь*» (NR, 22.04.15); «*Большое красное пятно Юпитера, словно большой глаз, который следит за Землей*» (ПГ, 17.06.15); «*Словно сводки с поля боя*» (НН, 11.02.15)

Метафора — это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства двух предметов или явлений по какому-либо признаку: «*Футбольная дивизия*» (ПГ, 15.03.15); «*Десанты здоровья*» (НТА, 03.04.15).

Нужно отметить, что разнообразие и обилие изобразительно-выразительных средств в информационных журналистских текстах ограничено свойствами жанра заметки (например, гипербола или литота принципиально исключены).

Делая выводы по результатам анализа контента четырех нижегородских новостных интернет-ресурсов, нужно отметить следующие тенденции:

— Наименьшая доля материалов с субъективно-авторским компонентом выявлена в текстах ИА НТА. Это вполне объяснимо, поскольку НТА можно назвать классическим информационным агентством, строгим стилем и очень четким форматом. В их текстах практически отсутствуют изобразительно-выразительные средства. Тем не менее, даже в текстах с принципиальной установкой на чистую фактологичность неизменно в определенной степени присутствует субъективный компонент. Об этой неизбежной ситуации необходимо помнить, как обычным читателям, так и редакторам других СМИ, использующим материалы НТА в своих материалах, чтобы неосознанно не транслировать чужие, пусть и не ярко выраженные оценки.

— Наибольшая доля материалов с субъективно-авторским компонентом приходится на тексты «Нижегородских новостей». Это наблюдение необходимо связать с традиционным газетным форматом издания. «Нижегородские новости» в Интернете — это, прежде всего, сетевая версия печатного издания, которая полностью переносит в Сеть стилистические и жанровые традиции печатного издания. Данное издание в силу газетной специфики отличается большим жанровым разнообразием и включает информационные жанры, предполагающие некоторую долю авторской оценочности (например, расширенная заметка с элементами интервью и комментариями).

— Ресурс «ПроГород» является не просто сетевой версией соответствующего печатного издания, но представляет собой информационный мультимедийный портал и зарегистрирован отдельно от печатной версии. Однако по доле субъективных элементов, замеченных в текстах данное СМИ лишь немного уступает традиционной газете «Нижегородские новости», являясь лидером по количеству использования прецедентных текстов и изобразительно-выразительных средств. В данном случае «ПроГород» решает непростую задачу привлечения к газетному контенту нового читателя, не привыкшего к чтению бумажной прессы.

— «NewsRoom24» хоть и заявлено как информационное агентство, его контент, а главное, степень субъективности очень отличается от формата НТА. Доля материалов с маркерами субъективности здесь выше, чем

у НТА, но ниже, чем у обеих газет. В отличие от НТА, «NewsRoom24» использует различные изобразительно-выразительные средства для повышения привлекательности именно для широкого читателя, а не для прочих СМИ. Особенность сетевого информационного агентства нового типа в том, что оно ориентировано, прежде всего, на самую широкую публику и стремится дать ей максимально широкий информационный материал. Присутствие некоторой доли оценок в их текстах — принципиальная позиция издания. Они видят свою задачу в выражении собственного ответственного мнения о тех или иных событиях и транслируют от лица своего издания. При этом реципиенту важно, увидеть эти оценки и отделить от фактической составляющей.

Таким образом, находит подтверждение тезис о том, что даже в информационных новостных текстах в той или иной мере присутствует субъективно-авторский компонент, который подспудно, сознательно или бессознательно транслирует авторскую оценку. Данное утверж-

дение позволяет сделать вывод о манипулятивном потенциале информационно-новостных текстов. Традиционная система газетных жанров постулировала стремление к разделению фактов и мнений в информационных новостных материалах. Читатель изначально воспринимает подобного рода тексты как источники фактов, но не источники мнений. Поэтому субъективность подобных журналистских текстов неизбежна, но априори манипулятивна. Читатель непременно окажется в той или иной степени введенным в заблуждение, если не будет вооружен критическим взглядом на текст и простым инструментом выявления субъективности.

Наличие в тексте подобного рода маркеров не может свидетельствовать ни о низком качестве текста, ни о фактической недостоверности, ни о манипулятивных намерениях автора. Однако владение подобного рода оценочным инструментом приучает читателя к осознанному и критическому восприятию медиатекстов и является полезным с точки зрения медиапедагогики.

Литература:

1. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. — 219 с.
2. Черняховская, Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы / Л. А. Черняховская // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — с. 118–126.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — М., Логос, 2003. — 173 с.
4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — СПб.: Златоуст, 1999. — 310 с.
5. Петрова, С. С. Ресурсы прецедентности в заголовках как инструмент информационной политики издания / С. С. Петрова // Медиаскоп, 2012, Вып. № 3. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/1129> (дата обращения: 15.07.2015).
6. Горшков, А. И. Русская словесность / А. И. Горшков. — М.: Просвещение, 2010. — 492 с.
7. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Р. Тагильцева — Екатеринбург, 2006. — 22 с.

«Арктика» как единица топонимики

Воронин Роман Алексеевич, магистрант

Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова

В рамках данной статьи на основании краткого описания топонимики как научной дисциплины, обзорного анализа существующих в топонимике классификаций географических наименований, а также раскрытия содержания понятия «Арктика» делаются выводы относительно места топонима «Арктика» в системе современной топонимики.

Ключевые слова: Арктика, топонимика, топоним, макротопоним, хороним.

Последние десятилетия отмечены неуклонным ростом интереса к Арктике со стороны мирового сообщества. Обусловлено это рядом причин, ведущей из которых является стремление исследовать и осваивать Арктику как источник полезных ископаемых и энергоресурсов, потребность человечества в которых с каждым годом уве-

личивается. Кроме того, арктический регион является домом для многих народов и поэтому обладает значительным культурным наследием, достойным самого пристального изучения.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим, какое место занимает географическое наименование *Арктика*

в системе современной топонимики, предварительно охарактеризовав топонимику как науку и обозначив базовые подходы к классификации топонимов.

Итак, одной из отличительных черт современного этапа становления мировой науки является возникновение и интенсивное развитие таких её областей и разделов, которые занимают пограничное положение, т.е. сочетают в себе элементы и методологию нескольких научных направлений, на стыке которых они возникли. Яркий пример гибридной дисциплины, к которой в последние годы научное сообщество проявляет стремительно возрастающий интерес, представляет собой топонимику, сформировавшаяся на пересечении географии, лингвистики и истории [1, с. 99].

Сравнительная молодость топонимики как научной дисциплины обуславливает отсутствие в настоящее время общепринятого толкования термина *топонимики*. Обобщая содержащиеся в ряде определений топонимики дифференциальные черты данной науки, О.Е. Афанасьев предлагает, с нашей точки зрения, наиболее полную дефиницию топонимики: топонимика (от греч. *τόπος* (*topos*) — *место* и *ὄνομα* (*onoma*) — *имя, название*) — это область знания, которая занимается изучением происхождения, развития, современного состояния, смыслового значения географических названий (топонимов), исследованием их системности, модели, структуры, ареалов распространения и условий (естественных и социальных) возникновения [1, с. 101].

Следовательно, объектом изучения топонимики являются топонимы, или географические названия, т.е. наименования географических объектов — как природных, так и созданных человеком. Родовым понятием по отношению к топонимам является имя собственное. Имена собственные, как известно, представляют собой единицы лексического уровня языка, предназначенные для называния конкретного и вполне определённого объекта окружающего мира. К именам собственным относятся, в частности, антропонимы, зоонимы, теонимы, топонимы и т.д.

Что касается топонимов, они в этом ряду занимают особое положение. Дело в том, что человек живёт в четырёхмерном мире, три измерения которого представлены пространственными координатами. Пространство, таким образом, является для человека данностью, вне которой он себя не мыслит. При этом наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы, поскольку воспринимать, осознавать и мысленно представить себе бесконечную, ничем не ограниченную величину человек не может. Именно поэтому в своих отношениях с пространством человек нуждается как минимум в двух психологических опорах. Это субъект познания — «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница (или границы), которая замыкает некоторое пространство вокруг него. Упомянутые границы не могут не найти своей фиксации в языке — маркеры пространства изначально вы-

ступают в виде обязательной части языкового инвентаря. Словами-индикаторами конкретизированного пространства являются, прежде всего, топонимы [4, с. 30–31].

Топонимы, таким образом, есть не просто обозначения географических объектов, а своеобразные метки, делающие возможным адекватное восприятие окружающего пространства и ориентацию в нём. Однако этой особенностью специфика топонимов как единиц языка не ограничивается — они служат надёжным ориентиром не только в физическом пространстве, но и в социально-культурном. Так, В.А. Никонов и

Г.Д. Томахин справедливо полагают, что топонимы представляют собой неотъемлемую часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражается история народа, история заселения и освоения местности, на которой он проживает [12, с. 4; 18]. Отображение культурных особенностей существования общества и сохранение памяти о первичной мотивации наименования позволяют причислить топонимы к двойным социальным знакам [5, с. 5]. Признание огромной роли, которую играют топонимы в концептуализации различных сторон общественно-культурной действительности, выражается в том, что учёными было введено понятие *топонимической картины мира*. Топонимическая картина мира, по словам Л.Н. Давлеткуловой, помогает раскрыть этнические стереотипы определенного лингвокультурного общества, так как любое географическое название с прозрачной этимологией отражает не только территориальную, природно-географическую, историческую специфику жизни этноса, но и его психический склад, мышление, поведение и т.д. [6, с. 21].

Подводя итог рассмотрению сущности топонимов, отметим, что данные языковые единицы в значительной степени обеспечивают восприятие пространственной организации окружающего мира и являются носителями культурологически ценной информации. Очевидно, что класс столь сложных единиц не может быть однородным. Перечислим основные виды топонимов и кратко охарактеризуем их, имея в виду, что создание единой и универсальной классификации топонимического материала представляется на сегодняшний день практически невозможным [11, с. 90].

Общепризнанной в настоящее время считается классификация топонимов по объекту номинации, автором которой является А.В. Суперанская

[16, с. 73; 15, с. 187]. В данной классификации на первой ступени топонимы подразделяются на обозначения естественно-географических реалий и обозначения географических объектов, созданных человеком. В свою очередь, в рамках естественно-географических реалий выделяются 1) гидронимы, т.е. названия водных объектов (океанонимы — названия океанов; пелагонимы — названия морей; лимнонимы — названия озёр; гелонимы — названия болот; потамонимы — названия рек) и 2) оронимы, т.е. названия форм рельефа (спелеонимы — названия пещер, гротов, подземных систем;

дримонимы — названия лесов, рощ, частей леса; фитонимы — названия отдельных растений, а также обозначения гор и их деталей). Что касается топонимов, обозначающих рукотворные объекты, они включают: 1) хоронимы — названия больших географических областей, административно-территориальных единиц, которые имеют границы, принятые в официальных документах, т.е. названия стран и их единицы деления; 2) ойконимы — названия различного рода поселений (полионимы/полионимы, или астионимы — названия городов; комонимы, или хорионимы — названия сельских поселений; дромонимы — названия путей сообщения, маршрутов); 3) урбанонимы — названия внутригородских объектов (годонимы — названия улиц; агоронимы — названия площадей, парков и садов). Следует отметить, что названия зданий также включаются в урбанонимию на правах мельчайшей градации топонимов.

Существуют и иные варианты классификации топонимов. Так, если предложенная А. В. Суперанской классификация носит экстралингвистический характер, то в основу ряда классификаций положены интралингвистические принципы. В. В. Кузиков отмечает, что с этой позиции можно выделить 1) классификацию с точки зрения языкового происхождения топонимов; 2) классификацию, ориентированную на периодизацию истории языка; 3) структурно-словообразовательную классификацию [9, с. 8].

Для нас особый интерес представляет классификация топонимов, предполагающая их подразделение на микро-топонимы и макротопонимы.

Под микротопонимом принято понимать собственное имя природного физико-географического микрообъекта, либо объекта, созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта [13, с. 86]. Широта приведённого определения позволяет причислить к микротопонимам названия множества небольших объектов: ручьёв, рощ, полей, лугов, оврагов, дорог, мостов, колодцев, частей населённых пунктов и т.д., вплоть до отдельных деревьев, имеющих собственные имена [12, с. 46–47]. Иными словами, к микротопонимам относят названия мелких географических объектов. При этом нельзя не отметить определённый субъективизм данного подхода, поскольку чёткие размеры и границы таких географических объектов обычно не указываются [8, с. 15]. Можно заключить, что критерии, на основании которых осуществляется отнесение названия географического объекта к микротопонимам, ещё чётко не сформулированы.

Что касается макротопонимов, они представляют собой названия наиболее крупных географических объектов — столиц государств, обширных регионов, штатов, областей, горных систем и т.д. Как отмечает А. В. Суперанская, макротопонимы являются как бы обобщающими названиями, преимущественно искусственно созданными, которыми пользуются в большей степени в языке научных работ и в меньшей степени в повседневной речи [17, с. 46].

Наряду с микротопонимами и макротопонимами выделяют также хоронимы. Согласно определению, предложенному исследователем Н. В. Подольской, хороним есть собственное имя любой территории, области, района [13, с. 160]. Однако такая дефиниция не позволяет увидеть специфику данного типа топонимов. Более удовлетворительным представляется поэтому определение, выдвинутое Международным советом ономастических наук: хороним — это собственное имя обширной географической или административной единицы [21]. Хороним, таким образом, предстаёт как наименование территории, отличающейся значительной площадью. Очевидно, тем не менее, что при таком подходе не вполне уловимы отличия хоронима от макротопонима. Отметим, что даже на сайте Международного совета ономастических наук сказано, что в некоторых языках для обозначения обширных заселённых территорий действительно используется термин *макротопоним*. Данные факты делают спорной необходимость выделения хоронимов как таковых и рождают соответствующую дискуссию среди учёных, занимающихся топонимической проблематикой. При этом в настоящее время большинство специалистов всё же признают целесообразность выделения хоронимов в отдельный класс топонимов, подкрепляя свою позицию следующими соображениями. Если обратиться к этимологии термина *хороним*, мы увидим, что он составлен из двух греческих слов, первое из которых — *брос* — означает *межевой знак, граница, рубеж*. Хороним, следовательно, описывает местность или природный объект, имеющие чётко обозначенные границы. Часто при этом используют понятие административного хоронима, под которым подразумевается наименование любой административно-территориальной единицы, имеющей определённые границы и использующейся в официальных документах [20, с. 52]. Некоторые учёные полагают, что характеризующие хороним границы должны не только быть прописаны в документах, но и ясно отражаться в сознании людей. Так, профессор П. Эрнст считает, что понятие *хороним* нуждается во введении когнитивно-прагматического параметра. К объективным дифференциальным признакам данного понятия, по мнению специалиста, следует добавить параметр «существующий в сознании говорящего как отдельная единица» [3, с. 147].

Сказанное позволяет заключить, что *Арктику* как топоним, именующий обширный регион земного шара, можно отнести либо к макротопонимам, либо к хоронимам. С целью установления того, к какому именно классу топонимов — макротопонимам или хоронимам — принадлежит наименование *Арктика*, обратимся к существующим определениям этого понятия.

В соответствии с общепринятым мнением, Арктика — это северная околополюсная область земного шара, включающая Северный Ледовитый океан с входящими в его состав морями и островами, а также окружающие его окраины материков Евразии и Северной Америки [7, с. 9]. Нетрудно заметить, что границы Арктики как геогра-

фического региона в этом определении довольно размыты и не отличаются жёсткостью. Более точное указание на пределы Арктики содержится в Большом энциклопедическом словаре, где сказано, что южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры [2, с. 68]. Однако и в этом случае наблюдается немалая расплывчатость границ арктического региона, поскольку тундра представляет собой естественную природную зону и также не имеет строгих пределов.

Попытки преодолеть обозначенную неопределённость Арктики как географической территории активно предпринимались ранее и не менее активно предпринимаются в наши дни. Можно выделить несколько основных подходов к данной проблеме: астрономический, климатический, физико-географический, биоклиматический, хозяйственный, административный и т.д. Примечательно, что каждый из перечисленных подходов предполагает использование различных критериев, что ожидаемо приводит к различным выводам относительно южной границы Арктики. Так, например, главным критерием выделения зоны Арктики в рамках астрономического подхода является Северный полярный круг (66,33° с.ш.) [10]. Другой подход — биоклиматический — основан на понятии стресса, возникающего под влиянием окружающей среды вследствие недостатка солнечной радиации, преобладания низких температур воздуха с суровым ветром, высокой влажности и высокой вероятности выпадения снега

в летний период, отсутствия древесно-кустарниковой растительности. Совокупность перечисленных и ряда иных показателей служит основой для расчёта биоклиматического индекса суровости метеорежима (БИСМ). В этом случае к Арктике относится зона, для которой характерен определённый диапазон значений БИСМ [10; 14]. Административный подход используется при обосновании зоны Арктики в нормативно-правовых документах, регулирующих социально-экономическое развитие регионов, входящих в эту зону. При этом за десятилетия формирования законодательной базы не прослеживалось единства при обосновании перечня регионов, входящих в зону Арктики, а также не существовало научно обоснованных критериев их отбора [19, с. 72]. Как мы видим, наличие множества подходов к выделению границ Арктики имеет своим следствием высокую степень размытости содержания данного понятия. Представляется уместным процитировать американского арктиковеда С. Юнга, который считал, что Арктика — это трудноопределяемая географическая область [22].

Отсутствие чётко определённых и общепризнанных границ Арктики не позволяет причислить топоним *Арктика* к хоронимам, поскольку их дифференциальной характеристикой, как было установлено выше, является именно строгая ограниченность обозначаемой территории. Следовательно, как единица топонимики *Арктика* представляет собой типичный макротопоним.

Литература:

1. Афанасьев, О. Е. Картография и топонимика: методология регионального подхода к изучению // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. — с. 99–110.
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. — 1456 с.
3. Васильева, Н. В. Лейпцигский ономастический симпозиум 2003 г. // Вопросы ономастики. 2004. № 1. — с. 145–147.
4. Веремьева, К. М. Топонимы как один из видов пространственных индикаторов в английском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 2. — с. 30–34.
5. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современное лексикографическое описание: автореф. дис. ... д. филол. н. М., 2003. — 64 с.
6. Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): дис. ... канд. филол. н. Челябинск, 2014. — 220 с.
7. Додин, Д. А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). — СПб.: Наука, 2005. — 283 с.
8. Карпенко, Ю. А. Свойства и источники микропонимии // Микропонимия. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — с. 15–22.
9. Кузиков, В. В. Топонимика немецкого языка. Учебное пособие. — Уфа: Изд. Башк. ун-та., 1985. — 80 с.
10. Лузин, Г. П. Методология районирования территорий для управления формированием трудовых ресурсов в северных районах. — Апатиты: Кольский научный центр ИЭП РАН, 1996. — 98 с.
11. Мурзаев, Э. М. География в названиях. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1982. — 176 с.
12. Никонов, В. А. Введение в топонимику. — М.: Наука, 1965. — 180 с.
13. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Издательство «Наука», 1978. — 199 с.
14. Селин, В. С., Васильев В. В. и др. Совершенствование системы государственного экономического регулирования в регионах Севера России. — ИЭП КНЦ РАН, 2002. — 224 с.
15. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. — Изд. 2-е, испр. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 368 с.
16. Суперанская, А. В. Топонимия Крыма / А. В. Суперанская, З. Г. Исаева, Х. В. Исхакова. Т. 1. — М., 1997. — 403 с.

17. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. — 182 с.
18. Томахин, Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры // Вопросы языкознания. 1984. № 4. — с. 84–90.
19. Тоскунина, В. Э., Губина О. В. и др. Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). — с. 69–78.
20. Шульган, В. В. Украина как административный хороним в поэзии И. Я. Франко (на материале украинских текстов и их русских переводов) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сборник научных трудов студентов, аспирантов и молодых учёных / под ред. доцента Е. П. Сосниной. — Ульяновск: УлГТУ, 2014. — с. 52–57.
21. The International Council of Onomastic Sciences. Onomastic Terminology [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icosweb.net/index.php/terminology.html> (Дата обращения — 12.07.2015).
22. Young, S. To the Arctic. An Introduction to the Far Northern World. N.Y., 1989. — 354 p.

Бытование баллады С. Т. Аксакова «Уральский казак» в русском фольклоре Башкирии

Гимаева Эльмира Забировна, магистрант
Башкирский государственный университет

В истории отечественной и мировой культуры особое место занимает С. Т. Аксаков — выдающийся писатель-гуманист, один из лучших представителей своей эпохи, оказавший духовное влияние на многих великих художников слова, прогрессивный литературный и театральный критик, переводчик, настоящий знаток и ценитель природы.

Стихотворение С. Т. Аксакова «Уральский казак» уже давно стало одной из любимых народных песен в России. Оно относится к тем фольклорным произведениям, которые, хотя и подверглись народной обработке, остаются оригинальными, авторскими, поскольку близки к народной эстетике, содержат элементы поэтики устной лирики. «Нет ни одного стихотворения, которое в процессе фольклоризации не подверглось бы какому-либо изменению. Но прежде всего оно должно быть принято народом, войти в его репертуар» [2, с. 110]. Публикация стихотворения относится к 1821 г. Сам автор назвал его слабым и бледным подражанием «Чёрной шали» Пушкина [1, с. 51].

«Чёрная шаль» — известный романс Пушкина и пушкинского времени. В основе романса как песенного жанра лежит лирическое настроение героя, его любовные переживания. Музыка тесно связана со стихом, мелодия отражает малейшие изменения сюжета, настроений, чувств. Отсюда трёхгранная структура романса: слово — музыка — речь.

Стихотворение Аксакова, ставшее народной песней, исследователи называют балладой. Её характерные черты — фрагментарность изложения, фиксирующая только высшие моменты развития действия и опускающая промежуточные звенья, преобладание диалога; с точки зрения тематики — трагические сюжеты, связанные с несчастной любовью, кровавой мстостью, предательством, убийством и обычно

переносящие действие в полусказочное средневековье. Здесь доминирует мрачный, меланхолический тон повествования. Во второй половине XIX — начале XX века получает распространение новая баллада — лиро-эпическое произведение с остродраматическим любовным или семейно-бытовым сюжетом, имеющим литературный источник или созданное в народе по литературным образцам. Заканчивается она трагедией, связанной с убийством или самоубийством героя. «Русские народные баллады — это эпические повествовательные песни с напряжённым драматическим сюжетом, которые воспроизводят трагические семейно-бытовые и любовные происшествия» [5, с. 75]. Наиболее известны, например, такие, как «Молодец и королева», «Братья-разбойники и сестра», «Ванька-ключник» и др. Именно к этому жанру и относится широко известная песня на слова С. Т. Аксакова.

Несмотря на то что авторский текст, ставший частью фольклорного репертуара, не раз подвергался переработке, основной конфликт остался без изменений, хотя песня имеет более «семейный» характер [4, с. 121]. Существует достаточно много опубликованных текстов, которые являются вариантами аксаковской баллады: они бытуют практически по всей России — записаны на русском Севере и среди казачьих песен на юге страны; конечно, на Урале, в Сибири, а также на Сахалине. Наиболее известны два типа с начальными строками «Один из казаков, наездник лихой» и «Ехали казаки со службы домой». Они представлены в многочисленных песенных сборниках и упоминаются практически во всех научных исследованиях, посвящённых новой балладе.

В Башкирии наиболее сохранившимися можно считать варианты, которые бытуют в Уфимском и Архангельском районах и очень популярны среди исполнителей в нашей

республике: это тексты с началами «Один из казаков, наездник лихой» (строка самого С.Т. Аксакова) в селе Красный Зилим Архангельского района и «Ехали казаки со службы домой» в селе Красный Яр Уфимского района. Обобщая материалы фольклорных экспедиций Башгосуниверситета за несколько десятилетий, Л.И. Брянцева отметила наличие 18 вариантов текста С.Т. Аксакова в Башкирии, причем они отличаются завидной устойчивостью по сравнению со стихотворением [2, с. 109]. На наш взгляд, хорошо сохранились в селах Красный Зилим и Красный Яр песни потому, что здесь их исполняют знаменитые этнографические ансамбли «Ивушка» и «Русские узоры». Мы попытались выявить особенности местных традиций, черты сходства и различия данных вариантов.

По содержанию песня с. Красный Зилим значительно богаче: в ней есть завязка, в которой казак прощается с семьёй, упоминание о битве — такое же, как у Аксакова. По сюжету, «покончивши битву», казак едет домой и по дороге встречается с отцом. Только с этого эпизода начинается вариант песни Уфимского района. На вопрос о том, здорова ли семья, в этом тексте отец сообщает, что семья «немножко прибыла: Жонка молодая закон напустила». В тексте Архангельского района измена жены трактуется как беда: «*Вся семья-то здорова. Случилась беда. Беда не большая, не маленькая, Жонка молодая сыночка родила*».

Как видим, народная баллада раскрывает тему измены более сурово — у Аксакова не говорится о появлении ребёнка. Далее тексты в основе своей совпадают со стихами С.Т. Аксакова: мать и семья просят сына о прощении жены, он не соглашается («Тебя, мать, прощаю, жену я никогда!» — звучит ответ в обоих случаях). Здесь тоже проявляется народное стремление рассказать подробности, ведь в авторском тексте диалога нет. А вот казнь неверной жены описывается по-разному: в Архангельском варианте передано настроение, внутреннее состояние героя, что очень характерно для новой баллады: «*Вдруг забилось сердце в солдатской груди, Заблестала шашка в могучей руке, Слетела головка с неверной жане*», а в Уфимском сразу сообщается о трагическом событии.

Развязка песни, в которой говорится о раскаянии казака, сохранилась лишь в Уфимском районе: «*Боже, ты мой Боже! Чего ж я натворил? Молодую женку навек я погубил, Малую малютку навек осиротил!*»

В целом же можно отметить, что завершение сюжета «по-Аксаковски» в народе не принимается: и в Башкирии, и в других местах более важным является страдание, раскаяние героя, а не его расплата за преступление (ср. у Аксакова: «И требовал казни, и казнь получил»).

Любое фольклорное произведение исполняется на том или ином диалекте, который используется певцами и сказителями в повседневной жизни. Из диалектизмов мы отметим фонетические (*сурьёзно, не жимши, с жаной*); морфологические — окончание -у или -е у существительных в родительном падеже единственного числа

(*посреди Уралу, с неверной жане*); словообразовательные (*жонка, породивши, покончивши*); лексические (*супостата, разил*). Как и в любом фольклорном произведении, в балладах встречаются постоянные эпитеты — *с горючей слезой, на коня гнедого, наездник лихой* — и устойчивые комплексы — *до гробу верна, сама чуть жива*.

В музыкальном отношении вариант Архангельского района интереснее аксаковской баллады, исполняемой в Уфимском районе. Для обеих песен характерна подголосочно-полифоническая форма многоголосья с характерным окончанием на унисоне. Несомненно, на них оказывают воздействие академические варианты, исполняемые государственными народными хорами, которые певцы могли услышать по радио или на телевидении. В связи с этим в новых лирических песнях «гетерофонный тип многоголосья... уступает место терцовой вертикали, ясному ощущению тональности» [3, с. 4].

Песни исполняются в спокойном или умеренном темпе, в два или три голоса, размер 2/4 переходит в 3/4, в конце снова 2/4. Используются четвертные, восьмые, шестнадцатые длительности нот; пунктирный ритм; ферматы. Паузы встречаются крайне редко. Для песен характерен повтор строк, поэтому они становятся длинными, повествование в них непрерывное, заставляет слушателей дожидаться развязки. И том, и в другом варианте в каждом куплете есть запев, который исполняется запевалой — *заводчицей*:

1) поступенный нисходящий — в песне с. Красный Зилим Архангельского района республики:

2) на одной ноте — с. Красный Яр Уфимского района:

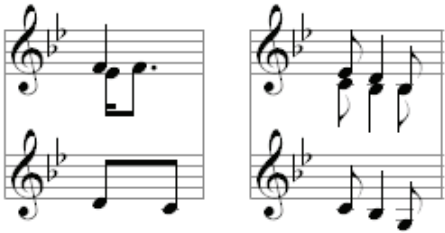
Обе песни исполняются примерно в одном темпе, умеренно. Для мелодии Красного Яра характерно преобладание терций и октав:

Для Красного Зилима характерны унисоны в верхних или нижних голосах, терции и квинты:

Особенностью зилимской мелодии является наличие синкопы во втором и четвертом такте:

Присутствует распевание слога более чем двумя нотами:

Сопоставляя народную балладу и текст С. Т. Аксакова, можно с уверенностью сказать, что более приближенным к авторскому остался вариант Архангельского района, поскольку композиция здесь почти совпадает с авторской (хотя завершение отличается), многие строки сохранены полностью — *Один из казаков, наездник лихой; Убил он супостата копьём и мечом; Заблестала сабля в могучей руке* и т.п. Однако в этом варианте никак не обозначен именно уральский казак, а вот в песне Уфимского района уже в первых строках сообщается о принадлежности героя к жителям Урала.

Лексические пласты песенных вариантов тоже разные — текст Архангельского района больше насыщен высокой, торжественной лексикой (сбирался на битву, слово молвил, взвился он стрелою, сразился с врагом, в могучей руке), может быть, поэтому он ближе к авторскому. В центральной сюжетной части такая лексика почти не встречается, и оба варианта здесь практически одинаковые. Возможно, это говорит о том, что для самой баллады важнее семейно-бытовая ситуация измены жены, чем история казака.

В музыкальном отношении рассмотренные варианты свидетельствуют о том, что данные распевы характеризуют две разные исполнительские народные манеры. Их объединяет подголосочно-полифоническая форма многоголосья с характерным окончанием на унисоне. Мелодии песен отличаются: в Красном Зилиме песня начинается с восходящей кварты, а в Красном Яре — на одной ноте. Есть паузы, причём они различны не только по длительности и по местонахождению, но и, как мы выяснили, по своим функциям. В Красном Яре пауза четвертная, она «звучит» перед последней фразой. А в Красном Зилиме две паузы, причём они восьмые. Первая расположена в так называемой точке золотого сечения (в третьей четверти), до неё была терция, а после неё верхний

и нижний голоса звучат в октаву, средний звук «ре» создаёт сексту между средним и нижним голосами и терцию между верхним и средним. Это своеобразная кульминация в музыкальной фразе. А вторая пауза — перед последней нотой, так что певцы словно набирают воздуха, чтобы поставить точку во фразе. В песне Архангельского района три голоса, Уфимского — два. Также из особенностей мелодии Красного Зилима мы отметили наличие синкопированного ритма.

Все эти музыкальные характерные черты свидетельствуют о том, что балладный распев Архангельского района является более торжественным, героическим, напряжённым, а мелодический рисунок песни Уфимского района более доступный для исполнения, ясный и ближе к протяжным лирическим песням.

С. Т. Аксаков «Уральский казак»

(Истинное происшествие)

Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.

Один из казаков, наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.

Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
«Верна до могилы!» — сказала она.

Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьём и мечом.
Бесстрашный наездник всегда впереди.
Свидетели раны — и все на груди.
Окончились битвы; он едет домой,
Всё страстный, всё верный жене молодой.

Уже достигают Урала берегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объёмлет отца своего,
Но в тайной печали он видит его.

«Поведай, родимый, поведай ты мне
Об матери милой, об милой жене!»

Старик отвечает: «Здорова семья;
Но, сын мой, случилась беда у тебя:

Тебе изменила младая жена, —
За то от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: мы просим об ней!»

Ни слова ответа! Идет он с отцом;
И вот уже входит в родительский дом.

Упала на грудь его мать в слезах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам святым,
Как быть, помолился с поклоном земным.

Вдруг сабля взвилась могучей рукой...
Глава покатила жены молодой!

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь идет.

Свое преступленье он всем объявил
И требовал казни, и казнь получил.

Литература:

1. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. — М., 1956.
2. Брянцева, Л. И. Песни русских поэтов 18—19 вв. в архивном фонде кафедры русской литературы и фольклора Башгосуниверситета // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник. — Уфа, 1979. — с. 105—119.
3. Зиновьева, Т. С. Русские песни Башкирии. Архангельский и Белорецкий районы. — Уфа: «Узорица», 1997. — 47 с.
4. Казакова, Н. И. Баллада С. Т. Аксакова «Уральский казак» в сахалинском фольклоре // С. Т. Аксаков и славянская культура: Тезисы докладов юбилейной конференции. — Уфа, 1991. — 142 с.
5. Кулагина, А. В. Современное бытование баллады на севере // Вопросы жанров русского фольклора. — М.: Изд-во Московского университета, 1972. — с. 74—95.

Смысловое пространство «Добро/зло» в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды»

Долгополова Мария Владимировна, студент
Башкирский государственный университет

Ключевые слова: абстрактное имя, предложения тождества, добро, зло, страх, трусость, страдание

Добро и зло — абстрактные сущности, познать которые невозможно без участия языка, поскольку в их результате всегда появляется слово — абстрактное имя, которое и позволяет объективировать данный концепт, сделать его достоянием других людей. Некоторые ученые полагали, что познание этических концептов в принципе невозможно, поскольку представления о добре и зле являются интуициями индивидуального сознания и не подлежат рациональной рефлексии. Однако природа языка такова, что он является мощнейшим средством социализации, в нем отражается прежде всего всё социальное, этнокультурное и общечеловеческое, а не личностное, индивидуальное, поэтому именно анализ языковых данных может способствовать пониманию природы этических концептов.

Абстрактные сущности — сущности особого рода: они не имеют реальных прототипов в действительности и существуют только в сознании человека, и «проблема их отождествления осложняется отсутствием у этих сущностей независимого от языкового обозначения бытия» [1, с. 20; 5 и др.]. В связи с этим абстрактная сущность может быть воспринята только тогда, когда есть обозначающее ее слово [7, с. 135]. Как отмечает ученый, «абстрактное слово рассматривается нами и в моральном сознании, и в художественном, и в научном. Однако в центре внимания стоит сознание обыденное, потому что только через него мы способны определить и уровень духовности общества, и степень освоения личностью духовного богатства» [7, с. 7]. При этом автор приводит два модуса существования абстрактного имени: в культуре (коллективном сознании, взятом в его исторической перспективе) и в индивидуальном сознании (уровень личностного смысла) [7, с. 139]. Ф. И. Буслаев отмечает, что любой предмет «су-

ществует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом», то есть мысль является основной сущностью вещи. Мысль же выражается в слове [3, с. 173]. Таким образом, является необходимость обозначения абстрактных сущностей с помощью языковых знаков — абстрактных имен. Специфическая особенность абстрактных имен состоит в том, имя данного типа не обладает образностью в том смысле, что оно не связано ни с каким зрительным впечатлением или сенсорным опытом [6, с. 140—148].

Дефиниция абстрактного имени отражает не научное понимание явления, а обыденное, умпостигаемое. Таким образом, она, с одной стороны, вариативна и относительна, так как целью является лишь движение к истине, а не ее достижение, а с другой — категорична по форме [7, с. 159]. Анализируя абстрактные слова, мы имеем дело с предложениями сигнификативного тождества, а конкретно с синтетическими суждениями, когда в позиции субъекта находится абстрактное имя [2, с. 37, 132]

Герои исследуемого романа — ученые, и поэтому они не просто беседуют о добре и зле, а пытаются дать им дефиниции. Давая определение добру, главный герой романа, Федор Иванович Дежкин, использует различные варианты предложений сигнификативного тождества. Так, разграничивая понятия страха и трусости, он говорит: «*Страх наказания и нравственное чувство — разные вещи*»; «*Страх — это область физиологии. А трусость — область нравственности...*», «*Трусость отличается от страха*» [Здесь и далее цит. из 4].

Также в его рассуждениях мы можем увидеть апофатический путь идентификации: «*Трусость — это не просто страх*». Апофатический метод — это «метод объяснения какого-либо явления путём использования

таких словесных значений, которые противоположны требуемым по смыслу» [8]. Изначально этот метод использовался для доказательства существования Бога.

Таким образом, в пространство «Добро/зло» включаются понятия *Страх*, *Трусость*, первое из которых относится к области физиологии, а второе — к области нравственности. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что доброму человеку (как и любому другому) свойственно чувство страха, но «хороший человек преодолевает в себе чувство страха, физиологию». Трусость же — «это страх, удерживающий от благородного, доброго поступка», и поэтому добрый человек и трусость не совместимы. Но и добрый человек может причинить зло: «Если угроза очень страшная, такое может быть... Хороший человек, и тот может дрогнуть. Это уже будет не трусость, а катастрофа. Но это не изменит его нравственное лицо. Человек останется тем, кем он был до своей гибели. И будет искать искупления... Я, конечно, имею в виду сверхугрозу, превосходящую наши силы». Итак, исследуемое смысловое пространство в индивидуальном сознании персонажей произведения и, в первую очередь, автора текста, включает в себя такие понятия, как *Страх*, *Трусость*, *Сверхугроза*. Эти слова также являются ключевыми словами диалога и текста в целом и помогают выразить интенцию автора, который стремился таким образом показать трагизм изображаемого времени, когда человеку было невероятно трудно сохранить в себе добро.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
3. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка. — Л., 1941.
4. Дудинцев, В.Д. Белые одежды. — М., 1988. — 686 с.
5. Руденко, Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». — Харьков, 1990. — 299 с.
6. Успенский, В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. с. 142–148.
7. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. — М., 1997.
8. http://all_words.academic.ru

Падение редуцированных гласных и последствия этого процесса в истории русского языка

Калназарова Кулайша Султановна, преподаватель
Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Русский язык во всём его многообразии, представляющий собой великое национальное достояние народа, прошёл в своём развитии большой и сложный путь. Это в равной мере относится как к области лексики, грамма-

Для Дежкина также является важной идея добра-страдания, высказывая которую он также прибегает к предположению тождества: «... Добро — страдание. Иногда труднопереносимое». Добро-страдание связано с христианским представлением о добре. Василий Степанович Цвях в романе приводит пример из «Откровения Иоанна Богослова»: «Сии, облеченные в белые одежды, — кто они и откуда пришли? Они пришли от великой скорби». Название романа также связано с таким пониманием добра: белые одежды — это чистые, ничем не запятнанные одежды, но их можно и выстрадать: тот, кто пострадает за добро, будет прощен Богом: «Они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. Сего ради они пребывают ныне перед престолом Божиим и служат Ему день и ночь в Церкви Его, и Сидящий на престоле вселится в них».

Интересным кажется своеобразная трансформация понимания добра-страдания Василия Цвяха: «Добро — это страдание. Сидел я в этом президиуме и чувствовал: становлюсь всё добрее. Еще немного, и заеду кому-нибудь по рожу».

Таким образом, проанализировав текст романа Владимира Дудинцева «Белые одежды» и, в частности, речь героев данного романа, можно сделать вывод, что смысловое пространство «Добро/зло» расширяется за счет дополнительных дискурсивных смыслов ключевых лексем, а также за счет понятий, с которыми они связаны (Страх, Трусость, Катастрофа, Страдание).

тики, так и к области фонетики. И вполне понятно, что знание истории каждого из названных важнейших структурных элементов позволяет глубоко понять современное состояние русского языка, по достоинству оценить совер-

шенство его форм и открывает широкий простор для исследования процессов его дальнейшего развития.

Без знания истории русского языка невозможна полноценная лингвистическая подготовка учителя — словесника. Поэтому прочное место в системе профессионально-педагогической подготовки студентов филологических факультетов занимают дисциплины историко-лингвистического цикла, способствующие формированию у будущих учителей необходимых представлений о языке как о постоянно изменяющейся и развивающейся системе.

Все уровни языка находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, и многие изменения в лексике и грамматике начинались с изменений в области звуков или обуславливались ими. Следовательно, без понимания исторического развития звукового строя невозможно прочное и сознательное усвоение всего курса исторической грамматики.

Историческая фонетика — один из важнейших разделов в истории русского языка. Она изучает звуковую систему русского языка (качество фонем, изменения в составе фонем, изменения соотношений между отдельными звеньями фонетической системы) и закономерности её дальнейшего развития.

Одна из тем исторической фонетики русского языка письменного периода — «Падение редуцированных и его последствия» — заслуживает особого внимания, так как этот процесс вызвал перестройку всей фонетической системы древнерусского языка.

В известном смысле можно даже говорить о том, что между древнейшим состоянием звуковой системы русского языка и её современным состоянием лежит падение редуцированных.

Поэтому этой теме уделяется особое внимание при изучении исторической грамматики русского языка.

Сначала, конечно, следует ответить на вопрос: «Что такое редуцированные ь, ь?»

В фонетической системе языка восточных славян, кроме гласных полного образования, были гласные неполного образования — ь (ер), ь (ерь), которые из-за краткости и неясности произношения в исторической грамматике назывались глухими, напряжёнными, сверхкраткими, редуцированными. Это были особые звуки в древнерусском языке, при произношении которых голо-совые связки напрягаются не в полной мере.

Гласные ь (ер), ь (ерь) — это гласные среднего подъёма переднего (ь) и заднего (ь) образования.

Как известно, звуки ь, ь существовали ещё в системе общеславянского языка и были унаследованы всеми славянскими языками, долгое время сохранялись в них, но затем в процессе дальнейшего развития подверглись фонетическим изменениям.

По своему происхождению гласные ь и ь восходят к индоевропейским звукам: ь к й (у краткому) и ь к I (и краткому). Учёные считают, что первоначально в своём произношении редуцированные ь и ь приближались к названным звукам, т.е. й (у краткому) и I (и краткому). Это

мнение лингвистов подтверждается рядом ранних заимствований из древнерусского языка. Однако в процессе исторического развития славянских языков гласные ь и ь изменились и потеряли качество звуков й (у краткого) и I (и краткого).

В современном русском языке буквы ь и ь, звукового значения не имеют.

Но в языке наших предков редуцированные гласные ь, ь были самостоятельными фонемами:

- 1) они противопоставлялись остальным гласным;
- 2) выступали как слогаобразующие звуки;
- 3) с течением времени на месте редуцированных гласных [ь] и [ь] в определённых условиях возникли гласные [о] и [е].

Кроме того небезынтересен тот факт, что в некоторых памятниках (богослужебного характера) над буквами ь, ь стоят нотные значки, указывающие на произношение ь, ь, как гласных звуков.

Если не считать особой краткости, то гласный [ь] был в древнерусском языке близок по произношению к [о], а [ь] — к [е].

В зависимости от положения в слове звучание редуцированных гласных в древнерусском языке было неодинаковым. В одних случаях они произносились с большей долготой, в других — меньшей. В зависимости от этого различают сильную позицию (или сильное положение) редуцированных и слабую позицию (слабое положение).

Сильными редуцированные гласные являлись в следующих условиях:

— перед слогом с редуцированным в слабой позиции: тьмно, локтьь, крѣпкъь, създати, рѣптьь узъкъ, нъгтьь, тьмьнь.

— под ударением: рѣптьь, пѣстрыи, съхноути, тѣптьь, тѣща, пѣсьль.

Слабыми редуцированные были:

— в абсолютном конце слова: светь, ледь, сынъ, сьнь, садь, дедь, хлебъ;

— в середине слова перед слогом с гласным полного образования: зъло, ложька, правьда, сьна, дьни, зьвати, правьда, сьна;

— в середине слова перед слогом с редуцированным в сильной позиции: дьньсь, сьньмь, жьньць, шьвьць, правьднь.

Примерно во второй половине XII в. в древнерусском языке произошел глобальный фонетический процесс, перестроивший всю языковую систему — процесс падения редуцированных [ь] и [ь]. Этот процесс охватил всю территорию распространения древнерусского языка и был завершён в XIII веке. Суть этого процесса заключалась в исчезновении [ь] и [ь] в слабой позиции и переходе их в [о] и [э] полного образования в сильной позиции.

Падение редуцированных произошло в результате комплекса причин, возникших в системе языка и в речевом потоке. До падения редуцированных гласные произносились одинаково и в ударной, и в безударной позиции; ударение резко отличалось от современного: оно

было музыкальным, т.е. ударный гласный произносился с повышением тона голоса и с большей силой, долгота же звука оставалась прежней. К XII в. в результате развития отношений с Византией, с европейскими государствами, развития экономики произошло убыстрение темпа жизни и, соответственно, темпа речи. В убыстренном потоке речи гласные стали произноситься короче: гласные полного образования сокращались до редуцированных, а редуцированные в слабых позициях совсем исчезали: дъва — два, съна — сна, мъгла — мгла, лодька — лодка, оузько — оузка, лодька — лодка,

Но в определенных позициях [ъ] и [ь] переходили в гласные полного образования: под ударением (например: сънь — сон, днь — день, тьпть — топот, сълнце — солнце) и в безударном положении перед слогом со слабым редуцированным; этот слабый редуцированный исчезал, но свою вокальность он передавал предшествующему редуцированному, который прояснялся до гласного полного образования: шьпть — шептать, днь — день, льдъ — лед. Значит, редуцированные гласные переходили в гласные полного образования о и е в сильной позиции.

Исчезнув в одних положениях и изменившись в о и е в других, редуцированные к XIII в. утратились как особые фонемы.

Итак, число гласных фонем уменьшилось на две. Само по себе изменение не такое уж значительное. Но язык — это система, элементы которой связаны друг с другом, и изменение одних из них приводит к большей или меньшей перестройке других.

Падение редуцированных вызвало такую перестройку фонетической системы русского языка, как ни одно другое историческое изменение и приблизило её к современной:

1. Потерял свою абсолютную значимость закон открытого слога, в русском языке появилось огромное количество закрытых слогов — дом, воз, мед, князь, голос, сад, лед, чин, сан, яд — слова односложные, чего в предыдущие периоды не наблюдалось. Прав — да, лис — ток, руч — ка, го — род. В данных словах слоги открытые и закрытые.

2. Нарушился ещё один важный фонетический закон — закон слогового сингармонизма: теперь в пределах одного слога оказываются звуки разной артикуляции. Например, было на-чь-не-ши (во всех слогах соблюдается закон слогового сингармонизма), стало нач — не-ши (в первом слоге нарушен закон слогового сингармонизма: твёрдый и мягкий согласный, гласный переднего ряда находятся в одном слоге); лес — в одном слоге оказались мягкий согласный, гласный переднего ряда и твёрдый согласный, что не было свойственно древнерусскому языку до падения редуцированных.

3. В слове появилось «нулевое окончание»: кот, дом, князь, дым, сон, вол, тень (ранее слова имели вполне материально выраженное окончание кот-ъ, князь-ь, дом-ъ, дым-ъ, сон-ъ, вол-ъ, тен-ь); в результате «нулевое окончание» стало явлением грамматическим, в том числе в словах, где этимологически не было окончаний -ъ или -ь: шофёр, вуаль;

4. Появились аффиксы, состоящие из одного согласного звука: говор-и-л, смотр-е-ть ход-и-л, чит-а-ть, кош-к-а, руч-к-а.

5. Также появились однозвучные слова — предлоги с, в, к (ранее — сѣ, вѣ, кѣ) и под.;

6. Появился новый сложный вид позиционной мены-беглость гласных — чередование о//∅ и е//∅ в разных формах одного слова или в родственных словах: сон — сна, день — дня, мох — мшистый, месть — мстить. Беглость гласных стала морфологическим средством образования некоторых форм;

Особую сложность такое чередование представляет в суффиксах и приставках. о чередуется с ∅ в следующих приставках: сбить — **собьешь**, сжечь — **сожжешь** и пр. О//∅ и Е//∅ чередуются и в суффиксах: звонок — звонка, пирожок — сапожка, уголёк — уголька, платочек — платочка, и пр.

Появление беглых гласных о и е связано с тем, что в одной форме данного слова редуцированный гласный был в сильном положении и переходил в о или е, в другой форме — в слабом положении и исчезал

7. В результате падения редуцированных в древнерусском языке появилось большое количество слов с неудобнопроизносимыми сочетаниями согласных. Эти сочетания упрощались путем выпадения согласных или с помощью различных ассимилятивно-диссимилятивных процессов: *сьдесь* — *здесь*; *объвлако* — *обвлако* — *облако*; *мазьло* — *масло*.

Плавный л, оказавшийся на конце слова после утраты слабого редуцированного, исчезает в сочетаниях «согласный + л в связи с труднопроизносимостью сочетания: пекль — пекл — пек, но пекла, пекли; моглъ — могл — мог, но могла, могли.

8. Появился новый вид позиционной мены: оглушение звонких согласных в конце слова и в конце слога перед глухим и озвончение глухих перед звонким: *садъ* — [сат], *лодька* — [лотка], *молотьба* — [маладьба], *коробька-коробка* — [коропка], *събор* — *сбор* — [збор].

9. А в результате оглушения [в] появился исконно русский звук [ф]: *кръвь* — *кровь* [кроф], *травька* — *травка* [трафка], *ковька* — *ковка* — [кофка]. До этого [ф] встречался только в заимствованных словах, таких как философ, Фарисей, февраль, Филипп и пр.

Только после падения редуцированных звук [ф] получил широкую лексическую базу, возникнув на восточнославянской почве сначала в качестве глухой разновидности фонемы [в], а потом в качестве самостоятельной фонемы.

10. Конечный мягкий согласный м отвердел, что отражается в памятниках в виде написания на конце слова — мь вместо более раннего — мъ: плодомъ — плодомь, о немь — о немь. Первые случаи с отвердевшим м встречаются в новгородских памятниках начала XIII века — Милятином евангелии 1215 г. и берестяных грамотах.

Падение редуцированных затронуло и морфологию: появились окончания нового типа. Раньше все окончания имели звуковое выражение, а после падения реду-

цированных появились нулевые окончания: было: дом-ъ-дома — дому... стало дом-дома — дому, руки — рукъ стало руки — рук.

Таким образом, падение редуцированных явилось одной из причин, вызвавших значительное изменения в фонетике древнерусского языка. Более того оно отраз-

илось на всём дальнейшем развитии звукового строя русского языка.

Также чисто фонетический процесс падения редуцированных сыграл роль и в истории морфологической системы русского языка, в частности в изменении фонетико-морфологического строения слова.

Литература:

1. Дурново, Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1960.
2. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
3. Кузнецов, П. С. Очерки исторической фонологии русского языка. М., 1959.

Анализ речевых ошибок школьников, связанных с употреблением местоимений

Миналиева Минзифа Абубикеровна, учитель русского языка и литературы;
 Рачителева Надежда Анатольевна, учитель русского языка и литературы;
 Кошенкова Наталья Владимировна, учитель русского языка и литературы
 МБОУ «СОШ № 24» (г. Астрахань)

Развитие культуры речи учащихся, развитие навыков свободного, умелого пользования словом — одна из основных задач современной общеобразовательной школы. Однако состояние речевой грамотности учащихся, как видно из практики, не является достаточно высоким. И в устной, и в письменной речи школьников нормы русского литературного языка часто нарушаются. Именно поэтому необходимо продуманная, целенаправленная работа по предупреждению ошибок и по введению в речь правильных, соответствующих литературной норме форм. Но такая работа возможно лишь в том случае, если у учителя существует четкое представление о характере речевых ошибок и о причинах их возникновения.

Данная статья посвящена типичным ошибкам в использовании местоименных форм в творческих работах учащихся (материалом для наблюдения служили сочинения учащихся).

Ошибки эти связаны с незнанием значений некоторых местоимений, с неправильным образованием грамматических форм местоимений, неправильным употреблением местоимений в тексте. Ошибки в употреблении местоимений часто приводят к логическим погрешностям, мешают точно воспринять значение излагаемого.

Каждый разряд местоимений и каждое местоимение имеют вполне определенное значение, определяющие их употребление. Недостаточно четкое представление об этих качествах местоимений ведет к их смешению, к необоснованной замене одного местоимения другим, к неуместному использованию местоимений в данной речевой ситуации.

Например, притяжательное местоимение *свой* способно обозначать принадлежность любому из трех лиц.

Но в конкретном тексте должна быть четко и определенно выявлена его соотнесенность с одним из названных в тексте слов; если это условие не соблюдено, возникает двусмысленность.

Местоимение *свой* нередко оказывается лишним в предложении, так как указание на принадлежность не вносит нового в излагаемое. («Основная мысль этого стихотворения в том, что Пушкин и после разгрома восстания декабристов продолжает *свое* начатое дело».).

Местоимения обычно употребляются вместо какого-то имени, поэтому местоимения не стоит употреблять раньше того слова, которое оно заменяет. Нарушение этого требования ведет к смысловой погрешности, создает алогичная ситуация: местоимение и слово, которое заменено этим местоимением, воспринимаются как обозначающие разные понятия.

Употребление местоимения раньше заменяемого слова вызывает иногда и более сложное нарушение смысловых связей, например: «она *смотрела за Софьиной комнатой*, а она в это время сидела у себя в комнате с Молчалиным, а Лизе приказала, чтобы та *смотрела за ее комнатой и чтобы к ней никто не заходил*». Возникает представление не о двух, а о четырех различных лицах, действия которых описаны в изложенном тексте.

Существительные собирательного значения иногда заменяются школьниками местоимениями во множественном числе, то есть учащиеся ориентируются не на форму слова, а на его содержание, например: «Он принимал всю сущность народа и был близок к *ним*».

Собирательность может быть приписана и употребленному в единственном числе существительному, име-

ющему однокоренное собирательное. О том, что существительное единственного числа осознается именно как собирательное, свидетельствует замена его местоимением во множественном числе, например: «Крестьянин должен был работать на помещика, **их** также могли отдавать в аренду».

Неверным восприятием смысловых взаимоотношений имени и заменяющего его местоимения можно объяснить и еще одно нарушение, когда местоимение, которое должно было бы заменять существительное множественного числа, принимает форму названного, но мысленно выделенного понятия, обозначенного существительным единственного числа.

Неясно выраженной становится мысль и в том случае, когда в предложении нет слова, вместо которого употреблено местоимение.

Нечеткость изложения усугубляется еще и тем, что обычно в тексте есть слова, как правило, существительные, к которым может быть отнесено местоимение, но которые логически с этим местоимением не связаны, например: «Эту комедию написал А. С. Грибоедов. С момента появления в пьесе **он** участвует во всех сценах»..

Смысловые погрешности появляются при введении в предложение нескольких местоимений, значения которых и отношение друг к другу в данном тексте не расшифрованы («Катерина хочет вырваться из этого темного царства, но ее связывает то, что куда **та** пойдет»).

Нечеткость в восприятии высказываемого возникает, если местоимение употребляется вместо названного слова, которое только могло бы быть введено в контекст. Так, в приводимом ниже примере местоимение заменяет названное в ближайшем контексте существительное *мысль* (*мысли*): «Такой человек лучше мыслит и правильно их излагает».

Трудно понять и высказывания, в которых повторяется одно и то же местоимение, заменяющее разные слова (существительные).

Повторение местоимений довольно часто встречается в творческих работах школьников. Речевая погрешность в таких случаях может быть чисто стилистической: нарушается требование избегать повторение одних и тех же

слов в близком контексте. Смысловые же связи при речевой ошибке такого типа остаются достаточно ясными, затруднений в восприятии текста не возникает, например: «Салтыков-Щедрин написал сказку «Премудрый пескарь», в **которой** зло высмеял обывателей, **которые** дрожали за свою шкуру».

Однако чаще многократное повторение однотипных местоимений не только нарушает эстетические требования к речи, но и смыкается со смысловой неточностью, мешает отчетливому пониманию повествования.

Типичной речевой ошибкой является введение в текст лишних слов, не вносящих добавочных смысловых оттенков, при этом лишними могут быть местоимения разных разрядов, например: «Судья вместо того, чтобы разбирать дела, **он** ходит на охоту». Ошибкой является и пропуск местоимения, необходимого в тексте.

Много ошибок в употреблении местоимений, выполняющих функцию союзных слов в придаточных предложениях. Также встречаются ошибки в использовании местоимений в текстах с прямой речью.

Ошибки в употреблении местоимений могут быть связаны с неверным образованием падежной формы, с использованием местоимений просторечного и диалектного характера, например: «Аркадий хотел быть похожим на Базарова, но **ихние** взгляды на жизнь расходились».

Следует сказать, что в творческих работах учащихся довольно часто наблюдаются сочетание ошибок различного характера. Погрешности в использовании местоимений обнаруживают бедность словарного запаса учащихся, отсутствие четкости в осознании смысловых и грамматических взаимоотношений словесных единиц.

Точное понимание сути ошибок, связанных с употреблением местоимений, помогает целенаправленно работать над вопросами развития речи учащихся, формирования навыков использования литературных форм, помогает определить систему упражнений, цель которых — научить правильно вводить в текст местоименные формы. Поэтому считаем важным подбирать такие упражнения, в которых предлагается не просто исправить ошибку в употреблении местоимения, но и охарактеризовать ее.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Русский язык. М., 1992
2. Горшкова, К. В., Шанский Н. М.. Современный русский язык. М., 1993
3. Кузьма, А. Я., Неупокоева О. В. Русский язык. М., 2002
4. Ладыженская, Т. А., Зельманова Л. М. Практическая методика. Русский язык. М., 2003.

Трехстишие и сиджо

Салиджанов Юлдашхужа, доктор филологических наук;
Юлчиев Каххор Вахобович, соискатель, старший научный сотрудник
Ферганский государственный университет (Узбекистан)

В данной статье исследуется узбекское трехстишие и корейское сиджо, их сходжения и различия в сравнительно-типологическом плане. Автор впервые анализирует и четко определяет разницу между корейским сиджо и узбекским трехстишием.

Ключевые слова: *типологическая литература, поэтическая структура, трехстиший, сиджо, мотив, деталь, пейзаж, портрет.*

The article presents reflections on the comparative study of the Uzbek trestishy with Korean siege, which is analogical to the genre in Korean poetry.

Keywords: *comparative literature, poetic structure, siege, content, triplets, sounds, letters, artistic code.*

В современной узбекской поэзии поэты Рауф Парфи, Анвар Абиджан, Хуршид Даврон, Турсун Али, Фарида Афруз, Гузаль Бегим и другие часто обращаются к форме трёхстиший. Но они по метру и по содержанию разные. Например, трёхстишия у Р. Парфи разные, есть свободный и силлабический размер. Свободный размер можно увидеть в творчестве Турсун Али и Гузал Бегим. Но у Анвара Абиджана они силлабического размера: строго по 9 слогов в каждой строке, стих имеет 27 слогов.

Сиджо (“напевы времен года” или “современные напевы”) сначала формировалась как фольклорная песня и только с XIII века начала использовалась как поэтическая форма. Сиджо достигла своего расцвета в творчестве Сонгана (ЧонЧхоль; 1537–1593 гг.) и Косана (Юн Сондо; 1587–1671 гг.) [9].

В оригинале сиджо состоит из трех строк, размер каждой в среднем колеблется от 14 до 16 слогов. Строка разделена на две половины цезурой. На узбекский язык сиджо ещё не переводили. Но в русский язык средневековые сиджо переводили Анна Ахматова и Александр Жовтис (с подстрочников), Роман Хе (с языка оригинала). Сахалинский поэт Роман Хе был первым, кто перевел сиджо именно трехстишиями, а не шестистишиями, как переводили до него. Текст был задуман как попытка перевести сиджо размером, максимально приближенным к размеру подлинника.

«Столь знаменательные порой сходжения между произведениями, весьма далекими как по времени, так и по месту их появления, иногда невозможно объяснить даже самыми отдаленными общественно-политическими аналогиями, и это свидетельствует о существовании явно внеисторической типологии, построенной на общепсихологической основе и носящей, несомненно, систематический характер». [1.32]

В трехстишиях Фарида Афруз, поэтесса их называла четкми, дается точная характеристика образам современников. При этом тонко чувствуя слово, она передает его в ироничной форме:

Некий “великий” —
На скрипке играл перед скульптурой,
Готовя себя к встрече. [2.242]

В реальном жизни мы часто встречаем людей, которые больны манией величия. Здесь речь идет о таких музыкантах.

Особое место в творчестве Фарида Афруз занимают любовный мотивы. Несмотря в разницу времени и места, они близки по теме и идее к поэзии корейских поэтесс, таких, как Мэхва (цветок сливы), Мёнжок (светлая яшма), Мёнволь (светлая луна). Фарида Афруз пишет о разлуке с символическими деталями, которые в конце дают стихам афоричность:

В реку упавший камень кому-то принадлежит,
В ночи летящий пыльник есть след,
Нет вести о тебе. [2.50]

В данном стихе лирическая героиня, которая ждет вести о любимом, свои переживания выражает с помощью камня, пыли. В детали «камень» она имеет в виду себя, даже у бесчувственного камня есть кто-то, а у неё нет никого. В пыли, которая летит ночью, останется в воздухе след. Почему именно ночь? Потому что ночью глазами обыкновенного человека нельзя увидеть пыль. А она ждет и скучает настолько, что даже ночью сможет разделить пыль. Под этими деталями поэтесса дает полный объем своей разлуке. Такие же переживания можно видеть в стихах Мёнволь:

Милый, я разве обманывала тебя хоть раз?
А ты мне мерещишься в каждую ночь,
хоть это всего лишь осенние листья... [3]

В этом стихе мотив разлуки играет основную роль. Но по своей выразительности она отличается от предыдущей. У Мёнвола художественный обращение, риторический вопрос дают стиху большее экспрессивности и эмоциональности. Осенние листья это деталь для эпитета, объяснение на что у героини есть надежда на встречу с любимым человеком. Потому что пройдет время и их любовь вновь начнет распускать листья. То уже будет весеннее время. Такое мнение включает в себя и многоточие. Так

как оно в традиционном смысле означает продолжительность содержания.

Если не считать разницу между временем и местом, то можно думать, что они написаны в одно время. О лирической героине Фарида Афрузе такое не скажешь. Потому что она точно знает любимый придет.

Например, Сонган (1537–1593) в своем сиджо воспел идею верности принципам в общем плане, не конкретизируя ее проявления, и прибегает к условной образности:

Два Будды каменных лицом к лицу стоят

Нагие под дождем и снегом на дороге.

Завиду́й им — разлук они не знают. [3]

Образ Будды ассоциируется с человеком, верным своим принципам. Это видно в их положение: «стоят нагие под дождем и снегом на дороге». Лирический герой, который завидует им, это человек который стремится к совершенству. Но он пока не достиг того чего достиг Будда. Потому и он в разлуке. Дорога символизирует жизнь, каменные образы Будды это символ вечности. Сонган воспевая Будду и лирического героя создает обобщенность изображения действительности своего времени. Что сделало Сонган (Чон Чхоль) самым значительным поэтом XVI века. От него дошло семь томов сочинений на ханмуне, около восьмидесяти сиджо и пять больших поэм.

Литература:

1. Александр Дима. Принципы сравнительного литературоведения, «Прогресс», Москва, 1977, — стр 159
2. Фарида Афруз. Тасбех, Четки. Rosary. «Шарк». Тошкент. (на узбекском, русском и английском языках) 2007. — Б.242.
3. <http://www.arirang.ru/library/lib91.htm>

Парадигма императива в русском языке в сопоставлении с переводом на персидский язык

Хасан-заде Виген, аспирант;
Голами Хосейн, кандидат филологических наук, профессор
Тегеранский университет (Иран)

Наличие парадигмы императивных форм глагола в русском языке — факт общепризнанный, однако в современной русистике нет единой точки зрения относительно состава и строения императивной парадигмы. [25, с. 108]. Подобная ситуация, как известно, характерна не только для русского языка, но и для персидского. Суть проблемы императивной парадигмы «заключается в том, что лингвисты и педагоги расходятся во мнениях относительно того, какие из глагольных форм и конструкций данных языков, способных выражать побуждение, должны рассматриваться как формы повелительного наклонения, а какие нужно считать лишь синонимами или заместителями императива?». [20, с 85]

В первых двух строках сиджо, в каждой строчке по два стропа, делится на четыре стропы. Пятая стропа составляет отдельную строку и оно делится на три слог. Поэты в средние века строго соблюдали эти правила:

Стемнело за окном. Окончены дела.

Дверь из сосны закрыв, лежу при лунном свете.

Свободно сердце от мирского ссора. [3]

На примере данного трёхстишия поэта Сонам (1532–1587) даётся форменное правило сиджо. Но графическое различие между языками в данный момент не может показать, то что мы имели ввиду. Глубокое содержание стиха и многозначность деталей дает возможность сравнительно анализировать сиджо с узбекским трёхстишием.

Таким образом, корейские поэты в сиджо с помощью портрета и пейзажа дают свои определённые идеологические, социальные и лирические позиции.

В заключение можно прийти к выводу, что в сиджо и трёхстишии из минимальных возможностей поэты получают максимальную выгоду. Узбекский жанр трёхстишия пока в процессе формирования, поэтому поэты называют её по разному: Р. Парфи трёхстишием, Фарида Афруз — четки, а корейское трёхстишии имеет определённое имя (сиджо), четкую форму и ограничительное содержание.

Дискуссия об императивной парадигме и формальном её составе определяется в основном тем, что разные авторы, во-первых, неодинаково определяют значение императива, а во-вторых, предъявляют разные требования к формам, которые должны включаться в императивную парадигму. Достаточно широко обсуждается вопрос, насколько семантически однородны словоформы, которые предлагается включать в императивную парадигму; с другой стороны, высказываются различные точки зрения относительно того, насколько данные словоформы удовлетворяют тем формальным требованиям (формальная однородность строения, отсутствие омонимичных словоформ в других парадигмах, лексические ограничения

и т.п.), которые, реже эксплицитно, а чаще имплицитно, предъясняются к словоформам одной парадигмы. [25, с. 109]

Структура плана содержания императивных форм содержит компоненты двух видов.

I. Постоянные компоненты: 1) грамматическое императивное значение волеизъявления; 2) номинативное значение действия; 3) значение 1 л. ед. ч. говорящего. Эти компоненты значения входят в план содержания любой императивной словоформы.

II. Переменные компоненты; 1) грамматическое значение лица и числа исполнителя; 2) грамматическое значение числа слушающего. Все словоформы императивной парадигмы содержат различную информацию о лице-числе исполнителя и/или различную информацию о числе слушающего. [25, с. 17,18]

Бесспорно императивные формы — формы 2 л. Очевидно, только две формы безоговорочно включаются в императивную парадигму всеми русистами: это «специальные» императивные формы 2 л. ед. и мн. числа типа *пой / пойте (НСВ), спой / спойте (СВ)*. Этим формам, безусловно, свойственна как семантическая однородность, так и однотипность морфологической структуры. [25, с. 109]

(Бабин) Митя, что мне делать? (Яблоков)
А я почем знаю. Женись на Анютке, сиди в лавке,
торгуй дегтем. (А.Н. Толстой).

(بابين) میتیا، چه کار کنم؟ (یابلوکوف) من چه می دونم. با آنیوتا ازدواج کن، بشین تو دکان، قیر بفروش.

Мнение о том, что русская императивная парадигма включает только формы 2 л., впервые высказал как будто бы Н. П. Некрасов, который писал: «Повеление в личной форме может быть выражено только вторым лицом единственного или множественного числа». [19, с. 113] Для тех исследователей, которые считают, что содержательно формы императива отражают ситуацию апеллятивного общения, включающую только двух участников — говорящего и слушающего (исполнителя), вполне естественно ограничивать императивную парадигму лишь формами 2 л. [16, с. 15][17, с. 113][15, с. 50]. Отчасти такой подход характерен также для А. В. Исаченко, по словам которого «императив в узком смысле термина ограничивается формами 2-го лица единственного и множественного числа». [11, с. 8]

Отдельные авторы (Крашенинникова 1953, Ломов 1974, 1977) ограничивают императивную парадигму формами 2 л. не по содержательным, а по формальным соображениям. Они полагают, что значение волеизъявления свойственно не только этим, но и другим формам, которые «функционально дополняют повелительное наклонение, хотя и остаются за пределами его парадигмы», поскольку не обладают необходимыми формальными свойствами, которые позволяли бы включить их в парадигму. [13, с. 93]

Трактовка императивной парадигмы в концепции функционально-семантических полей: Различные су-

ждения относительно семантики императива в целом и отдельных императивных форм в частности, морфологическая неоднородность императивных форм и, как следствие, наличие разных суждений относительно состава форм императивной парадигмы как будто бы находят естественное объяснение в концепции функционально-семантических полей, развиваемой в ряде работ А. Б. Бондарко.

Одно из исходных положений этой концепции гласит: «Для функционально-семантических полей характерна постепенность перехода от центра к периферии». [4, с. 218] В соответствии с этой установкой, «для рассматриваемого подхода характерны поиски центра парадигмы как зоны сосредоточения ее наиболее специфических признаков и учет периферийных «зон затухания специфичности», примыкающих к центру явлений, втянутых в сферу влияния парадигмы, но лишь отчасти к ней относящихся, составляющих в значительной мере ее ближайшее и более отдаленное окружение». [4, с. 218] «Для «полевого» подхода к парадигмам подобного типа характерен отказ от принципа «да-нет», «это парадигма, а это не парадигма» (там же).

В соответствии с этим подходом, ядро императивной парадигмы в русском языке составляют формы 2 л. типа *подумай/те*. «К этому ядру <...> примыкают формы совместного действия типа *подумаем/те, будем/те думать, давай/те думать*. С основными формами императива их объединяют такие признаки, как значение побуждения, императивная интонация, наличие аффикса *-те*. Однако эти формы отличаются от основных неполной парадигматичностью, недостаточностью формальной характеристики, ограниченностью охвата лексики, стилистическими ограничениями, особым отношением к лицу, не характерным для основных форм императива. Еще дальше от центра находятся аналитические конструкции типа *пусть думает*. Одними своими признаками они сближаются с основными формами императива, а другими — отличаются от них, в частности побуждение в данном случае не обращено к лицу (предмету) — субъекту действия (*Пусть стол останется здесь* и т.п.), при таких аналитических конструкциях нормой является наличие подлежащего. Эти конструкции, таким образом, лишь примыкают к парадигме повелительного наклонения, но не могут рассматриваться как ее полноправные члены». [4, с. 218] Отсюда можно сделать следующий вывод. Парадигма императивных форм глагола состоит из ядерных форм 2 л. и примыкающих к ней форм совместного действия. К парадигме, в свою очередь, примыкают формы 3 л. Методологической базой такого решения служит тезис: нельзя четко и однозначно отграничить периферийные формы, входящие в парадигму, от форм, к ней не относящихся. Но в таком случае исчезает возможность принципиального разграничения грамматических и неграмматических явлений, а понятие парадигмы утрачивает какой-либо определенный смысл. В самом деле, если мы говорим о какой-либо форме, на-

пример об аналитической форме типа *пусть думает*, что она лишь примыкает к парадигме императива, но не является ее полноправным членом, то мы упускаем из виду то обстоятельство, что все спрягаемые формы глагола в русском языке в принципе относятся либо к индикативу, либо к императиву, либо к сослагательному наклонению. Форм промежуточных, неполноправных, не вполне относящихся к тому или другому наклонению теория грамматики как будто бы не предусматривает. [25, с. 120]

По поводу количества форм императива среди персидских лингвистов, как и среди русских существуют разные взгляды, но, к сожалению, данная тема, в персидском языкознании до сих пор остаётся недостаточно исследованной. Иранский языковед Т. Вахидиан Камиар, как и многие другие иранские учёные-лингвисты — М.Р. Батэни, [3, с. 50], П. Нател-Ханлари [18, с. 32], М. Абулгасеми [1, с. 35], Ш. Махутиан [14, с. 55], Х. Гиви с Х. Анвари [2, с. 218], в своей книге «Грамматика персидского языка» указывает на две формы повелительного наклонения 2-е лицо единственного и множественного числа. Конечно, необходимо подчеркнуть, что Нател-Ханлари выделяет и форму 1-го л. мн. ч. Ю.А. Рубинчик также выделяет две формы повелительного наклонения 2-е л. ед. и мн. ч., все остальные формы Рубинчик относит к числу косвенных форм — непрямых форм повелительного наклонения, которые в персидском языке относятся к сослагательному наклонению. [22, с. 257] А также некоторые из иранских языковедов либо считают, что формы повелительного наклонения могут употребляться в качестве желательного наклонения — М. Абулгасеми, либо рассматривают семантику повелительного наклонения с точки зрения частных семантических интерпретаций — приказ, предложение, просьба и т.п. — Ш. Махутиан, но никто из них подробно не рассматривает в своих трудах парадигму персидского императива.

Другой иранский лингвист Х. Фаршидвард на более современном уровне в книге «Подробная современная грамматика на основе современного языкознания» насчитывает шесть форм императива: 1. Формы 2-го лица единственного и множественного числа: بنویس [benevis] *пиши*, بنویسید [benevisid] *пишите*; 2. Формы 3-го лица единственного и множественного числа: بنویسد [benevisad] *пусть напишет*, بنویسند [benevisand] *пусть напишут*; 3. Формы первого лица единственного и множественного числа: بنویسم [benevisam] *напишу*, بنویسیم [benevisim] *напишем*. Парадигма императива в персидском языке, в отличие от русского языка, как уже отмечалось ранее, практически остаётся далеко неизученной, и поэтому есть место для проведения основательных исследований в данной области персидского языкознания. [24, с. 97]

В русском языке форма императива в единственном числе образуется от основы настоящего времени глаголов СВ и НСВ при помощи суффиксов *-и* (*говори, смотри*); *-й* (*читай — читайте*), мягкий согласный или шипящий (*сядь/сядьте, выбрось/выбросьте*), которые являются концом основы. Во множественном

числе к форме единственного числа прибавляется окончание *-те*. У глаголов с постфиксом *-ся* (*сознаваться, заниматься*) окончание стоит в конце слова; после согласного используется постфикс *-ся* (*сознавайся, занимайся*), после гласного морф *-сь* (*держись, борись*). Во множественном числе глаголы на *-ся* и *-сь* располагаются вслед за окончанием мн.ч. — *те*, с единственным постфиксом *-сь* (*держись — держитесь, занимайся — занимайтесь*). [8, с. 290][9, с. 316]

В персидском языке императив в основном употребляется только во 2-м лице единственном и множественном числе. Он образуется подобно аористу, от основы настоящего времени с помощью приставки ب (be). Повелительное наклонение в ед. ч. имеет структуру: приставка ب (be) + ОНВ (основа настоящего времени) + нулевой суффикс: بکن [bekon] *делай*. Множественное число повелительного наклонения образовывается при помощи: ب (be) + ОНВ + суффикс — ید [id]: بکنید [bekonid] *делайте*. В отрицательной форме приставка ب (be) заменяется частицей ن [na]: نکن [nakon] *не делай* и نکنید [nakonid] *не делайте*. Отрицательная частица ن [na] (نکن [nakon] не делай) заменена частицей م [ma] [makon]. Обе частицы являются синонимами, однако частица م [ma] больше употребляется в литературной речи. Здесь, конечно, мы затронули такой вопрос, как прохибитив, рассмотрение которого выходит за рамки данной статьи. Приставке ب [be] также не свойственно сочетаться с глаголом بودن [budan] *быть*. Глагол بودن в повелительной форме имеет формы باش [bāš] *будь*, и باشید [bāšid] *будьте*: مواظب باش [movazeb bāš / bāšid] *будь/будьте осторожны*. [22, с. 257]

В персидском языке кроме основных трех форм наклонений: изъявительного, повелительного и сослагательного встречаются ещё формы желательного наклонения, однако большинство исследователей персидского языка не выделяет желательное наклонение как самостоятельное, так как эта форма встречается сейчас преимущественно в классической литературе. По мнению исследователей персидского языка, формы 1-го и 3-го лица глаголов пожелания не образуют самостоятельного наклонения, но они обладают оттенками побуждения и просьбы (желания), и поэтому их иногда включают в состав парадигмы повелительного наклонения. В настоящее время в персидском языке сохранились лишь некоторые из глагольных форм желательного наклонения, например: بودن [budan] *быть*; باد [bād] *да будет*; خدا او را بیامرزد [Khodā u ra biāmorzad] *да простит его Бог!* [22, с. 258]

В русском языке приставочные глаголы при образовании повелительного наклонения не заменяются на особые повелительные приставки: *отойти — отойди, рассказать — расскажи*. Приставка ب [be] не всегда способна образовывать повелительное наклонение, при приставочных глаголах она опускается, к примеру, в префиксальных глаголах, начинающихся с префикса بر [bar]: بردار [bardar] *подними!* Как и в русском языке, большая часть глаголов персидского языка способна выступать в повелительном наклонении без каких-либо приставок, примером

сказанному служат сложные глаголы: کار کن [kār kon] ра-ботай! [tarjome konid] переведите! [22, с. 259]

В русском языке не образуют форм повелительного наклонения глаголы, обозначающие действие или состояние, совершающееся без деятеля или не зависящее от воли действующего лица: 1. безличные глаголы: *знобит, светает*; 2. глаголы состояния: *темнет, светлет*; 3. модальные глаголы: *хотеть, мочь*; 4. глаголы восприятия: *слышать, видеть, чувствовать*. [25, с. 142–146]

В персидском языке так же, как и в русском языке, ряд глаголов не имеет формы повелительного наклонения. Причиной этому является лексическое значение глагола, которое не дает возможности выразить побуждение к совершению действия: به درد خوردن [be dard khordan] годиться, خوش آمدن [khoš āmadan] нравиться. [22, с. 258–259]

В персидском языке императив раньше маркировался при помощи морфем می [mi] или вариант همی [hami]. Помимо значения приказа и просьбы, они выражали значения длительности или постоянства действия: گوش همی دار [guš hamī dār] *Всегда слушай меня внимательно и до конца*.

Важно также отметить пунктуационное оформление побудительных и императивных конструкций в обоих языках. В русском языке в конце побудительных предложений ставится восклицательный знак, в персидском языке — точка. [22, с. 400]

Так как в русском и персидском языке нет единого подхода к парадигме императива, то мы охарактеризуем императивные парадигмы, выделяемые разными исследователями, приводя соответствующие авторские аргументации, если, конечно, это будет возможно.

Далее рассмотрим формы, чья принадлежность к императивной парадигме не бесспорна. Мы будем двигаться от центра парадигмы к ее периферии, сопоставляя с возможными аналогами форм императива в персидском языке. К числу форм, которые включаются в императивную парадигму не всеми русистами и при этом часто с разного рода оговорками, относятся следующие:

1. Синтетические и аналитические формы «совместного действия» или формы 1 л. мн. ч.

Формы «совместного действия», или формы 1 л. мн. ч. Важная формальная особенность этих форм заключается в том, что среди них только синтетические формы с суффиксом *-те* не имеют омонимов в других частных парадигмах глагольных лексем:

(Ученый) *Кто это? Да ведь это доктор. (Доктор) Вы меня так легко узнали. Отойдемте в сторону, (Шварц).*

دانشمند) این چه کسی است؟ این که دکتر است. (دکتر) شما خیلی راحت منو شناختید. بیاید کنار بایستیم.

Синтетические формы без суффикса *-те* омонимичны словоформам индикатива. Так, формы НСВ глаголов одноподвижного движения омонимичны формам настоящего времени: [25, с. 110]

(Желтухин) *Помещица? Значит, живет в деревне, На всем готовом? Анатолий, едем к тетке! (А.Н. Толстой).*

ژلتوخین) خانم ارباب؟ پس در روستا ساکن است، همه چیز هم که برایش حاضر) و مهیا است؟ آناتولی، می رویم/برویم پیش خاله.

Формы СВ типа *споем* омонимичны формам будущего простого:

(Яблоков) *Это племянница. (Огнева) Чья племянница? (Яблоков) Наша. (Огнева) Познакомимся, моя прелесть. (Наташа) [сухо] Здравствуйте. (А.Н. Толстой).*

یابلوکوف) این برادر/خواهر زاده است. (اوگنوا) برادر/خواهر زاده ای کیست؟ (یابلوکوف) (برادر/خواهر زاده) ماست. (اوگنوا) بیاید آشنا بشیم، خوشگلم. (ناتاشا) [با دلسردي] سلام.

Аналитические формы НСВ типа *будем петь* омонимичны формам будущего сложного: [25, с. 111]

(Илья) *Что ты читаешь? (Раиса) «Гигиену молодой женщины». Тетя Варя приказала прочесть эту книжку несколько раз подряд. (Илья) Это очень полезное чтение, конечно. Вообще нам нужно побольше читать серьезных книг. (Раиса) [уныло] Будем читать. (А.Н. Толстой).*

ایلیا) چی می خوانی؟ (رایسا) «بهداشت شخصی را». خاله واریا سپرده که این کتاب را چند بار پشت سر هم بخوانم. (ایلیا) البته که این مطالعه خیلی مفید است. در کل باید بیشتر کتابهای مهم را مطالعه کنیم. (رایسا) [با بی حوصلگی] می خوانیم/خواهیم خواند.

Омонимия снимается в том случае, если формы «совместного действия» употребляются с частицей *давай/те*. У аналитических форм типа *будем петь* эта частица может вытеснить вспомогательный глагол: [25, с. 111]

Садись-ка, добрая старушка, | Ис нами бражни-чать давай. (Языков);

بشین ببینم، مادر بزرگ مهربان و بیا بنوشیم با هم.

Нам утешенья только душу ранят, | Давай мол-чать... (Берггольц).

دلاریها فقط دلمان را جریحه دار می کند. بیا سکوت کنیم.

Формы типа *давай/те будем петь* употребляются значительно реже, чем формы типа *давай/те петь* и *будем петь*: [25, с. 112]

— *Ну, хватит ученых разговоров, решительно вмешалась хозяйка. — Давайте будем ужинать.* بیاید. شام بخوریم

Следует отметить, что в сочетании с отрицательной частицей *не* подобные формы встречаются довольно часто: [25, с. 112]

Увидев их, красавица зарыдала еще пуще, тыча рукой в дверь кабинета.

Давайте не будем рыдать, гражданка, — спокойно сказал первый. (Булгаков).

بیاید گریه کردن را بگذاریم کنار/ بیاید گریه نکنیم/نکنید، خانم، — نفر اول با آرامش گفت.

Очень широко употребляется частица *давай/те* в сочетании с формами СВ типа *споем*: [25, с. 113]

Зовет меня взглядом и криком своим, | И вы-молвить хочет: давай улетим! (Пушкин)

بیا از اینجا برویم/پرواز کنیم.

(Аннунциата). *Я не верю, что ничего нельзя сде-лать. Умоляю вас, Юлия, давайте остановим все это! (Шварц);*

بیایید همه چیز را متوقف کنیم.

— *Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, давайте действовать (НСВ) как: люди.*

بیایید مثل انسانها عمل کنیم.

Давайте, — устало согласился Саул. — И давайте поедим (СВ). Неизвестно, что будет, дальше. (Стругацкие).

باشد (بیایید)، — باخستگی سائل موافقت کرد- و بیایید برویم معلوم نیست جلوتر چه اتفاقی خواهد افتاد.

Частица *давай/те* способна присоединяться и к формам с суффиксом *-те*, не имеющим омонимов: [25, с. 113]

— *Нет, вы на меня не взваливайте. Ваш был почин, так что давайте подойдемте, я представлю вас, скажу — вместе служили в армии, а? (Гранин).*

ایده ی شما بود. بهتر است بیایید باهم پیشش برویم، من شما را معرفی کنم، می گویم با هم در ارتش خدمت کردیم، خوبه (آ)؟

Очень многие исследователи (Пешковский 1928, Исаченко 1957, Немешайлова 1961, Зарецкая 1976, ГРЯ-70, РГ-80) высказывают мнение, что перечисленные формы, как синтетические, так и аналитические, входят в императивную парадигму, т.е. являются императивными и содержательно и формально. [21, с. 258], [11, с. 8], [10, с. 50], [9, с. 313], [23, с. 503]

Включая эти формы в императивную парадигму, А.В. Исаченко подчеркивал, что в данном случае речь идет об императиве «в широком смысле». Тем самым он хотел сказать, что специфика данных форм заключается в том, что они обозначают действие, «в котором будет участвовать и сам говорящий». [11, с. 487] Примерно ту же мысль высказывал значительно раньше К.С. Аксаков, который писал: «Форма: *идем-те* <...> как бы значит: *идите со мной, братцы и: идем вместе с вами, братцы.* — Здесь повелительное имеет совершенно особый свой оттенок вследствие сочетания первого лица со вторым, вследствие соединения элемента первого лица и второго» (Аксаков 1875: 572). [25, с. 112]

Особую позицию занимает В.В. Виноградов, который синтетические формы «совместного действия» включает в императивную парадигму, а аналитические не включает, ибо считает, что модально-императивная частица *давай* транспонирует значение формы 1 л. мн. ч. настоящего-будущего времени совершенного вида изъявительного наклонения в сферу значений повелительного наклонения (Виноградов 1938). [25, с. 112]

Отдельные авторы (Мучник 1955, 1971) не считают формы «совместного действия» императивными ни содержательно, ни формально, что связано с очень узкой трактовкой императивного значения (исполнителем действия может быть только слушающий / слушающие). [25, с. 112]

Своеобразна концепция А.В. Бондарко, по мнению которого «эти формы могут быть включены в парадигму повелительного наклонения, однако с известными оговорками» (Бондарко, Буланин 1967: 123; ср.: Бондарко 1976:

218). Если по значению эти формы являются собственно императивными, то формально они «не являются равноправными членами повелительного наклонения. От основных форм императива их отличает неполная парадигматичность, Формы типа *сядем, будем решать* не всегда достаточно четко отличаются от форм настоящего-будущего совершенного и соответственно будущего несовершенного» (Бондарко, Буланин 1967: 123; ср.: Бондарко 1976: 213). Таким образом, по мнению А.В. Бондарко, формы «совместного действия» являются полностью императивными с содержательной точки зрения и не полностью императивными с формальной. [25, с. 112–113]

В итоге относительно форм «совместного действия» высказываются следующие точки зрения: 1) все эти формы входят в императивную парадигму (Пешковский, Исаченко, Немешайлова, Зарецкая, ГРЯ-70, РГ-80 и др.); 2) синтетические формы входят в императивную парадигму, а аналитические являются императивными лишь содержательно (В.В. Виноградов); 3) все эти формы содержательно императивные, однако формально характеризуются неполной парадигматичностью (А.В. Бондарко); 4) все эти формы не являются императивными ни содержательно, ни формально (И.П. Мучник).

2. Аналитические формы 3 л. ед. и мн. числа

Сначала приведем несколько текстовых примеров употребления этих форм:

— *Пускай народ глядит! — кричала Анисья, — я вас осрамлю! Вы у меня сгорите со срама! Вы у меня в ногах поваляйтесь! (Чехов).*

بگذارید مردم ببینند. — آنیسیا فریاد می کشید، — من آبروتان را می برم. از خجالت خواهید سوخت. به پاهام می افتید

(Распутин) Министр дома? Как дома нет, что ты врешь, я знаю, что он дома... Ну, ну, передай министру: звонил Распутин, звонил гневно... Пусть задумается... Так и передай... (А.Н. Толстой).

راسپوتین) وزیر خونه است؟ چطور خونه نیست؟ چرا دروغ می گی، من می دونم. که خونست، باشه باشه، به وزیر برسان: راسپوتین زنگ زده بود، خیلی ناراحت بود. بگذار به فکر بیافتد. همان طور که گفتم بگو

— *А впрочем, апостол Павел советует христианам и не говорить о сих мерзостях. Не барское это дело — политика. Пускай ею занимаются жандармы и мичман Гудков. (Соболев).*

با این حال پدر پاول توصیه کرده به مسیحیان که در مورد این کثافت کاریها صحبت نکنند. سیاست کار ارباب ها نیست. بگذارید ژاندارمری و افسر گودکوف با آن خودشان را مشغول کنند

— *К вам Анфилов, — сказала секретарша.*

Пусть войдет, — сказал Лосев. — Кто из депутатов будет, пусть входят. (Гранин).

آمفی洛夫 با شما کار داره- خانم منشی گفت

بگذارید وارد شود، — لوسف گفت — آنهايي که از دولت مردانند ، بگذارید بیایند داخل

Многие исследователи (Шахматов 1941, Немешайлова 1961, Зарецкая 1976) включают формы 3 л. в императивную парадигму, специально подчеркивая то обстоятельство, что эти формы являются аналитическими. Эта же точка зрения выражена в ГРЯ-70, где отмечается,

что они состоят «из синтаксических частиц *пусть, пускай* — показателей склонения — и форм наст. вр. 3-го л. ед. или мн. ч., утрачивающих в этом сочетании свое временное значение». [9, с. 416]

Несколько иначе трактует эти формы В.В. Виноградов. Анализируя модально-приглагольные частицы, он отмечает, что для выражения повелительного склонения используются частицы «*пусть, пускай* с 3-м лицом наст. — буд. времени изъявительного склонения». [6, с. 508] Таким образом, формы 3 л. являются императивными только содержательно, но в императивную парадигму не входят: «частицы модально-императивного типа транспонируют изъявительное склонение в сферу значения повелительного склонения». [6, с. 458]

В какой-то мере точке зрения В.В. Виноградова близка концепция авторов РГ-80, согласно которой речь идет скорее о регулярно образующихся сочетаниях слов (а не об аналитических словоформах), которые являются императивными только содержательно, а не формально, и поэтому не входят в парадигму императива. В обоснование этого приводятся следующие доводы: «... во-первых, частицы *пусть, да* соединяются и с формами 1 и 2 л. (*Пусть я расскажу! Гоголь; Да правлю я во славе свой народ. Пушкин; Пусть мы будем первыми; Пусть вы пойдете*); во-вторых, эти частицы во многих случаях распространяют свое значение на предложение в целом: *Пусть стол стоит у окна!*». [23, с. 622–623]

Для некоторых ученых (Мучник 1955, 1971, Исаченко 1957, 1960 и др.) формы 3 л. по содержательным и формальным соображениям являются не императивными, а побудительными. Обосновывая эту точку зрения, А.В. Исаченко отмечает: «Вне речевой ситуации прямого обращения императив как повелительная форма существовать не может. Поэтому сочетания типа *Пусть он скажет, Пускай он напишет!* не являются формами императива. Эти предложения имеют побудительное значение, но они не являются ни прямым приказанием, ни прямым запрещением, поскольку в них грамматически участвует третье лицо». [11, с. 8–9]

Более осторожная трактовка представлена в концепции А.В. Бондарко, в соответствии с которой формы 3 л. «примыкают к парадигме повелительного склонения, но не могут считаться ее равноправными членами» (Бондарко, Буланин 1967: 124; ср.: Бондарко 1976: 218), Мотивация такого решения является и формальной и содержательной. Считая эти формы аналитическими конструкциями, побудительное значение которых не является суммой значений составляющих их компонентов, А.В. Бондарко подчеркивает, что это значение не является прямым императивным побуждением. Таким образом, признавая эти формы по значению побудительными, но не императивными, и не включая их поэтому в императивную парадигму, А.В. Бондарко довольно близок точке зрения А.В. Исаченко. [25, с. 114]

Наконец, следует упомянуть о позиции Р.В. Пазухина, который считает, что эти формы ни по содержательным,

ни по формальным соображениям не являются ни императивными, ни побудительными. По его словам, «выражения типа *пусть он придет* недостаточно специализированы для включения их в парадигму императива. Они содержат неимперативные глагольные формы, сохраняющие функции и значения соответствующих неимперативных категорий» (Пазухин 1974: 89). [25, с. 114–115]

Таким образом, формы 3 л. либо включаются в императивную парадигму по семантическим и по формальным основаниям (А.А. Шахматов, А.В. Немешайлова, Е.Н. Зарецкая, ГРЯ-70), либо признаются содержательно императивными, но не включаются в парадигму по формальным основаниям (В.В. Виноградов, РГ-80), либо считаются содержательно побудительными, но не собственно императивными (И.П. Мучник, А.В. Исаченко, отчасти А.В. Бондарко), либо не считаются ни императивными, ни побудительными — ни по содержательным, ни по формальным основаниям (Р.В. Пазухин).

3. Синтетические и аналитические формы 1 л. ед. ч.

Прежде чем переходить к рассмотрению дискуссионного вопроса о смысловом и формальном статусе этих форм, рассмотрим примеры их употребления в текстах.

Формы типа *спою, буду петь* омонимичны формам настоящего и будущего времени изъявительного склонения — если, разумеется, соглашаться с тем, что эти формы вообще могут быть императивными. Сначала приведем примеры, где эти формы имеют, как кажется, императивное значение: [25, с. 115]

А впрочем я злословием притворным | Тогда желал тебя лишь испытать, | Верней узнать твой тайный образ мыслей; | Но вот — народ приветствует царя — | Отсутствие мое заметить могут — | Иду за ним. (Пушкин);

می روم بدنباش.

Сидит он однажды у окошка и видит: идет мимо божий странник. Никогда он допрежь того ни одного странника не накормил, не обогрел, а тут вдруг в голову запало: позову да позову. (Салтыков-Щедрин);

صدایش کنم و صدایش کنم/ بگذار صدایش کنم.

— *Приказали бросить, — сказал он, потом и махнул рукой. — А ну их к матери, не поймешь, чего им надо! Пусти, в кубрик пройду, заморился. (Соболев).*

اجازه بده، می روم/ برم تو اتاق فرمان، خسته شدم.

Далее приведем примеры, где эти формы несомненно имеют значение настоящего и будущего времени: [25, с. 115]

Вошла ты, | резкая, как «нате!», | муча перчатки зами, | сказала: «Знаете — я выхожу замуж». (Маяковский);

می دانید — من دارم شوهر می کنم.

Вы, товарищ Проницательный, все, что я говорю, записывайте, а потом дайте мне. Я приглашу и ссылки вставляю... (Стругацкие).

من درستش می کنم و ماخذ را هم قید خواهم کرد.

Остальные формы 1 л. ед. ч. как будто бы не имеют омонимов в других парадигмах глагольных лексем: [25, с. 115–116]

— *А может, они вовсе не те, за кого себя выдают? <...> Все же поставим точку! Взгляну-ка я на них в упор и пощупаю документы, — предложил Алехин. (Богомолов);*

بگذار آنها را از نزدیک ببینم و مدارک را یک بررسی کنم.

Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и заявил вдруг: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне делают? (Стругацкие);

ول کنم این خاطرات را

(Сальери) Послушай: отобедаем мы вместе | В трактире Золотого Льва. (Моцарт) Пожалуй; Я рад. Но дай, схожу домой, сказать | Жене, чтобы меня она к обеду | Не дожидалась. (Пушкин);

اما بگذار یک سری به خونه بزنم.

— *Три рубля мы удержали, — сказал круглолобий. — А бланк порвите. Нет, дайте я сам порву. (Стругацкие);*

نه، بدید من خودم پاره می کنم/بگذارید من خودم پاره کنم.

— *Дайте-ка я завяжу вам лицо-то, — говорила она. (Горький);*

بگذارید من صورتتان ببندم.

— *Какой крепкий чай налили вы мне, Катерина Михайловна! <...> У меня ночью биение сердца будет от подобного чая!...*

Ах, боже мой!... — вздрагивает болезненно Хомякова. — Вы ведь сами просили меня, чтоб покрепче!... Давайте, я вам пожизне налью. (Сергеев-Ценекий);

بگذارید برای شما کمزنگتر بریزم.

— *У Москвы одних только фронтов — двенадцать, да разве они о нас помнят!? Их за глотку надо брать, за глотку! Давайте я сам позвоню — хоть генералу, хоть в Москву, хоть куда... (Богомолов).*

بگذارید من خودم زنگ بزنم.

Переходя к характеристике форм 1 л. ед. ч., надо прежде всего подчеркнуть, что при описании императива некоторые авторы (Мучник 1955, 1971, Бондарко, Буланин 1967, Бондарко 1976, Зарецкая 1976, РГ-80) вообще оставляют эти формы за пределами описания. Так же по сути дела поступают и те исследователи (Немешайлова 1961), которые специально подчеркивают, что императив в принципе не имеет формы 1 л. ед. ч. [25, с. 116] Именно этой точки зрения придерживается и ГРЯ-70, где ясно сказано, что «по характеру своего значения повелительное наклонение не имеет форм 1-го л».. [9, с. 414] Вместе с тем аналитические формы 1 л. ед. ч. (типа *дай спюю, дай спеть*) считал императивными (и содержательно и формально) еще Ф.И. Буслаев. Императивными содержательно, но не формально, считает синтетические и аналитические формы 1 л. ед. ч. (типа *спюю-ка, дай спюю*) академик В.В. Виноградов. В его концепции постпозитивная частица *-ка* и препозитивная частица *дай/те* транспонируют формы изъявительного наклонения

в сферу повелительного наклонения. В частности, он отмечал, что форма 1 л. ед. ч. СВ в сочетании с частицей *дай/те* и форма 1 л. мн. ч. в сочетании с частицей *давай/те* «выражает побуждение, приглашение, совет сделать что-нибудь, например, *давай поможем, дай посмотрю, давайте сходим, дайте устрой* и т. п».. [6, с. 488]

Особо следует остановиться на концепции Р.О. Якобсона (Якобсон 1972), различающей повелительное и побудительное наклонения. Если повелительное наклонение выражает требование совершить действие, то побудительное наклонение «добавляет к этому требованию известный элемент увещевания». «Например, в побудительном наклонении глагол совершенного вида *написать* и соответствующий глагол несовершенного вида *писать* имеют следующую парадигму:

— для отправителя: *напишу-ка, буду-ка писать; для адресата: напиши-ка, пиши-ка; для адресатов: напишите-ка, пишите-ка; для отправителя и адресата: напишем-ка, будем-ка писать (или более мягкое дай-ка писать);*

— для отправителя и адресатов: *напишемте-ка, будемте-ка писать* (более мягкая форма *давайте-ка писать*)». [25, с. 117]

У глагола в повелительном наклонении та же парадигма, но без частицы *-ка* и без формы для отправителя, т.е. формы 1 л. ед. ч. Следовательно, с точки зрения Р.О. Якобсона в императиве нет формы 1 л. ед. ч., а формы типа *напишу-ка, буду-ка писать* являются формами 1 л. ед. ч. особого побудительного наклонения. [25, с. 118]

Своеобразную трансформацию концепция Р.О. Якобсона получила в подходе А.В. Исаченко. По его мнению, все императивные формы с частицей *-ка*, кроме формы 1 л. ед. ч. презенса СВ, «являются не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей» [11, с. 491], поэтому нет оснований выделять побудительное наклонение, правильное выделять только специализированную «побудительную форму» 1 л. ед. ч. типа *посмотрю-ка*. При этом он подчеркнул, что «побудительная форма 1 лица ед. ч. может быть выражена также аналитическими средствами: сочетанием слова *дай* с формой презенса (но без местоименного показателя)» [11, с. 491], т.е. аналитической формой типа *дай зайду*, которая к тому же может быть заменена формой типа *дай-ка зайду*. По мнению А. В. Исаченко, «сочетание типа *дай зайду* по форме и по значению приближается к собственному императиву, т.к. форма *дай* выражает здесь обращение, столь характерное для «императивной ситуации». В данном случае говорящий является и автором призыва (А) и адресатом этого призыва (В)». [11, с. 491] Таким образом, формы 1 л. типа *посмотрю-ка, дай посмотрю, дай-ка посмотрю* исключаются из императивной парадигмы и рассматриваются как разновидности особой побудительной формы, хотя при этом подчеркивается, что «с точки зрения общего значения очень трудно отграничить собственный императив

от «побудительной формы», поскольку императив способен выражать целую гамму самых разнообразных оттенков побуждения». [11, с. 10]

Насколько нам известно, единственным ученым, который относил к числу императивных форм 1 л. ед. ч. и синтетическую форму типа *спою*, был Н.С. Трубецкой. Анализируя систематику форм русского глагола, предложенную Р.О. Якобсоном, Н.С. Трубецкой в одном из писем к Р.О. Якобсону подчеркивает: «... существует ведь и настоящая форма повел, накл. 1 л. ед. ч. Вы неправы, утверждая, что такие формы существуют только в сочетании с *-ка*; не говоря уже об оборотах с «*давай*» (*давай пойду!*), укажу на такие фразы, как «*ну что ж, выпью!*» или «*мне здесь делать нечего, пойду домой!*»; попробуйте перевести эти фразы на второе лицо и Вы получите «*ну что ж, выпей!*» и «*тебе здесь делать нечего, пойди домой!*», — явно свидетельствующие о том, что «*выпью*» и «*пойду*» в данном случае — повелительное наклонение». [25, с. 118]

Итак, относительно возможности включения в императивную парадигму форм 1 л. ед. ч. существуют следующие мнения: 1) формы 1 л. ед. ч. не входят в императивную парадигму (Мучник 1955, 1971, Немешайлова 1961, Бондарко 1976, ГРЯ—70, Зарецкая 1976, РГ—80); 2) аналитические формы типа *спою-ка, дай (ка) спою* и с содержательной и с формальной точки зрения входят не в императивную, а в побудительную парадигму (Р.О. Якобсон); 3) аналитические формы 1 л. являются побудительными, хотя и по форме и по значению приближаются к императивным (А.В. Исаченко); 4) формы 1 л. с частицей *-ка* и с частицей *дай/те* являются императивными только содержательно и поэтому в императивную парадигму не входят (В.В. Виноградов); 5) все аналитические формы 1 л. являются императивными (Ф.И. Буслаев); 6) формы 1 л., в том числе и синтетические, входят в императивную парадигму (Н.С. Трубецкой).

Заключение

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод, что в соответствии с существующими в русистике концепциями различаются следующие разновидности императивных парадигм:

1) «узкая императивная парадигма», включающая только формы 2 л. ед. и мн. ч. (Н.П. Некрасов, И.П. Мучник, М.П. Муравицкая, отчасти А.В. Исаченко и А.В. Бондарко);

2) парадигма, включающая формы 2 л. и формы совместного действия (формы 1 л. мн. ч.) (К.С. Аксаков, И.И. Давыдов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, РГ—80, отчасти А.В. Исаченко);

3) парадигма, включающая формы 2 л., формы совместного действия и формы 3 л. (А.А. Шахматов, А.В. Немешайлова, Е.Н. Зарецкая, ГРЯ-70);

4) парадигма, включающая формы 2 л., формы совместного действия, формы 3 л. и формы 1 л. ед. ч. (А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, Н.С. Трубецкой),

А также легко заметить, что каждая из четырех перечисленных парадигм включает в себя все предыдущие, — нет таких парадигм, которые различались бы не количеством форм, а имели бы равное количество качественно различных форм. Очевидно, что основным моментом, влияющим на выбор концепции и построение императивной парадигмы, является более узкое или более широкое понимание императивного значения и /или императивной формы. Существенно подчеркнуть при этом, что содержательно «самыми императивными» являются формы, которые обозначают, что слушающий одновременно является исполнителем действия, относительно которого выражает волеизъявление говорящий (формы 2 л.); «менее императивными» являются формы, которые обозначают, что исполнителем действия является не только слушающий, но и говорящий (формы совместного действия); «еще менее императивными» являются формы, которые обозначают, что и говорящий, и слушающий, и исполнитель являются разными лицами (формы 3 л.); наконец, «наименее императивными» являются формы, которые обозначают, что исполнителем является сам говорящий (формы 1 л. ед. ч.). Впрочем, некоторые авторы усматривают иное соотношение между формами 3 л. и 1 л. ед. ч. По мнению Р.О. Якобсона и А.В. Исаченко, формы 1 л. ед. ч. содержательно и формально весьма близки к императивным, тогда как формы 3 л. являются не императивными, а побудительными. Формы 3 л. не считает императивными и Р.В. Пазухин. Интересно, что «ослабление» или «затухание» содержательной императивности сопровождается заменой синтетических форм аналитическими, хотя полной корреляции между этими двумя явлениями нет.

Что касается парадигмы императива персидского языка, то на основании перевода приведённых примеров, практически всё вышеупомянутое можно сказать и о ней, учитывая, конечно, что наше сопоставление исходило из опыта исчисления парадигмы русского императива. А также можно сделать следующие выводы, что:

1) синтетические и аналитические формы «совместного действия» или формы 1 л. мн. ч. типа *споем/ споемте, давай/те споем/те (СВ); давай/те петь, будем/те петь, давай/те будем/те петь (НСВ)*; в персидском языке можно выразить формой аориста 1 л. мн. ч.: *بیایید بخوانیم, بخوانیم*

2) аналитические формы 3 л. ед. и мн. числа типа *пусть / пускай он/а споет, пусть / пускай они споют (СВ); пусть / пускай он/а поет, пусть / пускай они поют (НСВ)*; в персидском языке можно выразить формами аориста 3 л. ед. и мн. числа: *بگذار ابدانند, بخواند/بخوانند, بگو اگو یید بخواند*

3) синтетические и аналитические формы 1 л. ед. ч. типа *спою/-ка, дай/те/-ка спою, давай/те/-ка спою; буду/-ка петь, давай/те/-ка буду петь (НСВ)*; в персидском языке можно выразить формой аориста 1 л. ед. ч.: *بخوانم, بگذار بخوانم/ بگذارید بخوانم, بیایید بخوانم*

Литература:

1. Абулгасеми, М. Историческая грамматика персидского языка. — 1-е изд. Тегеран, Самт, 1998.
2. Ахмади Гиви А., Анвари Х. Грамматика фарси 1 ред. 2, Тегеран, Энтешарате Фатеми, 1995.
3. Батэни, М. Р. Описание структуры грамматики персидского языка. — Тегеран, Амир-Кабир, 1997.
4. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 254 с.
5. Вахидиан Камиар Т. Грамматика персидского языка (1). — Тегеран, Самт, 2004.
6. Виноградов, В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1938, вып. 2. 591 с.
7. Виноградов, В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. 784 с.
8. Грамматика русского языка. М., 1960, т. 1. 719 с.
9. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.
10. Зарецкая, Е. И. Формы повелительного наклонения в русском языке. — Филол. науки, 1976, № 3, с. 47–55.
11. Исаченко, А. В. К вопросу об императиве в русском языке. — Рус. яз. в шк. М., 1957, № 6, с. 7–14.
12. Крашенинникова, Е. А. Побудительная модальность в немецком языке. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1953, т. 12, вып. 5, с. 457–469.
13. Ломов, А. М. О способах выражения волеизъявления в русском языке. — Русский язык в школе, 1977, № 2, с. 90–93.
14. Махутян, Ш. Грамматика персидского языка с точки зрения типологии. — пер. Мехди Самаи, изд 1-е, Тегеран, Нашр Марказ, 1999.
15. Муравицкая, М. П. Полисемия императива. — В кн.: Математическая лингвистика. Киев, 1973, вып. 1, с. 50–60.
16. Мучник, И. П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке. — Учен. зап. Мошк. обл. пединститута, 1955, т. 32, выл. 5, с. 13–35.
17. Мучник, П. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. 298 с.
18. Нател-Ханлари, П. Грамматика персидского языка. — Тегеран: издательство «Тус», 2005.
19. Некрасов, Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. 313 с.
20. Пазухин, Р. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма. — *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan 1974, N 6, p. 85–95.
21. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика. — Изв. АН СССР, Отд. по рус. яз. и словесн. Л., 1928, т. 1, с. 458–476.
22. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М.: Восточная литература РАН, 2001.
23. Русская грамматика, В 2-х т. М., 1980.
24. Фаршидвард, Х., Подробная современная грамматика на основе современного языкознания, — Тегеран, СОХАН, 2003.
25. Храковский, В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. — М. УРСС, 2001.
26. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с.

Teaching cultural differences and developing cultural awareness

Эргашева Мафтуна Бахтиёровна, студент;

Холикова Хуснора Рузикуловна, старший преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Ergasheva Maftuna Bakhtiyarovna, student;
Khaliqova Khusnora Ruzikulovna, senior teacher
Karshi State University (Uzbekistan)

Every cultural form bears meanings, values, attitudes, and connotations which have to be communicated. It depends on the knowledge and understanding of the meanings of these expressions if and how far one is able to understand and possibly participate in this process of sharing meaning between and within two or more cultures.

Ideally one should know the complete set of communication means, communication structures and processes, i.e. the ethnocommunication of the different cultural groups in order to be able to encode and decode the messages in such a way that they are understood, the way they are supposed to be understood. This, however, is a dynamic process in the

way any living culture is a dynamic happening and the dynamics of culture are to quite an extent the dynamics of the communication processes within these cultures.

The way people shake hands and how often they do this is different in Western cultures. Greetings in Japan where people bow to each other are quite different from those in Latin America where the *abrazo*, the close embrace, is the common approach. If I do not know the tabu-sign in Paoua New Guinea tribes I can not understand and interpret them in such a way that they become meaningful and enable me to participate in a communication with such culture.

We live in a world that is shrinking, getting smaller day by day. Our own personal contacts with other cultures and people from other countries are many times greater than it was for people living even 20 years ago in this country. So what is culture? Is it possible to understand a different culture? What should we teach? How does the culture affect the process of doing business, management and cross cultural communication? What is the role of verbal and non-verbal means of communication? What is intercultural and cross cultural communication? These are the questions we are supposed to give the answer when teaching foreign language.

In our understanding culture is the way in which people solve problems and reconcile dilemmas. Culture comes in layers, like an onion. To understand it you have to unpeel layer by layer. On the outer layer are the products of culture, like the soaring skyscrapers, pillars of private power, with congested public streets between them. These are expressions of deeper values and norms in a society that are not directly visible. The layers of values and norms are deeper within the "onion" and are more difficult to identify.

Language is the most technical of message systems of a culture, but there are also other means like time, space, gestures etc. Because any cultural communication takes place in a definite environment this contextual environment must always be considered: "things only have meanings in their relation to other things" [1]. If all this refers to communication within one culture and leads to intra-cultural communication, the more it holds for inter-cultural communication. Much intercultural communication can in a very simple way be defined as "Interuaction between members of different cultures" [1]. Howell distinguishes Inter-cultural as more interpersonal communication whereas cross-cultural is more considered as a collective communication between cultural spokesmen of different groups. Cross-cultural communication is confined to mass media while person-to-person communication is desirably intercultural.

Comparing intercultural with international communications it should be clear that intercultural communication is concerned with the communication between cultures which are not necessarily nations. Quite often "cultures cut through national boundaries, where in larger countries like the United States there are different cultures within one nation. This a key to understanding cultures which are regarded as "a melting pot" or "a salad bowl".

With any communication process there are different variables which partly overlap but which can also be singled out for the sake of analysis. Such variables include the following: 1. Attitudes, 2. social organization, 3. patterns of thought, 4. roles and role prescriptions, 5. Language, 6. use and organization of space, 7. time conceptualization, 8. non-verbal expressions.

The number of participants in a communication happening also influences the process and its outcome: a bigger number of participants increases the number of potential outcomes but also needs more time and energy for consensus. A bigger number of participants also decreases the number of possibilities for direct communication contact and might increase the number of "passiv" participants. The more direct the contact between the communication participants, the more direct will be the feedback and (the efficiency of communication. The relationship between the communication participants themselves also plays a role. If the relationship is perceived as friendly, cooperative and symmetrical, the intent will be sharing, whereas if the relationship is considered hostile, competitive and dominating the outcome will be more difficult. These factors which are the subject of pragmalinguistics and sociolinguistics should also be the focus of attention in teaching communicative behavior.

Communicative competence is supposed to be a cultural competence. A theory of communicative competence provides the means for the construction of the ideal speech situation which should be characterized by the absence of any barriers which would be the case of "if for all possible participants there is a symmetric distribution of chances to choose and to apply speech acts" [2]. The concept of communicative competence is one of the most powerful organizing tools to emerge in the social sciences in recent years. This not only refers to means, content etc, but also to interrelation such as taking turns in a discussion. Therefore the concept of communicative competence must be embedded in the notion of cultural competence. This not only holds for linguistic behaviour but communicative behaviour as such.

All aspects of culture are relevant to communication, but those with the most direct bearing on communicative forms and processes are the social structure, the values and attitudes held about language and ways of speaking, the network of conceptual categories which results from shared experiences, and the ways knowledge and skill, including language, are transmitted from one generation to the next and to new members of the group. "Linguistic fluency" is obviously not sufficient. Intercultural communication needs "cultural fluency" and for this we must analyze a culture with a high degree of accuracy, decide what is universal and what is culture-bound, contrast it with our own, and decide also which kind of observation process we wish to go through, which type of communication we seek. Poyatos also from his own experience as a Spaniard in a Canadian environment develops the concept of a "fluency quotient".

A person with a high fluency quotient is somebody who culturally is more aware, somebody who "can easily modify

his personal standard repertoires to include behaviour forms that are characteristic of other persons and groups". Culture presents itself on different levels. At the highest level is the culture of a national or regional society, the French or West European versus the Singaporean or Asian. The way in which attitudes are expressed within a specific organisation is described as a corporate or organisational culture. Finally we can talk about the culture of particular functions within organisations: marketing, research and development, personnel. In our English language classes we focus on all these levels and their differences in culture.

Why is that many management processes lose effectiveness when cultural borders are crossed? Culture is like gravity: you do not experience it until you jump six feet into the air. It is possible to examine the visible and invisible ways in which culture impacts on organisational culture and the culture of particular functions within organizations.

Cultural differences with respect to time, for example, greatly influence corporate activities. The European concept of time as being past, present, future is not universal. Time is conceived as "as an endless stream of time units". Westerners allocate a pro rata value of time. One piece of time is worth the same as another piece of time. Time is chopped like a sausage and sold by the hectogram because time is money. Westerners buy and sell time but have lost the sense of time as a social value in the realm of human experience. We also distinguish clock time and event time. For the relation of time and business we give five different dimensions: appointment

time, discussion time, acquaintance time, visiting time, time schedules. Thus appointment time in Latin American means usually 45 minutes, which would correspond to five minutes in Western cultures. In Latin America appointments with several people at the same time rather than individual appointments are common. Discussions and businesses are social events. Acquaintance time with a salesman in the West is a question of a few minutes.

In Central America one must see the salesman at least three times before one can discuss-the nature of the business. Visiting time is quite different in India and the USA. In the States "come and see me any time" is a general sentence without any serious expectation or obligation unless time is clearly fixed. In India such an invitation is taken in the literal sense and it is left to the visitor to determine his time. Timetables, schedules and deadlines are usual in Europe and Western countries, while in Arab countries, for example, the mere mention of time seems to be uncommon. The way time is handled in different cultures can also be deeply symbolic. Time is not only money but also a symbol of status and responsibility. Cultures also have a certain time orientation. In certain cultures like American, Swedish and Dutch time is perceived as passing in a straight line, a sequence of events. Other cultures think of time more as moving in a circle, the past and present together with future possibilities. This makes considerable differences to planning, strategy, investment and should be the subject of analysing and teaching cultural differences in the English classroom.

References:

1. Maletzke G. Intercultural and International Communication. In: Fischer, H.D. International and Intercultural Communication, 2-nd edition, New York, 1999.
2. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication. An Introduction. Oxford, 1982.

Изучение иностранного языка: проблемы и перспективы

Эргашева Мафтуна Бахтиёровна, студент;
Холикова Хуснора Рузикуловна, старший преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Годы независимости стали для Узбекистана с одной стороны годами преобразований во всех сферах жизнедеятельности как государства, так и всего общества, годами полномасштабных социальных, политических и экономических реформ, и, с другой стороны, годами поисков новых судьбоносных решений по всем направлениям социальной жизни общества, решений неожиданных, и решений в сложных ситуациях, годами неординарных подходов к различным проблемам. Одним из таких решающих перспективу развития национальной государственности и общественного строительства вопросов был вопрос о системе образования. 10 декабря 2012 года было при-

нято Постановление Президента Республики Узбекистан мерах по дальнейшему совершенствованию системы обучения иностранных языков», в котором речь в основном шла о статусе английского языка [1, 1].

Постановление главы государства — документ огромного значения, позволивший за минувший период предпринять основательные меры, но совершенствованию системы обучения подрастающего поколения иностранным языкам, подготовки специалистов, свободно владеющих ими, путем внедрения передовых методов преподавания с использованием современных педагогических и информационно-коммуникационных технологий. И в даль-

нейшем на этой основе создания условий и возможностей для широкого доступа нашей молодежи к достижениям мировой цивилизации и мировым информационным ресурсам, развития международного сотрудничества и общения.

Модернизация образования — это его обновление, обусловленное изменившимися требованиями современного общества к образованию подрастающего поколения, новыми общеобразовательными запросами самих обучающихся, с которыми в соответствии с личностно ориентированной парадигмой образования и воспитания нельзя не считаться.

На современном этапе исторического развития нашей страны возникли предпосылки, такие как процессы глобализации, экономические перемены внутри страны, использование новых средств коммуникации, в том числе информационных технологий, которые способствовали кардинальному изменению системы обучения иностранным языкам в отечественной общеобразовательной школе и вузе.

Предмет «иностраный язык» наконец занял подобающее место среди предметов, обеспечивающих образование и воспитание граждан нового Узбекистана. Обучение иностранным языкам рассматривается сегодня как одно из приоритетных направлений модернизации школьного и вузовского образования. Возрастает значимость владения иностранным языком, умений практически пользоваться им. Все это может быть достигнуто лишь при личностно ориентированном подходе как основной стратегии образования и воспитания [2, 2].

Модернизация отечественного образования, и иноязычного образования в частности, предполагает появление нового поколения преподавателей, высококвалифицированных специалистов, свободно владеющих одним или несколькими иностранными языками, творческих педагогов-исследователей, восприимчивых ко всему новому, готовых к инновационной деятельности.

Основной целью обучения иностранному языку является формирование у студентов коммуникативной компе-

тенции. Поэтому коммуникативно-обучающая функция педагогической деятельности преподавателя иностранного языка является ведущей и определяющей содержание всех других функций. Для того, чтобы успешно реализовать эту функцию, преподавателю необходимо создать ситуацию языкового погружения в среду с использованием аудио — и видеосредств, наглядных материалов, но при этом важнейшую роль играет иноязычная роль преподавателя на уроке.

Она является источником английского языка для обучающихся, способствует развитию у них речевых навыков [2, 3]. Речь преподавателя должна нести в себе образцы речевых высказываний, связанных как с тематикой изучаемого материала, так и ситуациями классного обихода. Наиболее благоприятным вариантом освоения иностранного языка является обучение в естественном языковом окружении. Учебный процесс, как правило, должен происходить без постоянных непосредственных контактов с носителями языка. Поэтому эффективность обучения иностранному языку определяется степенью приближения учебного процесса к условиям управляемого овладения языком в естественной среде.

За последние годы в Узбекистане проделана внушительная работа по развитию изучения мировых языков и, прежде всего, английского.

Символично, что осваивать их юные сограждане — будущее страны — теперь начинают с первого класса, следовательно, они смогут еще раньше открыть для себя мир, легче находить общий язык со сверстниками и коллегами из любого его уголка и использовать все это во имя созидания, более быстрого покорения новых вершин. Ведь не зря говорят: «Знать много языков — значит иметь много ключей к одному замку». Это напрямую перекликается с задачами совершенствования начальной образования, обозначенными Президентом Исламом Каримовым в качестве одного из ключевых направлений наступившего Года здоровой ребенка. И можно не сомневаться в том, что Государственная программа — 2014 придаст этому процессу дополнительное ускорение.

Литература:

1. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы обучения иностранных языков» // Народное слово. — Ташкент, 2012. — 11 декабря. — На 240 (5630).
2. Колкер Я.М., Устинова Е. С. Как достигается сотрудничество преподавателя и обучаемого // Иностранные языки в школе. 2012. — № 11. — с. 65.
3. Палат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии. — М., 2013. — 203 с.

Литературный анализ художественного произведения как один из способов развития мыслительной способности студентов

Юсупова Феруза Мухамедовна, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Задача и цель литературного образования — приобщение студентов к лучшим образцам родной и мировой литературы, формирование духовной и эстетической культуры студентов, развитие их творческих способностей. Благодаря литературному анализу, они начинают воспринимать художественное произведение как искусство слова, как воспроизведение действительности, как образное выражение мира. Через осознанное чтение художественного произведения они получают духовное удовлетворение. Через литературные знания происходит понимание поэтики произведения, подготавливает студентов эстетическому восприятию прекрасного, достигает формирование нравственно-эстетического мировоззрения студентов, интуитивное понимание художественного осмысления авторской идеи.

Художественное произведение представляет собой сложное многообразное единство взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих друг с другом компонентов, которые составляют художественную целостность произведения.

Проблема научного анализа художественного произведения — одна из самых сложных теоретических проблем литературоведческой науки. Методы анализа художественного произведения на практических занятиях были разработаны многими учёными — литературоведами и методистами. В русской литературоведческой науке наблюдаются в основном следующие типы анализа: целостный анализ, структурный анализ, имманентный анализ и проблемный анализ.

Методике анализа художественного произведения на филологических факультетах вузов студенты приобщаются с 1-го курса. Дисциплины «Практикум по русской литературе и выразительное чтение», «Введение в литературоведение» знакомят студентов — словесников теоретическими вопросами литературоведения. В отличие от лицейской программы изучение истории литературы и литературоведческих понятий этот курс обучает студентов многоплановому анализу художественного произведения. Однако, обладая теоретическими знаниями литературного анализа, студенты затрудняются при этом глубже вникнуть в художественную ткань произведения — анализируя поэтический синтаксис, они должны определить стиль автора, лексические богатства языка, сюжет и композиции произведения, образную систему, портретную характеристику героя, речь персонажей, функции пейзажа, жанровую природу произведения, особенности формирования художественного метода автора и т.д.

Поэтому во избежание ошибок при литературном анализе художественного произведения наряду с истори-

ко-литературным понятием необходим системно-функциональный подход. Для этого следует элементарное определение художественного целого, как сложного единства составных частей с учётом индивидуальных особенностей каждого произведения, так и стиля каждого автора. Осуществляя анализ художественного произведения, студенты при помощи полученных знаний и навыков теоретического материала могут раскрыть индивидуальные особенности стиля автора.

Современное состояние методики анализа художественного произведения требует более чуткого подхода к данной проблеме. Так как, многие студенты иногда ограничиваются лишь пересказом содержания и перечислением образов произведения. Преподавание курса «Введение в литературоведение» помогает им усвоить теоретические и практические навыки понимания и анализа художественного произведения. Благодаря полученным знаниям на лекционных занятиях, они могут самостоятельно работать над текстом, так как самостоятельное чтение и анализ художественного произведения развивает в них творческую мыслительную способность, влияет на формирование аналитических литературоведческих способностей, которое необходимо им в последующих этапах обучения в вузе.

При анализе художественной темы произведения следует исходить, как и из идейности, так и структуры его в целом, которые можно раскрыть, применяя синтезированные стили контекстуального и имманентного анализа, способами которых и мы пользуемся при интерпретации текста произведения.

Способы анализа художественного произведения, которые применялись в основном в литературоведческой науке и школьной практике — целостный, анализ системы образов и проблем, разработанный В. Г. Маранцманом в 70–80-х годах XX столетия использованы многими учёными исследователями, критиками, а так же методистами — словесниками. При каждом виде использованы анализ, и синтез части произведения. Следует отметить, что при использовании, какого-либо одного вида анализа интерпретатор не получает желанного результата. Это было указано Э. А. Войтовской и Э. М. Румянцевой. Развивая мнение Маранцмана, они пришли к выводу, что целостный анализ может затруднять выход к общей концепции произведения. Анализ по образам, не правильно примененный, уводит от целостной стороны произведения, проблемный анализ может привести к «отрыву» от произведения, уходу от непосредственного эстетического переживания текста в область отвлеченных идей они предпочитают для изучения произведения на практических занятиях в вузе проблемный анализ:

«Важно сформулировать вопрос так, чтобы полный ответ на него получался непременно в результате исследования художественной структуры произведения в тесном единстве с его содержанием. Проблемный анализ, активизируя участников занятий, помогает ставить и решать серьёзные вопросы творческого сознания писателя, развитие литературы определённого времени»

Одним из новейших теоретических трудов является книга Есина А. В. «Принципы и приёмы анализа литературного произведения».

Не умаляя каждого компонента в литературном произведении, литературовед раскрыл суть философского осмысления конкретных задач, поставленных в нём, постарался объяснить особенности эстетического воздействия произведения, эстетику автора как основополагающие темы раскрытия понятий.

Именно вопрос об уточнении эстетику автора является сложным для студентов и поэтому при изучении курса «Введение в литературоведение» основы методологического характера совмещаются с изучением истории литературы.

Для определения художественной специфики отдельно взятого произведения необходимо также анализировать его в сравнительном контексте.

В «Словаре литературоведческих терминов» композиция выделяется как построение художественного про-

изведения, определённая система средств раскрытия, организации образов, их связей и отношений, характеризующих жизненный процесс, показанный в произведении.

Логическая последовательность расположения компонентов сюжета — экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки — относится к композиции произведения. Как видим анализ сюжета вне композиции, а композиция без раскрытия сюжета невысказана. Они связаны друг с другом, и в произведении воплощаются гармонично.

При изучении литературоведческих понятий студентам необходима разноплановая педагогическая поддержка в поиске и овладении ими приёмами и способами эффективной работы над художественным текстом.

Самостоятельно—учебно-познавательная деятельность включает смысловую, целевую и исполнительский компонент. Овладевая всё более сложными интеллектуальными действиями, студент приходит к смысловой ориентировке, позволяющей ему отрабатывать собственные подходы к анализу художественного произведения.

Целевые и исполнительные компоненты включают в себя постановку цели, определение задач, планирование действий, выбора способов и средств их выполнения, самоанализ и самоконтроль результатов, которые содействуют развитию творческой мыслительной способности студентов.

Литература:

1. Введение в литературоведение (Под. ред. Поспелова Т. Н.) 3 изд. — М., 1988.
2. Введение в литературоведение. Хрестоматия. (Под. Ред. Николаева П. А.) 3 изд. Испр и доп. — М., 1997.
3. Войтовская, Э. Л., Румянцева Э. М. Практические занятия по русской литературе XIX века. — М., «Просвещение», 1975.
4. Есин, А. В. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. — М., 1998.
5. Литературное произведение: основные понятия и термины. (Под. ред. Чернец Л. В.) — М., 2000.
6. Маранцман, В. Г. Проблемное изучение литературного произведения и другие пути школьного разбора. // «Литературе в школе», 1972, № 3.

ФИЛОСОФИЯ

Коллизии становления украинской культуры на рубеже XIX – XX вв.

Абдрахманова Мира Жуматовна, аспирант

Национальный университет биоресурсов и природоиспользования Украины (г. Киев)

В статье рассматривается процесс становления украинской культуры на рубеже XIX – XX в., а также проблема ее формирования как национальной.

Ключевые слова: *нация, национальная культура, этническая культура, элита, национальная литература.*

Актуальность темы обусловлена возрождением духовности нации и национальной культуры, без которых невозможно возрождение Украины как суверенного независимого государства. Чем богаче духовное творчество нации, тем менее существует опасность деформаций, различий между теоретической моделью желанного и действительного. В то же время, процесс консолидации национального сообщества не возможен без возрождения нравственно-ценностных ориентаций, исторического наследия народа, традиций, составляющих основу его духовности, закладывающих фундамент национальной культуры. Поднимая позитивный имидж в мире, с помощью национальной культуры Украина способна заявить о себе на международной арене, к тому же в культурном плане она во многом еще остается нераскрытой. Нужно подчеркнуть, что в истории украинской культуры период кон. XIX — нач. XX в. занимает особенное место — время бурного пробуждения самосознания нации, возрождения национальной культуры, а также формирования украинской словесности нового типа.

Выбранная тема исследования требует анализа теоретико-методологических наработок мировой философской мысли: Э. Геллнера, О. Шпенглера, Э. Смитта и др. Среди отечественной философской литературы заслуживает внимания научное наследие Т. Зинькивского, И. Франка, В. Лыпынского, Д. Донцова, М. Кагана и др. Вместе с тем, данная проблематика затрагивает работы украинских ученых-исследователей: И. Лысяка-Рудницкого, О. Субтельного, Я. Грицака, Б. Кравченка, в которых детально рассматривается период, охватывающий четверть века накануне первой мировой войны. Среди современных ученых проблеме становления украинской культуры значительное внимание посвятили: В. Лисовый, М. Русин, С. Сторожук и др.

В соответствии с этим, целью исследования есть определение особенностей развития и специфики формирования украинской культуры на рубеже XIX — XX в., раскрытие предпосылок ее развития.

Время, охватывающее четверть века накануне первой мировой войны (кон. XIX — нач. XX в.) в украинской историографии принято называть «модернистическим». Оно стало важным этапом формирования украинской нации и государственности, так как связано с изменениями, произошедшими в сознании украинского народа. Несмотря на то, что государства так и не удалось закрепить, украинцы, как утверждает И. Лысяк-Рудницкий, сформировались совершенно сознательной нацией: «Эпоха накануне первой мировой войны, наверное, самая счастливая в новейшей украинской истории. Это было время непрерывного и всестороннего украинского подъема... Если истребление козацкой государственности и русификация козацкой аристократии вывели Украину из числа наций и снизили ее к уровню политически аморфной массы, то теперь из этой массы начинает подниматься новая украинская нация... Модерная украинская нация родилась во время революции» [1, с. 189–190].

Основополагающим консолидирующим фактором эффективной политики какого-либо государства есть нация, которая не только гомогенизирует и сплачивает политические объединения в целостное государство, но и определяет специфику, а также тенденции развития ее внутренней и внешней политики. В то же время, каждая нация стремится к формированию собственной национальной культуры. Становление нации и национальной культуры происходит одновременно: «Объединение индивидов в нации совершается с помощью особенной культуры, которая превозносится над культурной разнообразностью, — эта культура получила название «национальной культуры» [2, с. 44]. Нужно заметить, на

рубеже XIX — XX в. украинская нация не была сформирована. Соответственно — незрелость украинского политического сознания, потеря независимости и государства, а также неудачная попытка закрепиться как нация помешали процессу становления единого пространства национальной культуры.

Одним из самых стойких элементов в структуре национальной культуры есть этническая культура, в архетипах и стереотипах которой закодированы особенности мироощущения и миропонимания нации. Этническая культура — это культура, первоисточником которой есть коллективное творчество этнического сообщества, заключающее: способ жизни, мировоззрение, язык, народное искусство. В отличие от этнического среза культуры, фиксирующего исторический переход от докультурного, биологического существования человека к его социокультурному бытию, специфика национального состоит в том, что нация рассматривается прежде всего как духовная, а не биоэнергетическая сущность: «Нация не есть биологическим явлением... Нация есть разновидностью духовной соборности людей: эта соборность обеспечивается... той моральной и эстетической силой, которую заключает в себе национальная культура» [3, с. 9].

Принимая во внимание принадлежность украинской этнической культуры к аграрному типу общества (произрастание из земледельческой культуры), нужно учитывать специфику мироощущения украинского народа, его мораль: «Земледельчество есть своеобразным символом украинской культуры. Весь уклад жизнедеятельности украинца — работа. Обычай, отдых, ментальные ориентации — все детерминированно природными циклами и сельскохозяйственным календарем» [4, с. 138]. В свою очередь, традиционный уклад земледельческой культуры дал возможность украинцам противостоять наступлению технократической цивилизации и сохранить собственную культуру не вследствие процессов модернизации, а вопреки им.

С другой стороны, аграрному типу общества, слабо подвергающемуся процессам модернизации и нововведениям, сложно выстроить единую стандартизированную культуру. Она, как утверждает Э. Геллнер, свойственна индустриальному типу общества с более развитой системой норм и стандартов, универсализацией образования, нивелирующей региональные и культурные отличия: «Это должна быть культура особенного рода — «высокая» культура..., подчиненная сложной системе норм и стандартов. Ее распространение требует неординарных усилий в сфере образования, и действительно, в этом обществе последовательно и практически полностью реализован идеал универсального образования» [5]. Нужно заметить, к концу XIX в. основная масса украинского населения оставалась неграмотной, более того, не могла идентифицировать себя по национальному признаку. Таким образом, ни о какой стандартизированной культуре не могло быть и речи: «Национальное сознание украинцев, — отмечает Я. Грицак, — существовало на примитивнейшем уровне: они знали, кем они не есть —

католиками, русскими и т. д... Всё же не знали, кем они есть» [6, с. 12].

Выделение элементов этнокультуры и возведение их к уровню общезначимости совершает культурная элита. Именно на ней лежит ответственность за историческую судьбу нации. Возрождение нации (национальной культуры), по убеждению В. Лыпынского, равноценно возрождению национальной элиты, которая формирует, организует и управляет нацией, создавая высшие ее ценности: «То, что такая, или такие группы людей в каждой нации существуют, это мы увидим, когда посмотрим на жизнь наций. В каждой из них есть большая или меньшая... группа людей, которая руководит нацией, стоит на челе ее политических организационных установ, творит определенные культурные, моральные и цивилизационные ценности, которые потом присваивает себе целая нация, и которыми эта нация живет и держится» [7, с. 130]. Будучи изолированной от государства «сверху» и крестьянства «снизу», деятельность украинской элиты на рубеже XIX — XX в. была обусловлена постоянной борьбой за место в обществе. Поэтому, чувствуя политическое бессилие, она стремилась положить конец социальной несправедливости и имперской политике, которая пыталась истребить украинцев как народ, объединив их в единую «русскую нацию».

Становление национальной культуры в дифференцированном современном обществе предусматривает формирование высшего уровня культурной жизни, когда профессиональная и народная культуры гармонически объединены. Формирование единого культурного пространства зависит от способности элиты приблизить свой народ к общему культурному наследию. В свою очередь, если элите не удастся восстановить связь со своей этнокультурной почвой, она не сможет объединить разнородные культурные образования, придав им статус общезначимости: «Самая большая трудность, которая стоит перед культурной элитой, состоит как раз в том, чтобы все те сообщества, для объединения которых предназначена новая культурная целостность, «узнали» свою собственную духовную основу в этой целостности» [2, с. 44]. Необходимо подчеркнуть, самым важным достижением современной эпохи в Украине кон. XIX — нач. XX в. было устранение штучной стены, длительное время существовавшей между элитой и народом. Следовательно — элите удастся поднять уровень национального сознания народа и разбудить широкие слои населения в борьбе за национальные права.

Дальнейшее развитие украинской культуры указанного периода связано с развитием литературы. Неполнота литературы отражает неполноту нации. Поэтому, основная задача, возникнувшая перед украинской интеллигенцией, состояла в том, чтобы «вывести украинский язык из литературного запустения», ибо в то же время «... литература есть единственный показатель роста, силы и чутья интеллигенции» [8, с. 77]. Итак, борьба шла за литературный язык, которая должна была начаться из возведения простонародного, «мужичьего» языка до уровня литературного: «Укра-

инский язык постоянно был ограничен ролью сельского диалекта. Считалось, что возведение этого наречия к уровню языка литературы и науки становится опасностью российскому единству» [9, с. 473]. Одновременно меняется характер литературы. Будучи способной удовлетворить разнообразные потребности дифференцированного современного общества, она начинает исполнять функцию «национальной».

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, украинская культура на рубеже XIX — XX в. проявила удивительную жизнестойкость, став неотъемлемым явлением истори-

ческого развития. Ее формирование состоялось в условиях ущемлений и запретов, жесткой цензуры. Миссия, выпавшая украинской элите, состояла в убеждении украинского народа в том, что Украина — не колония Российской или Польской империи, и не Малороссия, но самостоятельное независимое государство с собственной историей, языком и культурой. Это время пробуждения духовности украинского народа, актуализации национального феномена, эволюции украинцев с этнографической массы до уровня полноценной европейской нации.

Литература:

1. Лысяк-Рудницкий, И. Интеллектуальные начала новой Украины // Исторические эссе. В 2 т. / [Пер. с англ. М. Бадик, У. Гаврышків, Я. Грицак, А. Дешица, Г. Киван, Е. Панкеевой]. — К.: Основы, 1994. — Т. I — с. 173–191.
2. Лисовый, В. Культура-идеология-политика. — К.: Издательство имени Елены Телиги, 1997. — 352 с.
3. Лисовый, В. Украинская философия в контексте национальной культуры // История философии Украины: Учебник. — К.: Лыбидь, 1994. — с. 5–21.
4. Сидоренко, Л. Современная экология. Научные, этические и философские ракурсы: Учебное пособие. — К. ПАРАПАН, 2002. — 152 с.
5. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://osvita.org.ua/library/politics/1117/>
6. Грицак, Я. Очерк истории Украины: формирование современной украинской нации XIX — XX в. — К.: Генеза, 2000. — 360 с.
7. Лыпинский, В. Письма к Братьям-Хлеборобам. Об идее и организации украинского монархизма. — Киев-Филадельфия: Институт Восточноевропейских исследований Национальной Академии Наук Украины, Восточно-европейский исследовательский институт им. В. К. Лыпинского, 1995. — 470 с.
8. Зиньківський, Т. Молодая Украина, ее положение и путь // Тысяча лет украинской общественно-политической мысли. В 9-ти тт. — К.: Днипро, 2001. — Т. V, кн. 2 (Конец XIX — нач. XX в.). — с. 75–88.
9. Лысяк-Рудницкий, И. Украинское национальное движение накануне первой мировой войны // Исторические эссе. В 2 т. / [Пер. с англ. М. Бадик, У. Гаврышків, Я. Грицак, А. Дешица, Г. Киван, Е. Панкеевой]. — К.: Основы, 1994. — Т. I — с. 471–483.

Состояние современной науки в современной культуре

Борисова Юлия Викторовна, аспирант

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматривается общая ситуация состояния современной науки, которая на данный момент переживает непростой период. Постмодернистский проект деконструкции развенчивает картезианские истины о том, что разум является единственно верным способом познания окружающего мира. Как следствие, научная рациональность теряет ориентиры и становится открытой для околонучных форм знания. Автор утверждает, что постмодернистский тезис о «смерти Автора» означает не только отказ от любых авторитетов и от идеи когерентной истины, но также означает недостаточную степень критической рефлексии исследователей в изложении достигнутых результатов.

Ключевые слова: кризис, научная рациональность, деконструкция, культура, разум, самосознание.

Отклонение от норм научной рациональности, размывание критериев научной истины, кризис научной методологии, становится чуть ли не нормой существования современной науки. Безусловно, этому имеются свои причины.

Одной из причин является постмодернистский проект деконструкции культуры, который по мысли Ж. Деррида, направлен на разрушение любых форм, структурирующих социокультурную целостность. Такой формой становится, в том числе, и наука. В своей работе «Письмо и различие»

Ж. Деррида пишет, что «Логофоноцентризм — не философское или историческое заблуждение, в которое по случайности патологически впала история философии, Запада, да и всего мира, а скорее необходимые, и с необходимостью конечные, движение и структура: история символической возможности вообще (прежде разграничения между человеком и животным, даже живым и неживым); история различания, история как различание, которая находит свою преимущественную манифестацию в философии как эпистеме, в европейской форме метафизического или онтологического проекта, всемирно господствуя над сокрытием, над цензурой вообще текста вообще» [1, с. 252]. Под использованным в своей работе «Письмо и различие» понятием «логофоноцентризм» Ж. Деррида имеет в виду любые центризмы, создаваемые предыдущей европейской философией и культурой. Как отмечает Г.К. Косиков, свою основную задачу французский ученый видит в том, «чтобы оспорить непререкаемость одного из основополагающих принципов европейского культурного сознания — принципа «центрации», пронизывающего «буквально все сферы умственной деятельности европейского человека» [2, с. 35–36]. Таким образом, научное знание в современной культуре больше не считается гарантом единственно верного постижения действительности.

Разум и рациональное мышление в постмодернизме перестают быть гарантом достоверности и истинности мира. Как замечает Ясперс, «в действительности человека западной культуры неприметно произошло нечто чудовищное: распад всех авторитетов, радикальное разочарование горделивого доверия к разуму, разложение всех связей, которое, казалось бы, делает отныне возможным все, абсолютно все» [6, с. 11]. Рациональное познание в силу господствующего в постмодернизме принципа плюрализма, становится лишь одной из существующих форм интерпретаций. Общеизвестный в постмодернизме тезис о «смерти Автора» означает отказ от любых авторитетов в социальных и межличностных отношениях. Это также означает отказ от идеи когерентной истины, характерной для классического и неклассического периодов развития европейской культуры. В том числе это означает отказ от науки как системы строгих знаний об объективной действительности, отказ от понятийно-логического мышления, которое теперь признается рудиментом истории и формой «центризма» культуры: ««Постнеклассическая наука демонстрирует достаточно лояльное отношение к идеям, вышедшим не из строго научного лона, а из иных, более широких контекстов» [2, с. 36].

Поскольку в современной культуре происходит деконструкция научного знания как части культуры, то размываются и критерии научности. Это способствует кризису науки как области знания, как типа рациональности в современном сознании. Под типом рациональности понимается особый способ мышления, способ работы со знанием с действительностью культуры. Как замечает В.С. Швырёв: «Кризис идеи рациональности в совре-

менном сознании, безусловно, связан с размыванием четких критериев рациональности познания, в первую очередь научной рациональности» [5, с. 105]. Это ведет к тому, что наука, которая раньше могла четко ограничить себя от вненаучных форм знания, теперь этого сделать не может, поскольку оказывается внутренне деконструирована. Учитывая тот факт что, в современной культуре, с одной стороны, наука уже не является единственной формой общественного сознания, которая транслирует единственно возможный способ познания, а наряду с другими формами общественного сознания предлагает одну из версий познания действительности; а, с другой стороны, религия не расценивается современным человеком в качестве верной формы духовного познания, обыденное сознание в современной культуре обращается к мистико-символическим учениям, апеллирующим к научности, и неорелигиозным сообществам.

Дискредитация научного знания как формы рационального познания действительности, его дисквалификация в современной культуре, способствует росту псевдонаучного и околонучного («теневого») знания. Как справедливо замечает Б.М. Машевский: «Постнеклассическая наука демонстрирует достаточно лояльное отношение к идеям, вышедшим не из строго научного лона, а из иных, более широких контекстов» [3, с. 145]. В первую очередь, это касается так называемых «неточных», гуманитарных наук. Так, известный отечественный социолог Г.В. Осипов еще в 1997 году в статье «Что происходит с социологией?» писал, что «печальной особенностью современного этапа развития социологической науки является ее резко упавший научный уровень. Сейчас каждый, кто составил опросный лист или провел интервью, называет себя социологом. Более того, многие из них считают возможным выдвигать и отстаивать самые различные проекты преобразования российского общества, все готовы управлять обществом, изобретать «философские камни» или «волшебные палочки» в целях его, общества, радикального переустройства» [4, с. 505].

Современный венгерский ученый Стивен Харнад в статье «Множественность киберпространства: Отграничение Эзотерики от Эзотерики» говорит о том, что для современной науки характерен низкий уровень экспертной оценки. Исследователь указывает на то, что: «Учёные много пишут для специалистов в тех же областях, что и они сами. ... Они пишут для ученых, а не для читателей. Следовательно, знание только бесконечно ретранслируется, из него ничего не выводится и не вытекает...» [7]. Таким образом, своеобразная эзотеричность, закрытость знания для людей, интересующихся тем, в чем они не являются специалистами, является причиной, по которой, в силу недопонимания, ретранслируется ложное знание, или, формируется абсолютная индифферентность к достижениям учёных в других сферах научного познания.

Следующим определяющим состоянием науки, на наш взгляд, является кризис культуры как генератора и транс-

лятора общечеловеческих норм и ценностей. Девальвация общечеловеческих истин приводит к понижению степени самосознания личности. В научной публицистике присутствует абсолютная свобода мысли и изложения.

Количество авторов в разных областях знания растёт с каждым днем. Возрастает и количество редакций. Так или иначе печатается всё. Единственным открытым вопросом остается вопрос о том, в какой форме и где напечатать. Экспертная оценка, осуществляемая специалистами в той или иной области, даёт право изложить результаты научного исследования или мировоззренческую позицию на ситуацию сложившуюся в современной культуре в виде статей, эссе, монографий, либо в виде заметок или пояснительных записок. Но основной проблемой остается вопрос о том, не зависит ли положительная экспертная оценка от достаточной доли финансирования самим автором, или «его спонсорами», как отмечает С. Харнад [7], процесса выхода в печать публикуемых материалов. Этот вопрос, безусловно, относится как к культуре современного общества, так и к культуре редакции, в которую отправляются материалы, также и к культуре самого автора, отправляющего материалы для публикации. Исследова-

тели порой забывают, что автор «полностью ответствен за содержание своей мысли, которое не заимствуется некритично извне, а представляет собой рефлексивно контролируруемую, воспроизводимую в прозрачности самосознания артикулируемую конструкцию» [5, с. 109].

Таким образом, критерии научности задаются социокультурными параметрами. Постмодернистский проект деконструкции культуры разрушает классические каноны научного познания. Это ведет к тому, что наука, которая раньше могла четко ограничить себя от вненаучных форм знания, теперь этого сделать не может. Так называемые «околонаучные», «паранаучные», «псевдонаучные» знания, одним словом всё то, что составляет «тень» науки предстаёт в современной культуре во всеобщем единстве с эмпирически доказываемым и трансцендентально воспринятым и логически изложенным традиционной наукой. С другой стороны, кризис культуры как генератора и транслятора общечеловеческих ценностей, ставит под вопрос уровень ответственности субъектов научной деятельности за излагаемые материалы, что сказывается непосредственно на содержании и состоянии науки в целом.

Литература:

1. Деррида, Ж. Письмо и различие. — СПб.: Академический проект, 2000. — 432 с.
2. Косиков, Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989—616 с. — с. 35—36.
3. Машевский, Б. М. Холистическая парадигма целостности в творчестве Н. Ф. Федорова и ее ценность для современной науки: постановка проблемы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 3. — с. 145—150.
4. Осипов, Г. В. Что происходит с социологией? // Вестник РАН. — 1997. — Т. 67. — № 6. — с. 505.
5. Швырев, В. С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. — 1997. — № 1. — с. 105—116.
6. Ясперс, К. Разум и экзистенция. — М.: Канон+, 2013.
7. Harnad, S. There is plenty of room in cyberspace: sorting the esoterica from the esoterica [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cogprints.org/1684/1/harful1.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ.

Взгляды на проблему культуры управления обществом и обеспечения безопасности границ государства в Древневосточной философии

Катунина Юлия Константиновна, кандидат философских наук, доцент
Одинцовский гуманитарный университет (Московская область)

Культура управления обществом прошла многовековую историю своего становления и развития. Историко-философские подходы на различных исторических этапах отображают особенности формирования взглядов и представлений о ее содержании, характере управленческих отношений, а также принципах, лежащих в основе управления и методов, посредством которых оно осуществляется.

Один из этапов цивилизационного развития общества был связан с появлением новых управленческих идей, обусловленных выдвиганием на первый план философской мысли. Появление философских школ в различных регионах мира — Древнем Китае, Древней Индии и Греции, явилось основой начала третьей управленческой революции.

Раскрывая специфику формирования систематизированного философского знания в Древней Индии необхо-

димо выделить основные характерные черты древнеиндийского общества. Это, прежде всего, деление общества на четыре варны: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Три первые варны (касты) являлись арийскими народами, а четвертая состояла из коренных народов Индии — индусов. Каждая варна представляла собой замкнутую группу людей, занимающую строго определенное место в обществе. При этом властные (идеологические и политические) функции находились в руках брахманов. Такое деление общества на классы (касты) способствовало качественному управлению, так как индуизм — это религиозно-идеологическая система, которая поощряла подобный порядок. Кстати, наука управления обществом называлась «Наукой о наказании» [4].

Говоря о древнеиндийской философии нельзя не остановиться на Буддизме. Являясь на сегодняшний день одной из мировых религий, Буддизм возник как оппозиция кастовому строю в VI—V веках до н.э., и внес новый элемент в управленческую мысль. Речь идет о том, что идеология буддизма отрицала неравенство рас, классов и национальностей. В этом учении утверждалось равенство всех людей в страдании и право всех на спасение. Данная позиция в корне изменила социальные отношения в индийском обществе. Решая в первую очередь практические этические задачи, стоящие перед человеком, философское учение Будды являлось «ключом» к обретению мудрости, ведущей к просветлению.

Что касается проблем государственных границ и их охраны, то они были сформулированы в Древней Индии с глубоко религиозно-идеалистических позиций. Считалось, что границы определяются волей всевышнего и оберегаются им. Однако существующие границы обозначались на местности и охранялись. Существовала определенная система крепостей, военных формирований, таможенных органов. В одном из величайших трактатов того времени «Артхашастра» (Наука политики), в III в. до н.э., довольно подробно изложен порядок охраны границы одного из древнеиндийских государств, в том числе определены обязанности «начальника пограничной охраны» и «охранителей границы» [2, с. 52, 62, 116, 378].

Философия Древнего Китая включала шесть основных философских школ: конфуцианство, моизм, школа закона («фа-цзя», по-европейски — легизм), даосизм, школа «инь-ян» (натурфилософы), школа имен («мин цзя»).

Разработка новых принципов регулирования общественных отношений в Китае становится одним из основных вопросов рассмотренных в трудах философов Древнего Китая. Формируются основные точки зрения на сущность социального управления: патриархально-патерналистское управление, управление через традицию и ритуал, через соблюдение нравственных правил (Конфуций); управление как «почитание мудрости» (Мо-цзы); управление на основе принципа недеяния (Лао-цзы, Ян Чжу, Чжуан-цзы); управление путем соблюдения закона, через страх наказания (Шан Ян, Хань Фэй-цзы и другие легисты) [5, с. 27—25].

Официальная идеология в Китае основывалась, главным образом, на принципах управления, изложенных в трудах Конфуция (551—479 гг. до н.э.) — выдающегося мудреца, философа и общественного деятеля Древнего Китая. Именно он дает развернутый образ человека, следующего конфуцианским моральным заповедям. Это «цзюнь-цзы» — «благородный муж», который противопоставляется «низкому человеку» — «сяо жэнь».

«Благородный муж боится трех вещей: он боится веления неба, великих людей и слов совершенномудрых. Низкий человек не знает веления неба и не боится его; презирает высоких людей, занимающих высокое положение; оставляет без внимания слова мудрого человека» и т.д. «Благородный муж» в конфуцианстве — не только этическое, но и политическое понятие. Он член правящей элиты, управляющий народом. Отсюда такие социальные качества «цзюнь-цзы», как то: «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток», «цзюнь-цзы» — всесторонне развитая личность».

Следовательно, ключ к управлению народом Конфуций видел в силе нравственного примера вышестоящих нижестоящим и считал, что основой социального управления является соблюдение ритуалов и традиций [3, с. 155].

По Конфуцию, хорошее управление государством — это когда власть взаимосвязана с народом. На вопрос одного из учеников, о том, в чем состоит управление государством, Конфуций ответил, что оно состоит в достаточности еды, оружия и доверия народа. Когда же ученик спросил учителя, что же можно из этого исключить при необходимости, Конфуций пояснил, что можно исключить оружие и даже еду, так как все люди смертны, но без доверия народа государство обречено [1, с. 49].

Что касается проблемы безопасности общества, то Конфуций был против силовых методов, он выступал за расширение границ «Поднебесной» мирным способом. Например, им предлагалось активнее заселять соседние территории, но при этом не ассимилироваться, а оставаться китайцами.

В основе социального управления даосистской школы, основателем которой считается Лао-цзы, лежит принцип недеяния как высшей формы поведения (у вэй). Совершенномудрый правитель предоставляет всему идти своим естественным путем — «дао». Поэтому «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Управление народом при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью» [1, с. 49]. Однако, данный принцип предполагает четкую и строгую регламентацию функций каждого члена общества.

В рамках учений другой философской школы — моизма, основанной Мо Ди (Мо-цзы) рассматривались вопросы совершенствования управления. Правители должны почитать мудрость, подбирать служилых людей не по их занятости и умению льстить им, а по деловым ка-

чествам, почтительно слушать, когда им говорят правду. То есть, речь идет о профессионализме и компетентности управленцев.

Законники (легисты) видели экономическую основу могущества в земледелии. Земледелие и война — главное, на что государство должно опираться и ради чего оно должно существовать. Государственные должности должны замещаться по способностям, а не по именитости, и тем более не должно быть наследственных должностей.

Выступая против конфуцианского управления, законник-практик Шан Ян заявлял, что: «Доброта и человеколюбие — мать проступков. Истинная добродетель ведет свое происхождение от наказания. К добродетели можно прийти лишь путем смертных казней и применения справедливости с насилием» [3, с. 223]. Для наведения порядка необходимо: иметь в государстве много наказаний и мало наград; жестоко карать за мелкие преступления, внушая трепет; разобщать людей взаимной подозрительностью, слежкой и доношением. Только так, утверждал Шан Ян, может сложиться «страна, где народ боится государственных законов и послушен в войне», где «народ пойдет на смерть за правителя» [3, с. 215]. Кстати, идеология управления Шан Яна потерпела крах после смерти императора, а сам философ был казнен.

По мнению Хань Фэй-цзы — ведущего идеолога древнекитайских легистов, отстаивавшего преимущества деспотической формы правления, правитель должен притворяться темным, глупым, заблуждающимся и бездействующим — так он узнает подлинные мысли своих подданных и усыпит бдительность врагов. Но недеянне имеет и второй смысл. Правитель может быть бездейственным, если у него есть хорошо работающий государственный аппарат. В таком случае он не только может, но и должен быть бездейственным. «В спокойствии и молчании держись позади, никогда не ставь себя в роль (исполнителя). Беда для государя, если он занят тем же, что и чиновники. Когда (государь) доверяет чиновникам, но (их дела) не сливаются, народ следует за ним, как один человек» [3, с. 226]. Это искусство управления Хань Фэй-цзы ставит

даже выше закона. Закон — для народа, искусство управления — для государя. Закон всем явен, искусство управления тайно.

Легистская концепция государственных границ выглядит наиболее реакционной. Так, Шан Ян считал, что право на национальную независимость имеют лишь крупные государства, а жизнеспособность государства определяется только наличием сильной армии. Границы признаются лишь формально. В их формировании главную роль играет принцип силы, в основе управления обществом лежит поиск новых нетрадиционных методов управления. Основным принципом поддержания порядка в обществе является принцип соблюдения законов, основанный на страхе народа перед наказанием.

Кратко рассмотрев взгляды философских школ Древнего Китая об управлении отметим, что и сегодня указанные аспекты культуры управленческой деятельности наглядно проявляются в практике многих современных общественных систем. Кроме того, знание указанных основ управления позволяет строить правильные социокультурные отношения с активно развивающимся китайским обществом.

Итак, историко-философские подходы в трудах философов Древней Индии и Китая, поднимают не только фундаментальные проблемы развития общества, но и обнаруживают основные направления совершенствования управления, тем самым подтвердив значимость культуры управленческой деятельности в обществе.

Важным является и то, что формирование государственной территории и государственной границы также осуществлялось на основе философских взглядов, играющих идеологическую и мировоззренческую роль в древних обществах. На основе имеющихся теоретических разработок, с помощью военной силы, за счет разрушения слабых и создания мощных государств формировались новые государства-цивилизации. В этот период зародился один из принципов формирования государственной территории и государственной границы, а именно с применением вооруженных сил и на основе идеологии.

Литература:

1. Антология мировой политической мысли: в 5 т. / А.А. Мигولاتьев. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997.
2. Архашастра, или Наука политики. М. — Л.: АН СССР, 1959.
3. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1972—1973.
4. Законы Ману. Манавадхармашастра / Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М.: ГРВЛ; Ладомир, 1992.
5. Чаньшев, А.Н. Курс лекций по древней философии: учебное пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М.: Высш. Школа, 1981.

Концепты фольклора как протофилософские категории

Нагапетян Карина Жирайровна, ассистент
Омский государственный технический университет

В современной философии проблема языковой картины мира является одной из наиболее актуальных. Язык позволяет понять подлинную сущность народа, проникнуть в глубины его миропонимания. Посредством языка формируется определенная языковая картина мира, которая представляет собой систему мировоззренческих установок языковой общности, выраженную в совокупности концептов. В состав каждой языковой картины мира входит определенный набор концептов, имеющих особенное значение и ценность для ее носителей.

Языковая картина мира может быть сформирована концептами из различных областей духовной культуры, как философии, так и художественного творчества. Фольклор составляет мощнейшую концептуальную базу русской духовной культуры, его терминология относится к области констант национальной культуры России. Поскольку посредством фольклора осуществляется сохранение и передача культурных традиций этноса, уместно будет отметить так называемый этносохраняющий характер фольклора, его значимость для обеспечения существования этноса. Это объясняется тесной связью фольклора с жизнью народа, его историей и бытом.

Фольклор, являясь частью национальной духовной культуры, осуществляет развитие в своих рамках различных социальных и демократических элементов, посредством него проявляется общность и патриотичность русской нации. Именно фольклор является выразителем общих взглядов и идеалов, а также важных жизненных вопросов, выражая национальное сознание.

Актуальность проблемы будет заключаться в рассмотрении основных концептов картины мира русского фольклора не с точки зрения лингвистики, как это происходило ранее, а с позиций их философского анализа.

В работе Г.И. Гурьяновой «Фольклор и философия в системе культуры» [2, с. 161] отмечена взаимосвязь двух различных явлений духовной культуры — фольклора и философии. Фольклор отражает обыденное мировоззрение народа в различные эпохи, являясь источником нетеоретической мудрости. Для него характерна направленность на осознание бытия человека в мире, в чем и заключается связь с философией.

Согласно А.В. Грому и С.Л. Громовой, фольклор каждого народа относится к целостной мировоззренческой системе, вытекающей из конкретного фольклора. Это система мировоззренческих установок, которая содержит в себе развитие нации, ее взаимодействие с другими нациями, в ходе культурного обмена. Картина мира, создаваемая в фольклоре, является позитивно-созидательной.

В рамках фольклора на обыденном уровне осмысливаются вечные философские проблемы добра и зла, бытия

и небытия. Что позволяет обозначить связь русского фольклора с философией. Фольклор также можно обозначить в качестве протофилософии, системы жизненных взглядов и установок, в которых выражались такие глобальные проблемы бытия социума, как: первопричина и первоакт, бытие и небытие. Он заключал в себе антропологические принципы, зачатки онтологии и гносеологии.

И.И. Лапшин рассматривал фольклор в качестве почвы для философии, но считал, что в отличие от философского знания, в нем на первый план выходит не теоретическое, познавательное содержание, а отношение к практическим интересам жизни. Фольклор содержит в себе некий элемент, который на следующей ступени развития трансформируется в Логос.

Весь русский фольклор пронизан различными концептами. Так, например, концепты добра и зла относятся к сфере мировоззренческих понятий. Как и в философии, они являются полярными категориями. С точки зрения аксиологии, концепты, входящие в состав русского фольклора имеют прямое отношение к общечеловеческой системе ценностей, посредством них реализуются представления индивидов о нравственных идеалах, моральных установках, нормах поведения.

В русском фольклоре, чтобы добиться чего-нибудь, индивид должен был сначала победить зло, совершив добро. Он постоянно сталкивается с выбором. В русской философии антропологии категории добра и зла были проанализированы двумя выдающимися философами, В. Соловьевым и Н. Бердяевым.

Так, например, В. Соловьев исходил из идеи всеединства, которая есть добро и преодоление зла. В своем произведении «Оправдание добра», В. Соловьев утверждал, что у добра не может быть никаких других мотивов, кроме него самого, оно сильнее зла. Добро свойственно человеческой природе, существует в сердцах людей. «Всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убедительность, или внешняя авторитетность, оставалось бы бессильным и бесплодным, если бы не находило для себя твердых точек опоры в самой нравственной природе человека» [5, с. 75].

Н.О. Бердяев исходил из мнения, что человек виновен не только в зле, но и добре. Философ добро и зло рассматривал в качестве онтологических сил. «Если бы не было различия добра и зла, не было бы зла, то никогда бы не возникла ни проблема теодицеи, ни проблема этики» [1, с. 37].

Для русского фольклора всегда была характерна этическая установка на обязательную победу добра над злом, вера в то, что зло будет наказано.

Другими важными концептами русского фольклора являются концепты жизни и смерти. Жизнь символизи-

рует светлое начало, смерть, конечность всего сущего, темное начало, связанное с потусторонними силами. Уместно также будет отметить наличие в русском фольклоре бинарной оппозиции жизни и смерти, живого и неживого. Смерть в русском фольклоре относилась скорее к области потустороннего. Таким образом, существовала граница между жизнью и смертью, вход в потусторонний мир был доступен только избранным.

Главный герой, в своей борьбе со злом, мог переступить границу жизни, бытия попадая в потусторонний мир небытия, чтобы затем, победив его, вернуться обратно в земной мир.

Существует диалектика жизни и смерти. Образом смерти в русском фольклоре традиционно выступала женщина в белом одеянии, отсутствовал страх смерти, так как было возможно воскрешение, ее преодоление. Смерть воспринимали скорее позитивно, нежели негативно, как нечто неизбежное, как конец существования в одном мире и начало существования в другом мире — мире потусторонних сущностей.

Своеобразное выражение получили концепты пространства и времени. Время, существующее в рамках фольклорной парадигмы, существенно отличалось от реального времени. Так, время определялось своей направленностью в прошлое, причем в его абстрактной форме, направляясь к изначальной точке своего отсчета, в «стародавние времена». Также не существовало точного отображения времени года, не указывались эпоха, год, месяц, час.

Временной отрезок делился лишь на день и ночь, на до и после. Ночь являлась сферой бытия потусторонних сил, всего темного и злого. День, напротив, олицетворял собой подъем душевных сил, нечто светлое, с восходом солнца было связано рождение нового дня, как нового начала.

В исследованиях В.Н. Топорова, как такового рационализированного пространства не существовало в мифопоэтической модели мира. В фольклоре пространство всегда выступало в качестве оживотворенного, одухотворенного и разнородного начала.

Оно не являлось чем-то идеальным, абстрактным, конституируясь заполняющими его вещами. Пространство русского фольклора всегда заполнено и вещно, его нет вне вещей. Образует вместе со временем некое единство — хронотоп.

Мифопоэтическая вселенная, согласно В.Н. Топорову, есть широкое, разветвляющееся вовне свободное пространство. Оно организовано и расчленено. В сказке герой отправляется вовне, на периферию пространства, которая всегда отличается высокой степенью опасности и концентрации злых сил.

Литература:

1. Бердяев, Н. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — с. 37.
2. Гурьянова, Г. И. Фольклор и философия в системе культуры / Г. И. Гурьянова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. — Труды и материалы: в 2 Т. — Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2001. — Т. 2. — с. 161.

Н.А. Лантух в своей работе «Культурологический анализ категории «сакральная граница» в сказках А.С. Пушкина» [3, с. 182] в ментальном пространстве-времени русского фольклора выделял так называемую «сакральную границу», разделяющую и связывающую человеческий мир с потусторонним миром. В русском фольклоре сакральная граница всегда обозначалась следующими терминами: «море-Окиян», «путь-дорога», «перекресток».

Согласно взглядам Н.А. Лантуха, все события, происходящие на заре, восходе солнца в русском фольклоре имели положительное содержание, поскольку считалось, что утренняя Заря дарит людям магическую силу. Рассвет закрывал вход в мир злой, нечистой силе. Нечистым временем считались полдень, полночь, глухая ночь.

Говоря о смерти или небытии в русском фольклоре, Т.А. Лисицына в работе «Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия» [4] отмечает раздвоенность бытия, которая выступает в качестве формы его непрерывности. Загробный мир аналогичен земному, в нем также присутствует деление на добрых и злых. Покойники влияют на бытие живых людей. Существует диалектика жизни и смерти.

Наиболее значимым является концепт материнства. С его помощью осуществляется построение всей концептуальной картины мира. С точки зрения мировоззренческой и этнокультурной специфики он обозначает доверие, уважение, преданность. Мать символизирует начало жизни, если рассматривать данный концепт с точки зрения философской категории, то его можно отнести к области первоматерии.

Любовь к матери пронизывала все пространство русского фольклора, а поскольку в русском миропонимании образ матери издавна был связан с землей, это способствовало распространению любви русского человека к своей земле и всему, что было с ней связано, например, земледелию, труду, связанному с обрабатыванием и возделыванием земли. Таким образом, в русском фольклоре происходит сакрализация образа матери-земли.

Следовательно, можно сделать вывод, что пространство фольклора являет собой начальную, в некоторой степени архаичную ступень познания действительного мира, основанную, прежде всего, на бытовом, практическом отношении к реальным явлениям, а не на их теоретическом осмыслении. Как и философия, он нацелен на проблемы бытия человека в мире. В его рамках существует постоянная диалектика двух противоположных начал, что и позволяет проследить его связь с философией и обозначить в качестве протофилософии.

3. Лантух, Н. А. Культурологический анализ категории «сакральная граница» в сказках А. С. Пушкина. // Культура народов Причерноморья. — № 3. — 1998. — с. 182–188.
4. Лисицына, Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия. — Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. URL: <http://antropology.ru/ru/texts/lizis/tanatos5.html> (дата обращения: 15.01.2011).
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. — М.: Республика, 1996. — с. 75.

Природа Бога в понимании Августина Блаженного

Писаревская Анна Альбертовна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из выдающихся произведений и первым памятником исповедального жанра является трактат «Исповедь» Аврелия Августина. В этом сочинении блаженный Августин повествует о своем пути прихода к Богу. В первых десяти книгах рассказывается психологическая автобиография до крещения Августина, в следующих трех объяснение сотворения мира Богом. Что же есть Бог и какую роль он играет в жизни человека согласно мировоззрению Августина?

Августин пытается понять, что есть Бог, ибо как можно верить в то, что не понимаешь и не знаешь. «Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо «воззвать к Тебе?»» [1]. Только Бог является источником знания, само знание есть откровение Божье. Таким образом, Августин приходит к тому, что Бог это истина. Познать Бога можно только отыскав истину. Здесь мне сразу вспоминается мир мнений и мир истины Парменида в поэме «О природе». Герой встречается с Богиней, которая рассказывает о мире истины и мире мнений. Мир мнений — это мир, в котором существует человек. Почему человек существует в мире мнений? Потому что мы живем в окружении множества людей, а это множество ориентируется друг на друга. Каждый раз человек пытается ассоциировать себя с другими, спрашивая: «что он бы сделал на моем месте?». Также человек обладает чувствами. Эти чувства являются залогом существования мира мнений, благодаря которому есть мысли. Богиня Дика (Правда) символизирует мир истины, который следует понимать как мир единый и неизменный. Так и Августин в своих поисках на вопрос «что есть Бог» обращается к различным стихиям, но все они отвечают, что они только созданы им. Бог не есть что-то телесное, а значит, чувственные ощущения не могут дать ответ на этот вопрос. Однако каким способом можно понять Бога, если как пишет Августин, Бог существует в самом человеке: «Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне?» [2]. Бог не постигаем, ведь он не является телесным. Тем не менее, «Бога можно постичь, возвра-

щаясь к самому себе под руководством Бога в «самые глубины свои» [3].

Бог это есть высшее благо. Что такое высшее благо? Высшее благо-это то, к чему стремится всё в мире, это то, что мы называем абсолютным счастьем. То есть по Августину Бог это абсолютное счастье. «Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага, и от Господа моего все мое спасение» [4]. Из этого можно сказать, что Бог это центр вселенной, спасение человека. Если Бог центр вселенной, то значит, что он вечен, так как вечна вселенная. Изменяется ли вселенная? По мнению Августина, вселенная неизменна, и поэтому Бог тоже неизменчив по своей форме. Но если Бог неизменен и в тоже время является центром мира, и находится в каждой точке этого мира, и даже в душе человека, а как мы знаем мир меняется с каждой минутой, как и душа человека, которая в течение всей жизни ищет свой путь и изменяется, то почему Бог неизменчив? В этом случае, Бог бы был неизменчив, если бы наблюдал за всем этим миром со стороны, но как пишет Августин, Бог есть в каждой точке мира. Если взять отдельное понятие вселенной, то она вечна, а если мира то он нет, ибо даже в священном писании библии говорится, что наступит конец света, конец мира. Так как Бог есть также свет, то когда наступит конец света, вместе с этим наступит и конец Бога? И чем будет заниматься Бог, когда придет конец тому, что он создал? Конец человечеству и всему сущему. Если Бог это спасение человечества, то конец света также является спасением человека от земной жизни, жизни полной грехов. Здесь я вижу противоречие, что Бог является центром вселенной и одновременно вне мира. Мое объяснение может быть такое — Бог вездесущ, он одновременно присутствует повсюду. Даже если наступит конец мира, то Бог останется, ибо он вечен.

Бог есть некая субстанция, однако вместе с этим в исповеди Августина Бог очеловечивается, он говорит, дает советы, открывает истину. Впервые перед нами Бог осмысливается как личность. Бог никогда не изменяется, ведь именно он владеет временем. «До сотворения неба

и земли Бог не делал ничего, ибо делать для Бога — значит творить», значит ли это, что до создания мира Бога не было? Опять же если Бог есть в каждой точке мира, а до того, как мира не существовало, то и Бога не было? «Не было такого времени, когда Ты еще ничего не создал, ибо и время — творение Твое» [5]. Бог вечен потому что он существует вне времени, в нем есть только вечное настоящее.

До того как Бог сотворил мир ничего не было, но ведь Бог сотворил этот мир из ничего, а значит и ничего есть что-то из чего можно творить. По Августину «ничего», это нижний уровень, небытие, то есть мир сотворен из небытия. Если мир сотворен из небытия, то Бог вне этого небытия. Первоначально всего это Бог и «ничего», из которого он создает мир. Бог — это несотворенное сущее.

На философию Августина оказало влияние такое направление античной философии, как неоплатонизм. Августин взял учение Платона и неоплатоников в качестве фундамента для своей теологии. С его точки зрения, именно эти взгляды наиболее широко способны доказать истинность христианского учения. Бог является центром философско-христианской концепции Августина. Исходя из неоплатонизма, Августин пишет то, что Бог это бестелесный совершенный Абсолют, выше которого нет ничего. Но можно ли сказать, что Бог у Августина тождествен Божеству Платона?

Также как и у Августина, Бог Платона является высшим благом: «Невозможно ныне и было невозможно издревле, чтобы тот, кто есть высшее благо, произвел нечто, что не было бы прекраснейшим» [6]. По мнению Платона, только Бог есть источник блага. Зло, которое творится в мире — не происходит от него. Но если Бог не является причиной зла, то кто? В этом случае, либо Бог не благо, либо помимо него в этом мире существуют другие причины. Августин объясняет зло, отсутствием добра, или искаженное божественное добро. Это добро искажено материальным телом человека. Здесь он обращается к Платону, считавшему, что зло порождается телом, которому присущи страсти и страдания: «И вот они, подражая ему, приняли из его рук бессмертное начало души и заключили в смертное тело, подарив все это тело душе вместо колесницы, но, кроме того, они приладили к нему еще один, смертный, вид души, вложив в него опасные и зависящие от необходимости состояния: для начала — удовольствие, эту сильнейшую приманку зла, затем страдание, отпугивающее нас от блага, а в придачу двух неразумных советниц — дерзость и боязнь — и, наконец, гнев, который не внемлет уговорам, и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщениям» [7].

В диалоге «Тимей» Платон называет Бога Демиургом, что с греческого «*demiurgos*» переводится как мастер, ремесленник, от «*demos*» народ, «*ergon*», «*urgos*» работа. Бог создал космос из хаоса, суть его работы заключалась в том, что он привел в порядок все видимые вещи, прибывавшие в беспорядочном движении. Здесь мы видим

различие между Демиургом и Богом Августина. У Платона Бог не создал мир из ничего, как в христианской теории. Космос от греческого языка «*kosmos*» переводится как порядок, строй, мир. Бог является причиной бытия, нематериальным и вечным. Также как и у Августина, Бог все сотворил, сам не являвшись сотворенным. Демиург создал вселенную по собственному желанию «чтобы все было хорошо». И в учении Августина решение Бога сотворить мир было разумным, на основе собственного замысла. Бог совершенен и сотворенный им мир является также совершенным. Также как и у Платона, в философии Августина существуют два мира. Идеальный мир, который содержится в Боге и реальный — воплощение идеи в материю, на земле.

Еще одной схожей чертой является истинность божества Платона. Бог не может обманывать человека и являться в разных обликах. «Значит, Бог — это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения — ни наяву, ни во сне» [8]. Бог все знает, от него нельзя ничего утаить. За недостойным поступком всегда следует Божья кара и презренье. В этом состоит отличие от христианского Бога. Там стоит человеку покаяться в своих грехах и Бог сразу же примет человека в свое царство. И вообще, по моему мнению, главной разницей между Богом Платона и Августина является отношение к людям. В диалоге «Тимей» Платон пишет, что Демиург создал божественных существ, а создание людей доверил тем, кого сотворил. Здесь Бог представляется нам как статический, наслаждающийся самим собой. Ему чужды проблемы людей, он от них удален и не принимает участия в мире, безличный высший Абсолют. В философии Августина Бог предстает как личность, которая заинтересована в судьбе каждого человека. В довершение сего, Бог даже облачился в смертное тело и пришел на землю, чтобы искупить грехи людей, пожертвовав собой. Согласно Платону Богу чужда материя, тело, которое является злом для него. Бог не может прикасаться к земле и помимо этого облачаться в жалкую плоть.

И так, мы можем наблюдать, что Божество Платона отличается от представлений Августина, тем не менее, между ними есть схожие черты, что подтверждает то, что Августин опирался на неоплатонизм. Однако неоплатонизм это не только комментирование диалогов Платона. Начиная с Порфирия в неоплатонизм вводятся учения Аристотеля. Так, для меня является крайне важным разобратсья в понимании Бога у Аристотеля.

Как писал британский философ Б. Рассел «Метафизике Аристотеля, грубо говоря, можно описать как разбавленные здравым смыслом взгляды Платона. Аристотеля трудно понять потому что нелегко соединить взгляды Платона со здравым смыслом» [9]. В «Метафизике» Аристотель подвергает критике учение Платона о мире идей. По Аристотелю, идея это не нечто что-то отдаленное и идеальное, а идея — это форма материи. Идея сочета-

ется с предметом. При том невозможно, чтобы материя существовала без формы, однако форма может существовать без материи. Бог у Аристотеля — это форма, начисто лишенная материи. Аристотель мыслит совсем не религиозным путем, а рациональным. Бог — это перводвигатель, причина всех происходящих в мире движений. Так как он является причиной всех движений, то также как и у Платона с Августином Бог Аристотеля вечен. «Поэтому должно быть такое начало, сущность которого — деятельность. А кроме того, такие сущности должны быть без материи: ведь они должны быть вечными, если только есть хоть что-нибудь вечное; следовательно, они должны пребывать в деятельности» [10]. Этот перводвигатель постоянно поддерживает мир в движении, так как движение это проявление сущего, то есть Бог это неиссякаемый источник энергии. Сам перводвигатель является неподвижным, так как каждая вещь имеет началом какое-то движение, это движение имеет другое движение, так может продолжаться до бесконечности, но Аристотель отрицает бесконечность, потому что ее невозможно познать.

Аристотель приходит к тому, что Бог — это мышление. Так как, Бог это нечто совершенное, то и мыслить он должен также что-то совершенное. А что-то совершенное это мысль, то Бог Аристотеля мыслит сам себя. Он предстает перед нами как чистый философ, который познает сам себя. Конечная причина всех действий это ум, и здесь мы видим, что действующая причина и цель совпадают. «А ум через сопричастность предмету мысли мыслит сам себя: он становится предметом мысли, соприкасаясь с ним и мысля его, так что ум и предмет его — одно и то же» [11]. В отличие от Бога Августина, перводвигатель не совпадает с миром, он находится вне вселенной. Бог Аристотеля является высшим Абсолютом, так как его главный признак есть совпадение субъекта с объектом. Он не мыслит ничего, кроме себя. В этом его главное отличие от понимания Бога у Августина. Возможно, Бог даже не знает о существовании мира и человечества, так как если бы он мыслил о чем-то кроме себя, он не был бы совершенным. Получается, что мир не был сотворен, он вечен и все сущее в нем двигается перводвигателем (Богом).

Литература:

1. Августин Аврелий. Исповедь / Аврелий Августин; пер. с лат. М. Е. Сергеенко. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 400 с.
2. Там же
3. Гагарин, А. С. «Homo interior» Августина Аврелия (Блаженного) // Дискурс-Пи. Выпуск 6: Дискурс современных мифологий. Екатеринбург. Изд-во Уральского ун-та. 2006. С.64–67
4. Августин Аврелий. Исповедь. Книга 1, Глава 6.
5. Там же. Книга 11, Глава 14.
6. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
7. Там же
8. <http://philosophy.ru/library/plato/01/0.html>
9. Рассел, Б. История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. — Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во; Изд-во Новосибир. ун-та, 2001. — 992 с.

Таким образом, мы можем наблюдать различные теории понимания Бога. Христианское учение о Боге совпадает в большей степени с философией Платона. Аристотель же критикует идеи Платона и создает свою концепцию, на основе разума. И так, что общего между Богом Августина, Платона и Аристотеля? Бог не был рожден, он всегда существовал в этой вселенной. Бог вечен, он не стареет, не изменяется. Бог бестелесен, материя относится только к миру реальному. Бог существует вне мира. Бог совершенен, он является высшим благом, то к чему стремится человек. На этом сходства заканчиваются.

Чем же отличается представление о Боге Августина от философии Платона и Аристотеля? В христианской теории Бог создал мир из ничего, в учении Платона Демиург привел в порядок беспорядочные вещи, в понимании Аристотеля мир уже существовал. Главное отличие христианского мировоззрения Августина заключается в отношении Бога к людям, его роли в жизни человека. Бог очеловечивается, он наделяется чувствами. Для того чтобы спасти человека Бог послал на землю своего сына. Бог всегда помогает человеку и заботится о нем. Цель каждого — это следовать Богу, стремится в его царство. Даже сам Иисус назван Спасителем. Он спасает человека от зла и введет в добро. Души Бог создает для каждого человека индивидуально, в этом также состоит отличие от учения Платона, в котором душа существовала всегда. Божество Платона не имеет любви к людям, как христианский Бог. Он презирает материю, тело. Согласно христианскому учению тело-это храм души и мы должны заботиться о нем, ровно также как и о мире, в котором живем, ведь он был создан из небытия и наделен божественными чертами. Бог любит свое творение и поэтому прощает ему грехи. Божество Платона сурово наказывает человека за проступки. Бог Аристотеля даже не мыслит о людях и возможно не знает, что они существуют. Конечно, вопрос о существовании Бога и его роли в жизни человека до сих пор остается открытым. Люди всегда хотели понять, кто их создал и что же ими руководит. К сожалению, мы не можем найти единственный верный ответ, остается только верить... или не верить.

10. Аристотель *Метафизика* / Аристотель. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 608с.

11. Там же

Закономерный характер развития феномена счастья

Скворцова Екатерина Николаевна, соискатель
Запорожский национальный университет (Украина)

Необходимость исследования объясняется фрагментарным мировоззренческим измерением социального бытия. Определить закономерные взаимосвязи развития счастья как системного общественно-исторического феномена позволяет раскрытие содержания понятия «счастье». Закономерность развития счастья выступает формой реализации его глубинной субъект-объект-субъектной субстанциональности, где под закономерностью понимаем форму проявления определенной сущности, то есть закона, как объективной, существенной, внутренней, необходимой, устойчивой, повторяющейся связи явлений действительности. Исследовали особенности действия закономерностей счастья в западной и восточной философии. В статье проделан социально-философский анализ онтологических предпосылок достижения счастья. В качестве ведущей закономерной взаимосвязи предложена взаимосвязь общественных потребностей и личных целей, что в совокупности позволило исследовать закономерный характер развития феномена счастья.

Ключевые слова: бытие, закономерность, развитие, счастье, деятельность, интерес, общественные потребности, личные цели, идеалы

Исследуемая тема является чрезвычайно актуальной ввиду того, что человеческая деятельность протекает в различных условиях, отсюда рождается многообразие ее форм. Именно этим обусловлена чрезвычайно сложная динамика социального развития, развития того или иного социального организма. На наш взгляд, исследования современных философов, психологов, социологов направлены на экспликацию сущности счастья, где закономерности его достижения сводят к социальным отношениям (семья, любовь, друзья), труду, богатству, социальному статусу, образованию, религии, позитивному настрою, оптимизму, высокой самооценке, благоустройству страны (А. Грицанов, И. Гуляс, И. Джидарьян, И. Ивин, Е. Ильин, С. Крылова, Н. Хамитов и др.). Современные философские исследования феномена счастья наполнены палитрой попыток преодолеть классические философские позиции о счастье, где содержанию понятия, в особенности, анализу закономерных взаимосвязей не предоставляется достаточного внимания. На наш взгляд, именно поэтому необходимо исследование закономерностей достижения счастья для изменения неопределенного развития современного общества.

Вместе с этим, понятие «счастье» культурно-специфично. В одних культурах, например, там, где сильно влияние традиционной протестантской этики, потребность в достижении счастья ассоциируется, прежде всего, с идеей труда, с лидерством, где «божественное избрание личности» проявляется в ее деловых успехах, самоуважение — с успехами в предметной деятельности (учебе, работе). Существуют культуры, в которых преимущественной сферой свободы считается игра, а ценности,

связанные с групповой принадлежностью (семья, любовь), ставятся выше предметной деятельности. И дело не в том, пишет И. Кон, что одни культуры и индивиды более активны, чем другие, а в том, куда направлена их активность [5, с. 53].

На Западе активно развиваются экспериментальные исследования счастья в рамках социально-психологического подхода. Начиная с 60-х гг. XX в. активно изучается общественное мнение о счастье в США и Европе, проводятся социологические и психологические исследования о счастье как удовлетворенности жизнью, о качестве жизни (М. Аргайл, Р. Винховен, Х. Кэнтрил, Н. Брэдберн, А. Кэмпбелл, П. Конверс, С. Любомирски, В. Роджерс и др.). В 1999 г. под руководством Р. Винховен основан журнал *Journal of Happiness Studies*, в котором публикуются многочисленные исследования счастья в различных аспектах (измерение счастья, распространенность счастья, взаимосвязь счастья и общества, социального статуса, связей, возможностей, предпочтений, действий человека, а также факторы счастья, его последствия). И. Кон поясняет, что новоевропейская модель человека является активистско-предметной. Личность формируется, проявляется и познает себя через свою деятельность. Отсюда — иной тип мировоззрения, а вместе с ним, и счастья.

Напротив, восточная, особенно индийская, философия, не придает значения предметной деятельности, утверждая, что счастье достигается путем творческой активности, составляющей «Я», которая разворачивается лишь во внутреннем духовном пространстве и познается не аналитически, а в акте мгновенного озарения («са-

тори»), который есть одновременно пробуждение от сна, самореализация и погружение в себя [5, с. 55]. В китайской культуре проблемы бытия и сознания обычно ставились и решались безотносительно к личности и ее восприятию. Общий для даосизма и буддизма принцип «недеяния» («у-вей») означает не пассивное праздное бездействие, а стремление не нарушать естественный порядок вещей («дао»). Отказ от внешней, предметной деятельности освобождает мудреца от субъективных пристрастий, позволяя достичь абсолютной гармонии. Вся его активность обращается вовнутрь, становится чисто духовной. Созерцательная философия даосизма и буддизма, подчеркивающая ничтожность и неподлинность всего преходящего, усматривает смысл жизни и утешение во внутренней сосредоточенности. Счастье мыслится здесь как согласование внешней формы жизни с взглядами и оценкой окружающих. Это соответствует и этимологии слова «счастье» в японском языке («счастье» — «сиавасе» — производно от глаголов «суру — «делать» и «авасэру» — «соединять», «приноравливать», «присповлабливать»).

Таким образом, закономерности достижения счастья различны в культурах Запада и Востока. Однако существует закономерность, которая выступает формой реализации глубинной субъект-объект-субъектной субстанциональности феномена счастья. В качестве ведущей закономерной взаимосвязи рассмотрим взаимосвязь общественных потребностей и личных целей, предварительно рассмотрев онтологические предпосылки достижения счастья.

В первую очередь, важно выяснить, что есть бытие, так как в самом понятии «счастье» как переживании полноты бытия заключена трудно разрешимая диалектическая коллизия. Она заключается в том, что счастье, с одной стороны отражает полноту бытия, а с другой — сама полнота бытия непременно включает в себя переживание счастья, без этого жизнь никак не может быть полной. Само слово «бытие» имеет множество значений. Философы в учении о бытии выделяют два основных его смысла: применительно к миру в целом и применительно к отдельным конкретным вещам, свойствам и отношениям, но все-таки утверждает оно существование, наличие, присутствие. Различие можно увидеть при постановке вопроса об их отношении к не-бытию, где бытие мира охватывает или пронизывает всю Вселенную, и в этом отношении бытие едино, оно не возникает и не уничтожается, оно вечно, как вечен сам мир. Во втором смысле «бытие» связывается с отдельными системами, чье бытие преходяще. Как утверждают философы П. Алексеев, А. Панин «они обретают бытие, и их существование завершается небытием; здесь само бытие систем проходит стадию становления своего бытия и наличного бытия; «наличным» оказывается и стадия прекращения существования вещи или процесса, и в этом смысле они переходят в небытие. Если в первом случае такого подразделения нет, то во втором случае оно име-

ется». Между этими двумя аспектами есть связь: бытие в широком смысле включает в себя бытие в узком смысле и реализуется через бесконечное множество конкретных вещей, свойств и отношений, обладающих частичным бытием. В этом отношении имеет силу утверждение, что бытие заключает в себе небытие и что частичное бытие имеет две формы: потенциальную и актуальную [1, с. 422–423].

Человек существует в мире истории природы и общества, в системе общественных отношений, которые в значительной мере означают его отношение к природе. Именно в процессе активной целенаправленной деятельности человек превращает природу в мир своего бытия. В то же время, человек разрушает природу, создает угрозу своему существованию и существованию всего живого, соответственно, порождает несчастье. В случае исчезновения человека, исчезнет и мир, как мир человеческого бытия. Однако это не означает, как утверждает В. Волков, что исчезнет природа и изменения, которые произошли в ней с помощью человека, «природа потеряет свою качественную определенность как мир человеческого бытия» [7, с. 98].

Таким образом, выяснили, целостность бытия личности разрушается при дегуманизации продуктивной деятельности. Возникает несчастье, что определяет деструкцию целостности социального организма определенной страны, так и всего человечества. На наш взгляд, именно с формированием культуры «сродного труда», и соответствующих ей мировоззренческих ориентиров, возникают предпосылки настоящего счастья социальных субъектов различных уровней. «Сродный» (сродный кому, чему) — свойственный, природный, усвоенный себе, сродный к чему-нибудь. «Сродный труд» способствует реализации сущностных сил человека, проявлению его творческого потенциала, дает ему возможность найти смысл своего бытия, ощутить счастье и радость в наслаждении трудом, а не только его результатами, а также быть свободным. М. Мамардашвили пишет, что свобода — это «сила на реализацию своего собственного понимания, своего «так вижу — и не могу иначе», это — наличие каких-то мускулов, навыков, умения жить в гражданском обществе, умение и силы независимости. Это не просто эмоции и своеволие, это взрослое состояние. Нужно стать взрослым, ибо только взрослый может быть независимым, а не ребенок». К тому же, философ добавляет, что часто в современном мире человек хочет перескочить через «труд свободы», через «бремя развития самого себя», но это невозможно. Согласимся с ученым, что «нужно решиться на труд жизни, ибо только это и есть свобода; решиться в истории, в реальности, и в малых делах, и больших. ... Если не будет напряжения труда, то есть напряжения свободы, требующей труда, то ты с этой исторической точки падаешь в бездну, которая окружает все точки... на Земле... Иначе можно выпасть из истории в инертную, злую энтропию, т.е. после неко-

торых драматических событий, которые мы называем «апокалипсисом», мы можем оказаться в состоянии безразличного косного хаоса, в котором не будет никакого лица, в том числе — национального. А если мало людей в нации способно быть свободными — то лицо нации стирается» [6, с. 209].

Таким образом, счастье исчезает, субъекты разных уровней находятся в несчастье. Задача состоит в том, пишет М. Мамардашвили, «чтобы люди стали способны к современному труду. Не будет этого — нация выродится. Внешне это будет выражаться в: демографическом ослаблении нации, появлении большого числа лиц другой национальности на ее территории, а в действительности эти явления будут просто внешней символикой нашего большого внутреннего состояния» [6, с. 210]. Можно с уверенностью утверждать, что «сродный труд» является формой воспроизведения субъект-объект-субъектного единства, то есть единства личных и общественных интересов, а потому главной онтологической предпосылкой целостности бытия личности, собственно, счастья как субъективной формы осознания этой целостности.

Взаимосвязь потребностей, интересов, ценностей и идеалов выступает генетическим источником закономерного характера развития счастья. Здесь всегда энергия человека направлена на стремление к счастью, проходит становление социального субъекта, который в деятельностный способ осваивает мир. Потребности и ценности человека становятся содержанием общественной деятельности с помощью интереса. Удовлетворения потребностей и реализация ценностей определенного субъекта является одновременно формой реализации потребностей и ценностей всех остальных участников общественных отношений [2].

Общественные потребности выступают ведущей движущей силой социального развития. Потребность является противоречивой связью между субъектом и окружающей средой, и субъекту принадлежит активная, выборочная роль. Именно в процессе труда потребность социального субъекта возникает и удовлетворяется. Можно утверждать, что все человеческие потребности являются социальными (содержат общие признаки биологических потребностей живых существ). Потребность выступает в качестве интегральных составляющих содержания интереса, вызывая его направленность и ха-

рактер. В свою очередь, счастье опосредуется совокупностью идеальных побуждений, которые не всегда отражают потребности и пути их удовлетворения, содержат в себе что-то такое, чего нет в самых объективных требованиях бытия социального субъекта, но присутствует в его субъективности.

Именно общественные потребности воплощают в себе объективные закономерные императивы воспроизводства деятельностного единства природы, человека и общества. Как указывает Т. Бутченко, общественные потребности, включая внутреннюю активность человека, побуждая ее к превращению себя и окружающего природного и социального миров, «служат выражением диалектического совпадения естественно-исторической возможности и необходимости, являясь фундаментом для общественного выбора возможных путей и средств реализации объективных закономерностей поступательного развития общества» [2, с. 175]

Существенная особенность развития заключается в целенаправленной деятельности. Цели представляют собой особый ряд причин — идеальных причин человеческой деятельности. Но идеал как мысленное представление о будущем совершенстве находится не только в единстве, но и в противоречии с действительностью. Идеал возникает исходя из того, что действительность не совершенна, человек нуждается ее улучшении, отсюда и рождается желание быть счастливым. Идеал является мысленным образцом, согласно которому будет преобразована действительность. Цель воплощается в действительность благодаря целенаправленной деятельности, многообразии форм которой обуславливает чрезвычайно сложную динамику социального развития, развития того или иного социального организма. И результаты, которыми характеризуется та или иная деятельность, также отличаются своим многообразием. Думается, что тут и рождаются те многочисленные представления о понятии «счастье».

Таким образом, многие ценностно-целевые установки человек усваивает в ходе социализации, и наиболее значимые цели для формирования личности — всегда плод ее собственных размышлений и усилий. При этом важно, чтобы цели личности находились в неотъемлемой взаимосвязи с общественно значимыми потребностями. Данная взаимосвязь, по нашему мнению, является закономерной в достижении счастья.

Литература:

1. Алексеев, П. В., Панин А. В. Философия: учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2013. — 592 с.
2. Бутченко, Т. І. Соціально-політичне проектування: проблема взаємозв'язку суспільних потреб і державних інтересів. Монографія. — Запоріжжя: КСК-Альянс, 2011. — 280 с.
3. Джидарьян, И. А. Психология счастья и оптимизма. — М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2013. — 268 с. (Достижения в психологии)
4. Додонов, Б. И. В мире эмоций. — К.: Политиздат Украины, 1987. — 140 с.
5. Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с. С. 5

6. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили; [Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова] — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
7. Основи соціальної філософії: Навчальний посібник / Під заг. ред. В.І. Воловика. — Запоріжжя: Просвіта, 2012. — 320 с.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 15 (95) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26